

НАДЕЖДА ОСТРОМЕНЦКАЯ

ПОВЕСТЬ
о Рейнге и Мишке

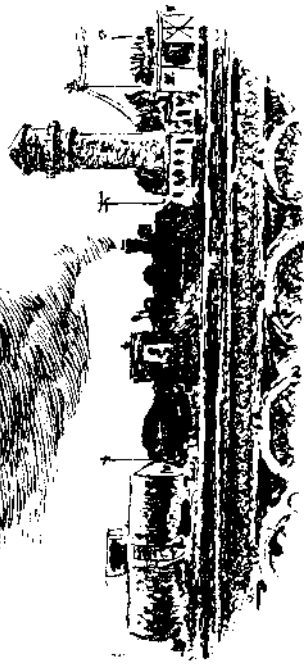
Заурбеку Шерипову —
товарищу в работе посвящаю
эту повесть.

Н. ОСТРОМЕНЦКАЯ.

НАДЕЖДА ОСТРОМЕННОЦКАЯ

ПОВЕСТЬ

о Джеймсе и Селмишке

Чечено-Ингушское книжное издательство
Грозный — 1979

О КНИГЕ И ЕЁ АВТОРЕ

Художник П. Г. Пономаренко

Эту книгу написала Надежда Феликсовна Остроменцкая (1893—1968). Педагог-общественник, детская писательница, она всю свою жизнь отдала детям, молодёжи. На заре Советской власти она создала в Крыму одну из первых в стране детских коммун, принимала участие в организации самодеятельного театра в нефтяном Грозном. А в середине 20-х годов Надежда Феликсовна стала работать вместе с Антоном Семёновичем Макаренко — воспитательницей в колонии имени А. М. Горького.

Об этой работе, о жизни колонии ей захотелось рассказать людям. И вот в начале 1928 года в журнале «Народный учитель» был напечатан большой очерк Н. Ф. Остроменцкой «Навстречу жизни». Это был яркий и интересный рассказ о делах «коммун», где гранятся характеры», о деятельности А. С. Макаренко. Очерк понравился А. М. Горькому. В мае 1928 года он писал А. С. Макаренко: «...письмо Ваше получил вместе со статьёй Остроменцкой; читая статью, едва не разревелся от волнения, от радости. Какой Вы чудеснейший человек, какая хорошая, человечья сила».

В эти же годы у Надежды Феликсовны возник замысел повести о колонии. Она поделилась планами с А. С. Макаренко. В письме к ней от 9 октября 1926 года он говорил: «Ничего, разумеется, не могу возразить против написания Вами книжки о колонии, хотя, по правде сказать, в мои планы не входит слишком большая известность колонии».

Работала писательница над повестью на Горячеводском курорте нефтяников (ныне станица Горячеисточенская). В 1930 году «Повесть о Решиде и Мишке» вышла в свет. Впоследствии Надежда Феликсовна продолжила работать над книгой, добавила несколько новых глав, и в 1936 году «Повесть о Решиде и Мишке» вышла вторым изданием.

Остроменцкая Н. Ф.

О-78 Повесть о Решиде и Мишке. Издание четвёртое. Грозный, Чечено-Ингушское книжное издательство, 1979.

134 с.

Повесть советской писательницы (1893-1968) о судьбе чеченского мальчика Решида и его друга беспризорника Мишки.

О О-7-6-3-023 53 - 79
М135(03) - 79

Эта книга представляет очень большой интерес и тем, что в ней впервые в нашей литературе нарисована жизнь колонии имени А. М. Горького, и тем, что повесть изображает интересную и счастливую судьбу чеченского мальчугана, прошедшего в колонии большую жизненную школу и вернувшегося к своему народу, чтобы вместе с ним строить новую жизнь. Писательница умело и увлечённо рассказывает о своих героях. Интересны страницы, на которых появляется заведующий колонией Владимир Александрович, «невысокий очкастый человек в гимнастёрке». Во внешности и поступках этого героя мы легко узнаём Антона Семёновича Макаренко.

«Повесть о Решиде и Мишке» привлекает здоровым духом приключений, стремительно развивающимся сюжетом, живым юмором, мастерством писательницы, умеющей просто и задушевно говорить с читателем.

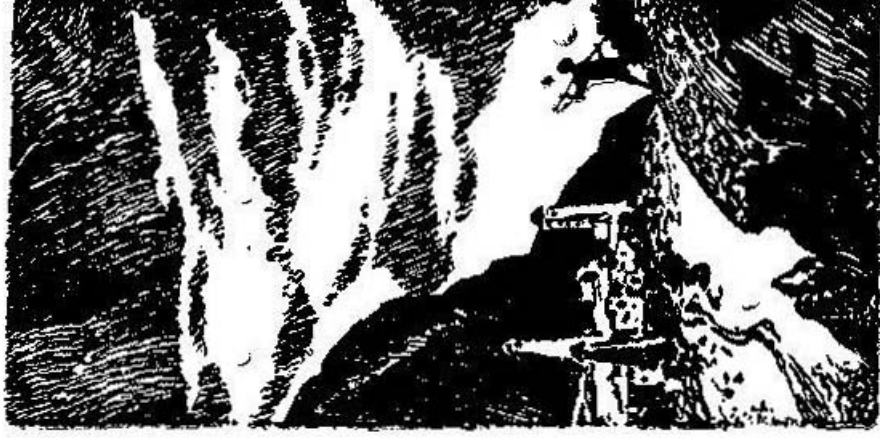
В 1967 году, познакомившись с Надеждой Феликсовной, я спросил у неё, был ли в колонии Макаренко мальчик-чеченец. Писательница сказала, что в книге ей хотелось объединить две действительности, которые она знала: жизнь колонии имени Горького и жизнь Чечни. «Я была знакома с чеченскими ребятами, — продолжала она, — которые воспитывались в первые годы Советской власти в детских домах. Так что я не очень погрешила против правды, сведя судьбу своего Решида с судьбой колонии».

После окончания работы над «Повестью о Решиде и Мишке» писательница активно сотрудничала в нашей детской печати, писала стихи, переводила на русский язык сказки народов мира. В 1959 году вышла из печати книга «Приключения мальчика с собакой», которую Надежда Феликсовна написала вместе с писательницей Н. Н. Бромлей. Это — книга о далёком прошлом, о восстании Спартака, но и в ней, как и во всех произведениях Н. Ф. Остроменцкой, в центре внимания дети.

Последние годы своей жизни Надежда Феликсовна жила в Москве и, несмотря на болезнь и преклонные годы, продолжала свою работу, своё служение детям, которое она начала в первые годы Советской власти. В 1967 году она закончила первую часть книги о юности Юлия Цезаря и заново отредактировала «Повесть о Решиде и Мишке» специально для нашего издания.

Ю. Верольский.

Часть первая

В ЧЕЧНЕ

Глава первая

ГОРНАЯ САКЛЯ

Жарко!.. Даже здесь, наверху, жарко...

Решид лежит ничком и раскачивает над пропастью хворостину. Внизу — залитый солнцем хаос голых скал и зелёных лужаек. Длинной се-ребряной лентой вьётся игривая речка Аргун, то сверкая на солнце ка-садами, то прячась в тёмных ущельях. Над Аргуном, точно ползущие пыльно-белые кусты, курчавится отара. Это баранта ближайшего аула возвращается с зимовки. «Хорошо, что отец недавно таврил¹ своих, — думает Решид, — а то бы стащили пастухи, доказывая тогда, чей бара-шек».

— Лови! — кричит отец.

Сверху летит охапка травы.

Зазевавшийся Решид покрыт ею, как могильным холмом. Он с удо-вольствием барахтается в душистом прохладном ворохе.

Отец на верхней площадке. Чтобы не свалиться в пропасть, он при-вязал себя верёвкой к дереву и, широко расставив ноги, машет косой, торопясь закончить работу.

— Здорово, Юсуп! Что это ты косить вздумал?

При звуке знакомого голоса Решид радостно вскакивает. В стороне на тропинке два всадника — агроном Сергей Иванович и его проводник Аюб.

¹ Тавро — знак, выжигаемый скотоводами на принадлежавших им животных.

— Корова заболела, — отвечает Юсуп. — Решид, много там травы? — Больше некуда класть!

Юсуп осторожно отвязывается, спускает косу и, ловко цепляясь за уступы, соскальзывает вниз.

— Пойдём в саклю, — пригласает он Сергея Ивановича. — Далеко был?

— В ауле. На прополке. А у тебя как?

— Плохо. Сам увидишь... Пойдём в саклю.

— Погоди. Мне нужно с тобой поговорить... Здесь нам никто не ме-шает. Давай здесь разговаривать?

— Разговаривай, пожалуйста, — вежливо наклоняет голову Юсуп.

Решид делает вид, что его не интересует разговор взрослых. Об-хватив колени руками, он равнодушно глядит вдаль. Но с уха, обращён-ного в сторону агронома, сдвинул папаху, чтобы лучше слышать.

Сергей Иванович, спешившись, присаживается на край саней¹ и сразу приступает к делу:

— Что ты насчёт Решида думаешь?

— Я? — Юсуп поднимает плечи. — Ничего...

— Однадцатый год парню, пора подумать. Мальчишка способ-ный, смотри, как быстро читать выучился... Почему не отдаёшь его в школу в Итум-Кале?

— Далеко очень, — мнётся Юсуп, — десять вёрст...

— Он мог бы у меня жить.

— Тц... не годится, — качает головой Юсуп, — мать плакать будет. Брось, друг... Пожалуйста... Ну, какой, разговор: про баб, про мальчи-шек... Ну что такое?... — Он сокрушённо разводит руками и встаёт.

— Отдай, кунак. Большой человек может быть. Агроном может быть, — вмешивается Аюб.

Юсуп задумчиво тербит себя за нос:

— Агроном?..

Сергей Иванович подсаживает с другой стороны:

— А может быть, доктор... или председатель исполкома...

— Председатель? — Юсуп окончательно смягчается: — Ну что ж... Пусть... Когда хочет, пусть десять вёрст ходит.

— Трр... Стоп. Держи!..

Куры, гуси, индейки в ужасе шарахаются во все стороны.

¹ На крутых горных склонах траву спускают на санях, так как телегу на колёсах легко разбить — в сани впрягают буйвола, лошадь, а иногда и коро-ву.

Сани с накошенной травой благополучно съехали вниз, оставив приятный след по зелёному склону.

Маржан, полоскавшая в ручье бельё, с трудом разогнулась. Увидела гостей и, отерев руки о халат, пошла им навстречу. Она взяла ружья у Сергея Ивановича и Аюба и, почтительно пропустив мужчин вперёд, проводила их в кунацкую.

Сергей Иванович растерянным взглядом окинул знакомую комнату. На одной из стен обведённая изящным орнаментом чернела арабская надпись.

— Это новость! Из Корана?

— Тц, — покачал головой Юсуп, — какой теперь год. Прочитай! — повелительно обратился он к жене, искоса поглядывая на агронома: вот, мол, какая она у меня учёная.

Маржан вспыхнула от удовольствия.

— Тысяча триста сорок четыре.

— Тысяча девятьсот двадцать шесть, — поправил её Сергей Иванович.

— У русских. А у нас тысяча триста... — Юсуп повысил голос, пренебреждая возражение. — Не спорь, пожалуйста, Сергей... Немножко замолчи.

Маржан внесла чистые полотенца, таз, кувшин с водой. Решился с гостей сапоги. Слегка освежив ноги холодной водой, Сергей Иванович отправился с Юсупом осматривать хозяйство.

Прежде всего навестили больную корову.

— Лекарство есть, — Юсуп указал на амулет, повешенный на шею коровы. — Лор¹ дал.

— Это обман, а не лекарство, — Сергей Иванович протянул руку к амулету. — Я другое дам.

— Не трогай! — прыгнул вперёд Юсуп. — Снимешь — корова умрёт. Ты своё лекарство пришли, а это не трогай.

— Как же ты узнаешь, чьё лекарство помогло? — рассердился Сергей Иванович. — Дай амулет. Не поможет моё лекарство, я тебе другую корову дам.

— Тц!.. Твоя корова какая? Большая очень. Как дом! На гору не лезет. Наша маленькая. Кушает мало. По горе ходит, как козёл... Не трогай, пожалуйста.

Решился с огорчением следил за этим спором. Зачем Сергей упрямится? Отец прав: два лекарства лучше, чем одно, — какое-нибудь, уж, наверно, поможет.

Чтобы поскорее покончить с неприятным разговором, Юсуп повёл агронома смотреть посева. У Юсула было три поля — три небольшие площадки, огороженные камнями от урагана.

Лор — врач, в данном случае знахарь (чеченск.)

Один поле ветер унёс, — вздохнул Юсуп над развороченным бурей клочком земли. — И так мало земли в горах... Знаешь, как рассказывают: приехал горец вечером, положил бурку на поле, лёг спать. Утром встал, хочет работать. Смотрит: где поле? Нет поля, шайтан унёс! Стал домой ехать, взял бурку, смотрит: а под буркой всё поле целое... Тц-тц, плохо горцу жить... А шайтан ещё большой ветер на зло ему делает.

— Хочешь, я тебе прошение напишу? Отвезёшь в Грозный, похлочишь, получишь землю на плоскости.

— Тц... — Юсуп отрицательно помотал головой. — Как жить на равнине? Трава внизу сохнет, не то что человек.

Створились на том, что Юсуп натаскает новой земли на площадку, а Сергей Иванович вместе с лекарством пришлёт ему немного зерна для посева.

— Пшеницы. Хорошая мука будет. Только поскорее поле готовь, чтобы к августу вызрела. Ну, а теперь прощай, друг, ехать надо. Решился, скажи Аюбу, чтобы собрался.

Но Юсуп обиделся:

— Зачем кушать не хочешь? Разве я тебе враг?

После обеда Маржан подала в кунацкую чай и чаплигиш¹. Мужчины растегнули ставшие тесными пояса и развалились на нарах. Кроме Сергея Ивановича и Аюба, к обеду прибыли ещё гости: Муса — сын брата дяди Хамзата и Умар — старый приятель Юсула. Муса прискакал похвастать новым конём; Умар, возвращаясь из Шатоя в горы, заехал к приятелю заночевать.

В открытую дверь кунацкой льются лучи заходящего солнца. Пятна света играют на бурочных коврах², на золотистой папахе Аюба, на себрюных насечках кинжалов.

Решился сидит на пороге и, затаив дыхание, слушает сказочника Умара. Прежде на земле случались удивительные вещи... Умар рассказывает о собаке Салтане, которая была вовсе не собака, а человек. Неизвестный проезжий в день свадьбы Салтана превратил его в собаку, ударив волшебной плёткой, и отнял у него саклю и жену. Несчастный Салтан убежал к пастухам и прославился умом на всю Чечню. Он соглашался есть только из чистой миски и, насытившись, вежливо подвигал хозяйну остатки кушанья. Он пережил много несчастий, но в конце концов овладел волшебной плёткой, вернул себе человеческий

¹ Чаплигиш — чеченское блюдо, несколько напоминает блинчатый пирог.

² Чеченские ковры делаются из окрашенного войлока.

образ, превратил своего обидчика в осла и до конца жизни пахал на нём землю.

— Хорошая сказка, — сказал Аюб. — Но вот я скажу вам не сказку, а быль. Возле Ведено есть ущелье, через которое ни один грешник не может пройти: шайтан тянет за ноги под землю. Все думали: Висита хороший человек — не пьёт, не курит, каждую пятницу в мечеть идёт. Поехал Висита через это ущелье. Немножко и его и лошадь не утащил шайтан. Прилипли... Туда-сюда!.. Едва вырвались. И что же оказалось? Благочестивый Висита морил голодом своего старого отца! — Аюб торжествующе посмотрел на Сергея Ивановича. — Вот. А ты говорил, шайтана нет;

Сергей Иванович вытащил из кармана красную подкову:

— Вот твой шайтан. Называется магнит. Очевидно, в тех местах много магнитного железняка.

Он положил кинжал на землю и прикоснулся к нему маленькой подковой. Кинжал прилип к подковке и повис в воздухе.

«Фокус» понравился. Сергея Ивановича заставили по очереди поднимать кинжалы, револьверы и в заключение подбитый гвоздями сапог. Решид подобрался совсем близко и зорко наблюдал за руками Сергея Ивановича, но никакого мошенничества не обнаружил. Благосопитанный Салтан и его плётка потускнели перед этим чудом.

А Сергей Иванович, видя, что поразил мужчин, начал рассказывать уже совсем невероятные истории. Послушать его — всё на свете не так, как кажется. Земля например... Всякому видно, что на ней равнины и горы, но в общем она плоская и накрыта небом, как шатром. И на небе для освещения аллах привесил солнце, луну и звёзды. А Сергей Иванович уверяет, что земля круглая, как шар.

— Зачем шутишь, друг? — укорил его Юсуп. — Как на круглой штуке стоять будешь? Упадёшь.

Но когда Сергей Иванович объявил, что земля вертится вокруг солнца, все взволновались.

— Брось, пожалуйста! Аллах пустил солнце: один край земли — другой край земли. Зачем такая новость, что солнце прилипло?

Сергей Иванович вывел Юсула на середину кунацкой.

— Ты солнце. Не шевелись. Я — земля. А Решид — луна. Решид, бегай вокруг меня и всё одним боком.

Муса, Умар, Аюб и сам Юсуп раскрыли рты от удивления. Сергей Иванович волчком завертелся вокруг Юсула, Решид запрыгал вокруг Сергея Ивановича.

Первым засмеялся Юсуп. За ним грохнули хохотом остальные.

Муса подавился чаем и, взвизгивая, катался по нарам. Когда все успокоились, Сергей Иванович рассказал о телескопах, помогающих учёным наблюдать за небом. Мужчины недоверчиво покачивали головами, но слушали с интересом. А Сергей Иванович всё рассказывал и рассказывал — о радио, аэропланах, подводных лодках...

Час протекал за часом. В углах кунацкой между коврами ступилась темнота. Решид сидел не шевелясь. Гости молчали. Огоньки папирос освещали задумчивые лица.

Глава вторая

ТАЙНА ПЕЩЕРКИ

— Кто снял амулет у коровы? Где этот враг, который хочет, чтобы последняя корова издохла?..

— Охла... — передразнило эхо Юсулов крик.

Вверху на скале чья-то рука осторожно раздвигает кусты. Чей-то внимательный взгляд наблюдает за гневным Юсулом и Маржан, выскокшей на его крик из сакли.

— Что такое?.. Ай-яй-яй!.. — Маржан всплётскивает руками и в ужасе застывает: на шее коровы вместо амулета болтается пустая верёвочка.

— «Ай-яй-яй»... Только ахать умеешь... Почему за коровой не смотришь? Доила — амулет был?

— Был, был, — кивает Маржан и вдруг останавливается, растерянно глядя на мужа: — А может, не был?

— Тц, слепая сова!.. Где Решид? Голова среди кустов исчезает.

— Решид!.. Решид!.. — кричит мать. — Опять куда-то забежал. Ох, упадёт на мою голову чёрный день из-за этого мальчишки... Решид!..

— Ну, вот он я. Чего кричишь?.. За саклей был.

— Где амулет? Ты пас корову, амулет был?

Решид виновато смотрит в суровые отцовские глаза. Он не боится: даже когда отец сердится, в глубине его глаз таится ласка, а если он строг, так мужчина не баба, чтобы нежничать. Решид и так знает, что отец его любит.

Решид не боится... Но неприятно придумывать ложь, а правду сказать нельзя, нельзя открыть тайну.

— Я... — бормочет Решид. — Я... она... же выздоровела. Я её погнал пасти, а она... она потеряла амулет. Я книгу читал, не заметил.

— Куриная голова!.. — гремит Юсуп. — Где ты видал, чтобы коров

пасли, уткнув нос в книгу?.. Теперь иди, ищи амулет. Умри, а найди. Он гневно смотрит на покорно склонённые головы жены и сына. И смягчается:

— Ну, бери мешок, лопаты, верёвку, идём амулет искать.

Решид удивлённо косится на отца: зачем мешок? Но спросить не смеет. Отец мудр и, наверно, знает, как надо искать пропавшие амулеты.

Уже полчаса Юсуп и Решид карабкаются по скалам. Наконец мальчик осмелевает заметить:

— Отец, корова сюда не ходила...

— Настоящий баран!.. — смеётся Юсуп. — Хочет в целый мешок один маленький амулет класть. Землю надо искать, землю! Поле делать.

Перед ними отвесная стена: давний обвал оторвал полскалы, обнажив красноватое чрево земли. Юсуп забрасывает верёвку за камень и, цепляясь ногами, карабкается вверх. Потом втягивает мешок, лопаты, Решида. Очутившись наверху, мальчик восхищённо ахает:

— Вот так трава!.. Тц-тц-тц... Жалко, что нельзя корову и баранту на верёвке тащить...

Они берутся за лопаты. Решид фантазирует:

— Выучусь, вырасту большой, посажу корову на крылатую машину, полечу выше гор. Где увижу хорошую траву — пущу корову пасться.

Юсуп заинтересовывается этим проектом.

— А почему бы и нет?.. — говорит он. — Раз Сергей рассказывает, будто воздушная машина может везти воз хлеба, так почему бы ей не поднять на воздух одну корову?

Решид хохочет, представляя себе, какой глупый вид будет у летящей коровы.

Взваливая мешок на спину, Юсуп крякнул:

— Эх, правда, надо сказать Сергею: пусть напишет в Москву, чтобы дали нам в горы одну летающую машину. Хоть землю на спине не таскать!

Решид напыжился, как павлин, от гордости, что отец разговаривает с ним о таких серьёзных вещах. Он солидно шагает вслед за Юсупом, стараясь подражать его размашистой походке. А ноги так и порываются сделать козлиный прыжок от радости, что несут такую умную голову. Пропавший амулет забыт.

Но Юсуп, высыпав землю на развороченную бурей площадку, тяжело вздыхает:

— Земли мало — муки мало... Сдохнет корова, что кушать будем?

И Решид снова виновато опускает голову.

Поздно вечером, таясь ото всех, Решид выходит из сакли. Он карабкается вверх по обрыву и исчезает в кустах. Раздвинув ветки, он на черенках останавливается перед тёмной впадиной пещеры. Это его тайное убежище. Здесь он прячется, удирая от домашней работы. Здесь же хранит свои сокровища: заржавленный штык — подарок Аюба, букварь, полученный от Сергея Ивановича, черепок с известкой, оставшийся у Маржан после побелки, и несколько цветных стёкол, добытых из кучи сора во дворе у богатого дяди Хамзата.

Ночью всё кажется незнакомым и тревожным. Подняв голову, Решид прислушивается... Осторожно вглядывается, во тьму пещерки... При первой опасности он готов кубарем скатиться вниз. Но всё вокруг тихо. Только трещат сверчки в траве.

А между тем с некоторых пор шайтан посещает пещерку... Аллаха посылает шайтана на тех, кто изучает русскую грамоту... Может быть, амулет поможет? Ах, если б он приобрёл амулет честно!.. У него не замарало бы так сердце!.. Вдруг шайтан ухватит его за ногу и утащит под землю, как тех грешников, о которых рассказывал Аюб? Хоть бы он знал какие-нибудь заклинанья!

Решид вытягивает вперёд руку с амулетом и, похолодев от страха, вползает в пещерку. Стараясь не глядеть в чёрную её глубину, он прилаживает амулет над входом.

Что-то в пещерке шевельнулось!..

Решид, как лягушка, выпрыгивает наружу. Он торжественно смеётся. Под ласковым звёздным небом к нему возвращается утраченное мужество. Шайтан уже не страшен: теперь он пленник Решида! И, выпрямившись во весь рост, мальчик угрожающе шепчет в тёмный зев пещерки:

— Эй, шайтан!.. Когда поставишь всё на место, выпущу. Не послушаешь, сдыхай тут от голода. Вот приедет Серожа, он тебя подковкой поднимет!

Он прислушивается: не ответит ли шайтан? Но всё вокруг тихо, только трещат сверчки.

Довольный, что напугал шайтана, Решид отправляется спать.

Самое важное — научиться хорошо-хорошо читать и писать, чтобы в школе не осрамиться.

Ещё в прошлом году Сергей Иванович показал Решиду буквы и объяснил, как из них складываются слова.

— «М-а-ш-а п-о-ш-л-а в ш-к-о-л-у», — читает Решид и смеётся от радости: — Какие хитрые люди, выдумали значки. Напишу — через сто лет прочитают.

Решиду хочется писать на родном языке, но нет никого, кто научил бы. Маржан показывает ему арабские буквы, но Решид упорно отказывается запомнить все эти чёрточки и точки. Он уверяет, что, если долго на них смотреть, они танцуют.

— Я лучше пишу.

Он рисует на земле: «нана»¹.

— Прочти.

Маржан смущённо качает головой: — Не знаю... Русское слово.

Решид хохочет:

— Русское!.. «Нана»... Ты!.. Про себя не могла прочесть. Ай-яй!

— Тц, какой стал учёный! — удивляется Маржан. — Зачем тебе в школу ходить?

— В школу не надо? Ишь ты, вредная!.. Я, знаешь, какой учёный буду? Такой, что по воздуху летает!

Маржан ахает и всплёскивает руками. Она сама учёная: окончила арабскую школу. Немного найдётся в Чечне женщин, прошедших Коран. Особенно в бедных семьях, из какой вышла Маржан. Отец её был батраком у муплы. Мупла, человек расчётливый, предложил батраку ничтожную плату за труд, но пообещав блаженство на небесах для него самого и даровое учение на земле для его дочери. Маржан — сама учёная, но у

¹ Нана — мать (чеченск.)

них в арабской школе её не обучали колдовским штукам. Летать по воздуху!.. Шутка ли? Это большой грех.

Решид, снисходительно улыбаясь, объясняет матери:

— Это не грех, а машина... Люди выдумали. Как буквы выдумали, как всё выдумали... В этом году... Серожа говорил, чеченские буквы выдумали. Ого!.. Только он их не знает...

Решид вздыхает: если бы кто-нибудь показал ему эти буквы!..

Юсуп впервые сеял пшеницу.

Пшеница отлично вырела. В конце июля приехал агроном и объяснил, что можно косить хлеб. Он сам обкосил площадку и показал Маржан, как вязать снопы.

Решид неотступно ходил за Сергеем Ивановичем. Улучив минуту, когда никого вблизи не было, он увлёк друга к пещерке. Но прежде заставил Сергея Ивановича дать клятву, что он не разгласит его тайны.

— Лезь скорее, — шепчет он, раздвигая ветки. — Там моя сакля.

Агроном гибается в три погибели и стучается головой.

— Ничего, — утешает Решид, — немножко шишка будет. Смотри: это я написал.

Сергей Иванович оглядывает измазанные известкой стены и тихо смеётся:

— Иш, проклятые гласные — прячутся!

— Это шайтан буквы пугает, — шепчет Решид. — Скажи, пожалуйста, амулет нельзя красть? Надо купить?

— Купить?.. Зачем?.. — недоумевает агроном. Потупившись, Решид указывает на болтающуюся над входом тряпочку:

— Я крап амулет. Не помогает. Ты сказал: мупла выдумал амулет, чтобы деньги брать. Я думал: почему шайтан не боится? Наверно, когда деньги нет, у амулета силы нет?.. А может, оттого, что он — коровий? А для учёныя нужно другой амулет?..

Сергей Иванович опрокидывается на спину и начинает хохотать. Он захлёбывается от смеха, катаясь по земле. Решид сначала удивляется. Потом обижается. Потом сердится. И, наконец, приходит в негодование:

— Как не стыдно! Ты бы мне показал, а не смеялся!..

— А зачем же ты глупости говоришь? При чём тут шайтан? Что это, например, за слово — «пндр»?

— Пондар¹.

— Вот видишь. Пишешь трудные слова, да ещё чеченские,

¹ Пондар — трёхструнный музыкальный инструмент (чеченск.)

рускими буквами. Смотри, чего у тебя не хватает.

Он обмакивает кисть в извёстку и вписывает пропущенные гласные. Решид раскрывает рот от удивления: одним взмахом кисти Сергей уничтожил всю путаницу, устроенную шайтаном. Решид выхватывает кисть: — Дай я.

И большими жирными буквами выводит:

РЕШИД

— Ну вот, шайтан изгнан! — Сергей Иванович вышвыривает амулет под откос.

Глава третья

НОВЫЕ ПЕЧАЛИ И РАДОСТИ

В августе, как всегда, отправились к дяде Хамзату на попур-белхи¹. В этом году Решид радовался этому событию вдвойне: в первых, он встретит там ребят, без которых соскучился в одинокой сакле отца, а во-вторых, раз у дяди Хамзата мажут саклю — значит длинному лету конец. Скоро Решид пойдёт в школу.

Работа в полном разгаре. Ворота на улицу широко раскрыты. Звуки пондара веселят душу. Смех и громкий говор слышны далеко по улице. Можно подумать, что у Хамзата свадьба. В довершение схождения в одном углу танцуют. Мужчины, только что вырвавшие яму, смотрят, опершись на лопаты. Мальчики лютуют ведрами воду. Несколько лопат лениво смешивают её с землёй. Девушки, взявшись за руки и подняв платая, входят в грязь и месят её ногами, пока она не загустеет. Малыши кувыркаются на куче соломы, рассыпая жёлтое крошево по двору.

Здесь собрались все родственники Хамзата. Хоть такой большой помощи и не требовалось, но к нему приехали на белхи даже из отдалённых аулов, чтобы оказать почтение старшему в тейпе². На этот раз не хватало только итум-калинских родственников: Гаирбека, его брата Ахмата и жены Резиды.

Девушки кончили месить глину. Тётка Бессират, набрав корзину соломой, высыпала её на лепёшку из грязи. Пыль и труха сразу обволокли зазевавшегося Решиду. Чихая и кашляя, он бросился к ведру. Ребята опередили его, окатив с головы

¹ Белхи — коллективная помощь, оказываемая в тех случаях, когда семья хозяина не может справиться своими силами. Поппур-белхи — глиняные белхи — обмазка стен, пола и т. д.

² Тейп — род, фамилия (чеченск.).

до ног холодной ключевой водой. Завязалась шутивая драка. Взрослые, побросав работу, подзадоривали дерущихся громкими криками и смехом.

Вдруг в том углу, где танцевали, вспыхнуло оживление. Плеск ладоней зазвучал сильнее. Всадники подняли конёк на дыбы. Кто-то вскрикнул. Пондар заирал громче.

В круг выступила Айшет — старшая дочь дяди Хамзата, лучшая плясунья в округе. Распустив розовые крылья рукавов, она, казалось, парила над землёй, как редкостная птица. Партнёр неистовствовал вокруг неё, вздымая клубы пыли.

Мокрый Решид пытался пробраться поближе к танцующим, но это ему не удалось. Пришлось забраться на алычу. Отсюда было отлично видно и двор, и улицу. Поэтому он первый заметил всадника, распластавшего коня в бешеном галопе:

— Ахмат едет!

Звуки пондара заглушили голос мальчика. На Ахмата обратили внимание, только когда он влетел во двор и, не слезая с лошади, крикнул дяде Хамзату:

— Гаирбека арестовали.

Музыка сразу оборвалась. Мужчины окружили Ахмата. Со всех сторон слышались восклицания, вопросы. Женщины толпились позади, вытягивая головы, чтобы лучше слышать.

— Только хотели сюда ехать, — рассказывал Ахмат, — пришла одна из женотдела. Туда-сюда, ругает Гаирбека: зачем жену бьёшь?.. Ничего он ей не сказал. А когда ушла, не мог больше терпеть: невозможно Резиду учил, чтобы не смела на мужа жаловаться.

В толпе мужчин прошёл одобрителный говор.

— Резида, конечно, кричит. Выскочила во двор. Он за ней. На улице народ собрался. Вдруг прибежал агроном. Гаирбека толкнул, Резиду подхватил — и в Совет... Что такое? Гаирбек схватил ружьё — бах ему вслед!

Толпа снова одобрительно загудела. Ахмат огорчённо развёл руками:

— Тут милиция... протокол... Арестовали Гаирбека. А Резиду в больницу отравили. В Шатой. Гаирбек её немножко больше, чем надо, бил.

Дядя возмущённо посмотрел вокруг:

— Ну и времена пошли! Муж не может наказать жену. Что такое? — он язвительно покосился в сторону Юсупа. — Нянчились тут с агрономом, как мать с ребёнком, вот и донянулись.

Юсуп, стыдясь осуждающих глаз родственников, опустил голову.

— Агроном научил пшеницу сеять... Скажи пожалуйста!.. А я, — дядя стукнул кулаком по раскрытой ладони, — не хочу

пшеницу! Когда я чурек не ел, мой живот голодный. Сеял кукурузу и теперь буду одну кукурузу сеять...

Мужчины молчали, насупившись. Женщины испуганно шушукались.

— Аллах сделал, агроном переделал! — взвизгнул Хамзат распаясь. — Убить его как собаку! «Солнце стоит, земля ходит!»! Почему такое? Аллах — одно, агроном — другое! Аллах женщину рабой поставил, агроном госпожой сделать хочет? Тыфу!.. — в неистовстве Хамзат несколько раз ударил себя кулаком по лбу. — Позор!.. Позор!.. Чужой мужчина бежит в дом, вырывает жену у мужа из рук, и он до сих пор не убит?.. Тыфу!.. — Он плюёт и, резко повернувшись, уходит.

Несколько минут над двором висит тягостное молчание. Потом Ахмат начинает горячо оправдываться перед стариками за то, что не убил агронома. Звук его голоса как бы развязывает все языки. Поднимается многоголосый спор. Каждый хочет говорить, но никто никого не слушает.

Сухой старческий голос восстанавливает тишину:

— Зачем утрудяете свои головы и язык?.. Старики сами решают это дело.

Спорящие понемногу расходятся. Работа возобновляется.

Юсула все сторонятся. Да и он сам ни с кем не разговаривает. О чём говорить? Он, как и все, считает, что Сергей Иванович совершил непохожий поступок, вмешавшись в семейные дела Гаирбека. Но из чувства собственного достоинства он не хочет присоединиться к хору негодующих голосов... Особенно теперь, когда дядя перед всеми обвинил его в дружбе с агрономом... Юсул чувствует, что сегодня ему нет места в доме дяди Хамзата. Он кивает Маржан и уходит, гордо подняв голову, Решид, понурившись, бредёт за ними. Его терзают сомнения: правильно или нет сделал агроном, заступившись за Резиду? Пожалуй, не следовало ему вмешиваться в чужие семейные дела. Но Резида такая добрая, тихая. Гаирбек мог убить её... Решиду жаль молоденькую ласковую тётку. Пожалуй, Сергей сделал правильно... Вдруг он останавливается, похолодев от мысли: а что, если отец теперь не захочет отдать его в школу?

В пятницу Маржан пошла в аул на базар. Присматривать за хозяйством она поручила Решиду. Юсул после белхи не желал ничего делать. Целыми днями спонялся по хутору или, сидя в тени сакли, строгал никому ненужные щепочки... Он почти не разговаривал, и Решид всё ещё жил под гнётом сомнения — разрешит ли отец ему учиться.

Решид оставил птицу на попечении чёрной дворняжки

Хакима¹, прозванной так за властолюбивый характер. Сам же с коровой, ослом и лошадьми устроил заколдованную школу. Он владел хворостиной, имевшей такие же волшебные свойства, как плётка Салтана. Только никто об этом не знал, а то бы давно отняли. Дедушка Хамзат первый!.. Он жадный, это всем известно.

Никто не подозревал, что у Решиды были товарищи — мальчишки. Все их принимали за осла, корову и лошадей. И теперь, едва они отошли от дому, Решид прикоснулся к ним волшебной хворостиной. Они приняли свой настоящий вид, и Решид читал им букварь до тех пор, пока не увидел возвращающуюся из аула мать.

Маржан шла очень быстро, и Решид понял, что она торопится сообщить услышанные на базаре новости. Мальчик захопнул книгу и важно обратился к своей молчаливой аудитории:

— Сегодня больше учиться не будем! Подождите, я вас опять заколдую, — он махнул на них хворостиной. — Нельзя, чтобы знали, кто вы такие. А теперь — айда! — Он поспешно погнал скотину, желая услышать, что будет рассказывать мать.

Маржан вошла во двор взволнованная, прикрыв лицо платком. Она позвала Юсула в саклю. Решид пробрался за ними, будто напиться воды.

— Проклятая кружка... Куда она делась?.. — ворчит он, старательно отворачиваясь от предмета своих поисков.

— Уйди. Не мешай нам с отцом.

Разочарованный Решид вышел из сакли. Первый раз в жизни он ослушался приказа матери и не ушёл, а остановился тут же, приложив ухо к двери.

— Говорят, умирает, — услышал он дрожащий голос матери.

«О ком это?.. Неужели Резида?.. Неужели...»

— Всякий умирает в назначенное ему время, — сказал Юсул. — Не бежала бы в женотдел, была бы покорной женой, может, аллах и продлил бы её дни... — Юсул возвысил голос: — Тц! Скажи пожалуйста! Если один раз он её нечаянно ударил немножко больше, так она уже «умирает». А разве он мог вынести такой позор?... Чтоб чужая женщина командовала, как с собственной женой обращаться?

— А теперь, говорят, Гаирбека судить будут. А Ахмат грозит: если Гаирбека засудят, агроном живой не будет.

— Правильно! — горячо говорит Юсул. — Гаирбек агронома,

¹ Хаким — начальник (чеченск.).

как соседа, как гостя, принял, а он научил — я знаю, что это он научил! — Резиду в женотдел бежать...

Решид, затаив дыхание, прислушивается, что ещё скажет Юсуп. Но слышит только его лёгкие шаги и отскакивает от двери, чтобы отец не застал его за столь позорным занятием.

И снова Маржан принесла новость: агроном был в ауле на уборке кукурузы. Разъезжал по полям, как ни в чём не бывало, и самому дяде Хамзату дал несколько разумных советов. Дядя был так изумлён его дерзостью, что не мог ничего ответить. Теперь, вспоминая об этом, плчётся, как верблюд.

Решид выслушал её рассказ с блестящими глазами. А Юсуп почему-то повеселел. И неожиданно занялся хозяйством: вычистил конюшню, осмотрел кукурузное поле и заявил, что завтра надо убирать. При этом он всё время чему-то улыбался и покачивал головой, точно раздумывал над какой-то забавной историей.

На следующее после сбора кукурузы утро Юсуп внезапно обратился к Решиду:

— Собирайся. Я в Итум-Кале поеду. Завезу тебя в школу,

От неожиданности Решид поперхнулся сискалом¹, который в это время ел. Маржан ахнула. Бросилась доставать сыну чистую одежду и собирать еду. Юсуп, как бы не замечая впечатления, произведённого его распоряжением, вышел во двор.

Решид хотел бежать за ним, но пришлось подчиниться требованиям матери: умыться и надеть всё чистое. Переодеваясь, он дрожал от страха, что отец забудет о нём и уедет один.

Когда Решид выскочил во двор, у конюшни уже стоял приготовленный для него конь. Маржан догнала их у ворот и сунула сыну узелок с едой.

Узкая тропинка лепилась по карнизу над кручей. Малейшее неверное движение грозило смертью. Но Решид даже не замечал дороги: конь имеет четыре ноги — о чём же беспокоиться? Если одна нога соскользнёт с тропинки, ему есть на чём выкарабкаться обратно. Мысли Решиды всецело поглощены школой.

«Как она выглядит?.. Будет ли она похожа на ту школу, в которой учился Сергей, или на арабскую школу Маржан? Нет, наверно, не такая, как арабская,— думает Решид,— в арабской мулла заставляет кричать Коран изо всех сил и бьёт по пяткам палкой. В этой школе, наверно, не бьют и не кричат... А на чём сидит учитель в Итум-Кале — на высокой штучке, как в школе Сергея, или на подушках, как мулла?» — Все эти мы-

¹ Сискал — кукурузные лепёшки (чеченск.).

сли так заняли Решида, что он не заметил, как добрался до Итум-Кале. Возле школы отец соскочил с лошади. Пока он с бумагами Решида ходил к заведующему, мальчик оставался на улице с лошадьми.

Завонил колокольчик. В ответ ему приглушённый дверями рванулся многоголосый крик.

Решид испугался: вдруг в школе пожар? Он соскочил с седла, чтобы бежать на помощь. В это время распахнулась дверь, из неё вылетел курносый русский мальчишка и остановился, оперев руки в колени, нагнув голову. Другой прямо с порога сделал прыжок через голову первого. Следом за ним ринулась буйная толпа и с визгом растеклась по двору.

«Играют», — с облегчением подумал Решид. Он заметил несколько русских девочек. Он ещё никогда не видел их и с интересом наблюдал, как они бегали по двору и визжали.

Курносый мальчишка выглянул на улицу и изумлённо уставился на Решида.

— Это твой конь?

— Мой.

— Как тебя зовут?

— Решид, а отца Юсуп, а...

— Будешь у нас учиться? Что это у тебя? — дёрнул он узелок с едой.

В это время показался Юсуп и за ним целый полк мальчишек. Юсуп приказал Решиду идти с ним к заведующему. Тотчас же протянулся десятк услужливых рук с предложением подержать лошадей. Юсуп пошёл привязать их. Курносый мальчишка пошёл впереди Юсупа и Решида, крича во всё горло:

— У него свой конь! Он на коне приехал!

Ребята дёргали Решида:

— Из какого ты аула?

— Это правда твой конь?

— Как тебя зовут?

Решид растерялся от этого множества вопросов и не знал, что отвечать. Вдруг кто-то его окликнул:

— Решид?.. Марша вогила!¹

Перед ним стоял Али, сын Аюба.

— И ты учишься? — обрадовался Решид.

— Ничего не поделаешь, отец велит.

Решид хотел расспросить его о школе, но снова прозвенел

¹ Марша вогила — здравствуй (чеченск.).

звонок, и Али, крикнув «Будешь со мной сидеть», убежал. Заведующий ласково потрепал Решида по плечу:

— Как же ты, малыш, будешь добираться в школу? Десять километров не шутка. А вы не могли бы поселить его здесь у кого-нибудь?

Решид увидел, как отец нахмурился, и поспешил сказать, что у него есть свой конь, который довёз его сегодня до Итум-Кале так быстро, что он и не заметил, как доехал.

— Кроме того, я умею читать и писать, — прибавил он, желая задробрить заведующего.

— О-о?.. Значит, придётся тебя принять, — улыбнулся тот. — Сегодня ты поспел к последнему уроку. Но с завтрашнего дня в восемь часов надо быть на месте.

Он попрощался с Юсупом и повёл Решида в класс. Извинившись перед учителем, что перебивает его, он обратился к ребятам:

— Вот вам новый товарищ, Решид Юсупов. Надеюсь, вы его хорошо примете.

— Иди к нам, Решид, — крикнул Али. — У нас есть место.

— О-о? У тебя тут, оказывается, и знакомый нашёлся? Хорошо, сяди с ним.

Усевшись, Решид осмотрелся кругом. Учитель ему понравился: совсем не страшный — глаза ласковые, голос слабый. Такой, наверно, не дерётся.

— Он учился в Петер-буха¹, — шепчет Али. — Очень умный... Всё на свете знает. Он гойтинский².

Решиду представляется тёмная яма, на дне которой сидит учитель и читает книжку... Всё равно как Решид в пещерке!

— А это что, чёрное?

— Доска! Тсс!.. Учитель смотрит.

— Итак, ребята, будем продолжать. Последний час сегодня мы читаем. Слушайте внимательно. Завтра мне это будете рассказывать.

Решид весь обратился в слух. Но непоседа Али бубнит ему на ухо:

— А девочки русские: та, рыжая, из исполкома, а которая беззубая — докторша.

— Такая маленькая и докторша? — удивляется Решид.

— Её мать... Тсс! Опять смотрит!..

Учитель читает историю мальчишка, находчивость которого спасла отряд красных партизан. Затем он начинает рассказывать

¹ Бух — дно (чеченск.).

² Гойты — аул недалеко от Грозного.

о гражданской войне в Чечне, об Асланбеке Шерипове¹. Решида захватывает повесть о храбрости самого великодушного героя, какой только появлялся когда-либо на поле брани. Он слушает о Воздвиженском бое, о последних часах Асланбека и не замечает, что по щекам на парту стекают крупные слёзы.

— Э! — толкает его Али. — Конец. Что с тобой? Курносый мальчишка подбегает к Решиду:

— Дай коня прокатиться.

Решид отрицательно мотает головой, но, вспомнив, что Асланбек делился с товарищами последним куском, машет рукой:

— Бери.

— Как это «бери»? — вскипает Али. — Как «бери»? Тебе ж далеко ехать!

— Эх, ты! Няня гололобая!

Али бросается на оскорбителя. На помощь курносому подсакивают его приятели. Через минуту дерётся весь класс, за исключением двух девочек.

Рыжая побежала за подкреплением к заведующему. «Беззубая докторша», не раздумывая, схватила стоявший в углу кувшин с водой, вскочила на скамью и выплеснула воду на дерущихся. Неожиданный душ заставил их разбежаться во все стороны. Раздался визг, хохот, негодующие крики. Несколько человек, угрожающе размахивая руками, подбежали к «докторше».

В это время на пороге появился учитель:

— Что здесь происходит, ребята?

— Маленький душ, — ответила за всех «докторша», торжественно размахивая кувшином. — Я их успокаивала. Когда папа сердится, мама всегда говорит: пойдй под кран, это тебя успокоит.

Осенью Решиду пришлось туго. Бывали дни, когда конь не мог идти по скользким камням и Решид отправлялся в школу пешком. Чтобы поспеть вовремя, он выходил, когда куры ещё спали.

В школу он шёл легко и с охотой. Подгоняло желание поскорее начать новый день. К вечеру ноги тяжелели. Решид возвращался домой сонный, понурившись, и тропинка темнела перед ним на синем снегу.

Решид никогда не жаловался на усталость. Мужчина должен

¹ Асланбек Шерипов — герой гражданской войны. Убит в бою под Воздвиженской в 1919 году.

быть выносливым. Маржан понимала без слов, что ему трудно. И жалея о неосторожно сорвавшемся слове, когда она попросила отца отдать его в школу. Но старалась себя утешить: «Сам ещё раньше решил. Разве мужчина послушает жену?» И, уложив Решида спать, долго и тихо плакала над пряхей.

Глава четвёртая

НЕСЧАСТЬЕ

Юсуп любил чапилгиш, галныш, кислое молоко и сыр. Но уже с января в его сакле ничего, кроме сискала, не ели. Своя мука кончилась. По пятницам на базаре в ауле Маржан меняла масло, сыр и яйца на муку и соль.

В феврале Юсуп не выдержал: решил продать одну лошадь.

Он отправился с Маржан на базар. Лошадь с собой не взял: зачем водить туда-сюда. Он просто сказал нескольким знакомым о продаже и расписал достоинства лошади так соблазнительно, что ложечник Висита пообещал немедленно прийти за ней и принести деньги. А пока, в счёт платы, он дал Юсупу пелдиг¹ муки.

Маржан, пристегнув пелдиг ремнями, понесла его на спине домой. Юсуп с ружьём за плечами шёл впереди жены. Они очень торопились. Над горами, закрывая солнце, поднималась чёрная туча. Будет снег. Может так завалить тропинку, что в несколько дней не доберётся. Как там будет Решид один со скотиной?.. Юсуп поминутно поглядывал на небо: чем выше они собирались, тем ниже, казалось, спускались тучи, окутывая тёмными лохмотьями вершины гор.

Они были уже недалеко от дома, когда подул холодный резкий ветер. Скоро он превратился в вихрь, швыряющий в лица путников острые, как иглы, снежинки. Дорога исчезла. Юсуп пробирался сквозь колеючий воздух, ногой нащупывая тропинку. Ни один человек, кроме горца, не смог бы в такую погоду сделать двух шагов, не сорвавшись в Аргун. Маржан изнемогала. Пелдиг тянул вниз. Она начала отставать от мужа. — Скорей, скорей! — торопил Юсуп. — Ещё один поворот — и сакля.

Маржан, теряя силы, прислонилась к скале. Ей даже в голову не приходило, что муж — более сильный — мог бы взять мешок на свои плечи. Она сторепа бы от стыда, если бы он вздумал

¹ Пелдиг — кожаный мешок (чеченск.).

предложить ей помощь. Она остановилась, просто желая минуту отдохнуть.

В это время Юсуп подошёл к повороту. Ветер бросился на него, точно враг, поджидающий в засаде. Огромная глыба снега с гулом сошлась со скалы. Маржан вскрикнула и опустилась на землю, закрывая голову.

Решид накормил скотину и птицу, налил воды в корыто и взялся за книгу. Он так углубился в чтение, что не заметил, как потемнело и пошёл снег. Вдруг порыв ветра с треском распахнул дверь, пол сакли засыпало снегом. В ту же минуту в комнату ворвались Хаким и кошка.

Собака в сакле!.. Хорошо, что ни отец, ни мать этого не видят. Решид схватил палку:

— Пошёл!.. Пошёл вон!.. Чтоб твой хозяин издох!¹

Хаким визжал от ударов, но не хотел вылазить на свет. Решид полез под нары, чтобы вышвырнуть пса во двор. Вспомнив, что корова и лошадь не привязаны, Решид побежал в конюшню. Пока он там возился, в саклю намело столько снега, что пришлось брать лопату, чтобы закрыть дверь. Выбрасывая снег, он услышал гул обвала и с беспokoйством подумал: «Где-то теперь отец и мать? Неужели буря застигла их в пути? Неужели дядя Хамзат не оставил их у себя?»

Ветер кружил снег у ног мальчика. Решид несколько минут чутко прислушивался, не раздастся ли человеческий голос. Но ничего, кроме криков бури, не услышал.

Огонь в очаге погас. Буря трепала саклю, как корабль в море. Решид, сжавшись в комок на нарах, тоскливо смотрел, как снег засыпал окна. Он дрожал от холода, но не решился выйти во двор и опять выдержать борьбу с ветром. «Завалит дорогу и саклю, — думал Решид, — отец придёт, откапает, а я уже мёртвый лежу. Нана будет плакать...» Он сам тихонько заплакал, так ему стало страшно и жалко себя. Чтобы умереть не в таком одиночестве, он вытащил из-под печки дико оравшую кошку и снова улёгся, прижимая её к себе. Кошка, пригравшись возле мальчика, постепенно затихла.

Часам к трём буря начала стихать. Вихрь смёл снег со всех возвышенностей. Только кое-где с подветренной стороны белели пушистые коврики. Висита надеялся, что тропинка к сакле Юсупа свободна. Взяв деньги, он отправился за конём.

Его расчёт оказался верен: почти всюду ветер обнажил тропинку

¹ Чеченское проклятие.

и только возле некоторых поворотов лежали снеговые пешки. Висита на этот случай захватил лопату и расчищал дорожку прежде, чем на неё ступить.

Почти в конце пути дорогу преградил обвал. Висита выругался. Конь ему был нужен до зарезу. Он собирался везти в Шатой ложки, а его лошадь захромала. Обойти обвал невозможно. Чтобы пробиться сквозь него, нужны усилила многих людей. Придётся возвратиться в аул и просить лошадей для поездки у кого-нибудь из соседей. Он досадливо ткнул лопатой в снег и насторожился: лопата наткнулась на что-то твёрдое и это что-то глухо застонало. Отложил лопату в сторону, он стал руками разрывать снег. Первым на свет показался пеллиг. Вместе со слежавшимся снегом он образовал как бы свод над Маржан. Но обе её ноги были придавлены огромной снежной глыбой, с которой Висита не мог один справиться. Кроме того, надо было отрыть и Юсупа, лежавшего, очевидно, где-то впереди. Ясно, что в обвал попали оба. Если бы один остался невредим, он вернулся бы в аул за помощью.

— Юсуп!.. — кричит Висита. — Юсуп!..

— Уп... уп... — откликается эхо.

Маржан без сознания, но Висита всё же наклоняется к ней и на всякий случай говорит:

— Потерпи немного. Я только в аул сбегая. Сейчас придём с лопатами.

Он проходит в обратную сторону уже пройденный сегодня путь. Он торопится. Если бы было можно, он побежал бы. Но тропинка скользкая, нога срывается... А надо скорее, скорее!.. Ведь те там лежат с самого утра. Каждую минуту их жизнь может оборваться!

Висита, задыхаясь, врывается в саклю Хамзата:

— Скорее!.. Их завалило обвалом!.. Скорее!..

И, не оглядываясь, он бежит дальше, в другие сакли, забывая называть имена пострадавших. Их никто и не спрашивает: людей завалило снегом. И изо всех домов горцы с лопатами спешат им на помощь.

Висита по дороге взволнованно рассказывает, как купил утром у Юсупа лошадей и не пошёл с ним сейчас же, потому что надо было сообразить деньги; как он дал ему муки; как пошёл за лошадью после бури и наткнулся на обвал.

Вскоре вся группа скрывается за поворотом. На улице остаются только женщины, выскочившие вслед за мужьями и отцами в надежде услышать подробности несчастья и имена пострадавших. К ним присоединяются жители тех домов, куда не добежал Висита. Некоторое время весь аул обсуждает событие.

Потом, вспомнив о брошенной работе, люди расходятся по домам. Темнеет. Маржан по-прежнему без сознания. Мужчины гуськом, в затылок друг другу, останавливаются на тропинке. Маржан лежит головой к ним. Для того чтобы добраться до заваленных снегом ног, надо немного сдвинуть её туловище, малейшее прикосновение заставляет её стонать. Разрывать глыбу с этой стороны опасно — она может всей тяжестью рухнуть на Маржан.

Над Маржан помещается один человек. Его ноги вплотную прижаты к её телу. Осторожно, по краю, он снимает небольшие пласты снега и сбрасывает их вниз. Работющие часто меняются. От утомления люди теряют представление о времени. Наконец разбитые ноги Маржан освобожжены. Мужчины укладывают её на бурку и снова возвращаются к обвалу. Ищут Юсула. Проходит больше часа. Теперь работают два человека в ряд. Уже расчистили почти всю тропинку. Голубые сумерки заволакивают горы. А Юсула всё нет.

— Несите её одну, — распоряжается дядя Хамзат, — прямо ко мне. И пусть Айшет сбегает за лором. За все лекарства плачу я.

Четыре человека — две смены — отходят от толпы.

— Может быть, за доктором в Итум-Кале съездить? — спрашивает один из них.

Лицо Хамзата мрачнеет:

— Зачем нам русский лор?... У нас свой лор есть.

Почти уж нет надежды найти Юсула: не может быть, что бы они шли так далеко друг от друга. Но для очистки совести мужчины работают до тех пор, пока не сброшен последний снег.

— Нету! — Муса, старший сын Хамзата, выжидаяще смотрит на отца.

— Значит... там, — Хамзат кивает в сторону пропасти.

— Мальчишка Юсула один на хуторе, — замечает кто-то из родственников.

— И скотина, наверно, не кормлена, — прибавляет Мусса.

За эти несколько часов, что искали Юсула, Хамзат успел придумать, как распорядиться его имуществом. Но не считает нужным делиться своими планами с другими.

— Уже ночь, — говорит он. — Поздно. Завтра мы с Муссой пойдём за мальчишкой.

Решид проснулся в полной тишине.

— Нана! — позвал он. И сейчас же вспомнил, что отец и

мать до сих пор не вернулись из аула. Значит, остались у дяди ночевать.

В темноте ощупью он разыскал спички и зажёл лучинку. Он дрожал от холода. Хотелось есть. Пошарив на полках, нашёл кукурузную лепёшку и кувшин кислого молока.

Ел он медленно, и в его голове пронеслись тусклые, как свет лучины, мысли: «Ворота старые... наверно, буря повалила... Ишь, как волки воют. Как бы корову не ободрали... Страшно выходить... Холодно... Кизяк¹ во дворе... Жалко — отец ружьё забрал. Возьму лампу. Волк света боится».

В кунцакой на комодке стояла лампа — предмет гордости Юсула и Маржан. В голодный год они выменяли её на пуд кукурузы и зажигали только для особо почётных гостей.

Решид зажёл лампу, снял со стены заржавленный пистолет времён Шамиля². Теперь он почувствовал себя достаточно вооружённым против волков и смело открыл дверь.

¹ Кизяк — топливо из навоза.

² Шамиль — имам, возглавлявший в прошлом столетии борьбу кавказских горцев с царским правительством.

Точно ожидая этой минуты, в комнату ввалилась гора снега, засыпав Решиду с ног до головы. Дзинь! — половина лампового стекла отлетела. Лампа в руках мальчика заплясала, изрыгая чёрный язык копоти. Сам он едва удержался на ногах, бросил пистолет и ухватил лампу обеими руками.

— Тц, шайтан! Что теперь делать? Ой, как отец рассердится!..

Утро встало солнечное, ясное. Ложбины сверкали нестерпимым блеском. О вчерашней буре напоминают только лежащие на земле во рота, разрушенные кизячные пирамиды, сорванные кукурузные сапетки да камни, обнажённые от снега.

Медленно-медленно, рассекая белый снеговой фон, одна за другой плывут три чёрные бурки.

Стоя у поваленных ворот, Решид задумчиво жуёт сискал. «Кто бы это мог быть? Почему так долго нет отца и матери?» — думает мальчик. Он уже успел накормить скотину, выпустить птицу, успел даже спрятать подальше от отцовского гнева разбитую лампу. А Юсула и Маржан всё нет и нет. Вместо них идут какие-то трое в бурках...

Решид смотрит на солнце: должно быть, уж очень поздно, ишь как высоко успело оно взобраться!.. Решид сегодня проспал: ночью долго лежал без сна, прислушиваясь к волчьему вою... И вот идут какие-то трое... Значит, тропинка свободна, обвал, гул которого слышал вчера Решид, был где-нибудь дальше в горах.

Беспокойство охватывает мальчика. Чтобы освободиться от тревоги, он принимается собирать разбросанный ветром кизяк. Пять, десять минут он возится, тщательно укладывая навозные лепёшки одна на другую. И снова бежит к воротам. Теперь уже, наверно, увидит отца. Чёрные бурки совсем близко. Это Хамзат, Муса и Висита. А Юсула нет!..

В торжественно печальном молчании поднимаются они по тропинке. Тяжёлый груз страха придавливает Решиду к месту. Он не в силах ни пошевелиться, ни крикнуть...

Хамзат подходит к мальчику вплотную и останавливает перед ним:

— Собирайся в аул. Отец умер. Муса останется сторожить саклю.

Глава пятая

ВСТРЕЧА С МИШКОЙ

Дядя Хамзат сделал для Юсула всё, что входит в обязанность доброго родственника: труп Юсула найден и похоронен в родной земле, а жена и сын покойного нашли приют в дядиной сакле. Все родственники по молчаливому соглашению признали дядю Хамзата чем-то вроде опекуна Решиды. Да и неудивительно: он старший в роду, Решиду приходится двоюродным дедушкой и, естественно, овладел частью Юсулова имущества. А кому же охота брать на свою шею заботы о большой вдове и мальчишке, если имущество досталось другому?

Мало-помалу Хамзат и Муса перевели к себе весь скот Юсула. Хамзат доволен и увеличением своего хозяйства и тем, что смерть Юсула принесла в дом даровые рабочие руки: Решид и дров наколет, и маленького Магомета укачает, и скот накормит. Хамзат делает вид, что не запрещает Решиду учиться; он только против того, чтобы мальчик ходил так далеко в школу; оставляя надолго больную мать. «Если хочешь учиться, есть арабская школа в ауле». Решид наотрез отказался учиться у муллы, и Хамзат хоть и пожурил его для вида, но, в сущности, очень доволен, что мальчишка дома.

Решид чувствовал себя несчастным. Он не испытывал к Хамзату и тётке Бессират никакой благодарности. Мальчик тосковал, ушёл в себя, сделалась диким и подозрительным. Бессират при всяком удобном случае попрекала мальчика ленью и старалась дать ему самый плохой кусок. Её злила долгая болезнь Маржан, и она в преувеличенных выражениях восхваляла перед матерью и сыном доброту Хамзата, соглашавшегося взять на себя такую обузу.

Выполняя работу, которой заваливала его Бессират, Решид мечтал о том времени, когда мать наконец станет на ноги и они уйдут в свою саклю. По вечерам, когда все засыпали, Решид и Маржан строили великопленные планы будущей жизни.

В марте лор снял у Маржан лубки. И рухнуло будущее, в котором были учёность, богатство и летающие машины. Рухнуло вместе с Маржан, упавшей на пол. Лубки были наложены так неумело, что кости рослись неправильно, и женщина не могла стоять без костылей.

Тётка Бессират, рассчитывавшая, что Маржан будет ей помощницей, пришла в бешенство. Целый день она жаловалась аллаху на свою несчастную судьбу и проклинала лора. Маржан чувствовала себя виноватой и перед Хамзатом, и перед Бессират, а главное — перед Решидом: планы всех этих людей разрушены

оттого, что она стала калекой. Айшет почтительно и нежно ухаживала за плачущей Маржан. Во время болезни вдовы она была для неё единственной опорой и утешением. Решид чувствовал к Айшет благодарность, граничившую с обожанием.

Рано утром, когда все ещё спали, Решид вызвал Айшет сени и сообщил ей, что уходит в Итум-Кале в школу.

- Смотри, плохо будет, — взволновалась Айшет. — Отец побьёт.
- Мой отец отдал меня в школу, и я буду в этой школе учиться.

Айшет дала мальчику на дорогу кусок чурека и пообещала успокоить Маржан, если та будет волноваться.

Сторожиха только что вымыла пол и открыла дверь. Она так заорала на Решиду, забывшего вытереть ноги, что перепуганный учитель выскочил в коридор:

- В чём дело?... А, это ты, Решид. Куда ты запропал? Болел, что ли?

Решид отвернулся, пряча от учителя слёзы:

- Отец убили... Сорвался в Аргун. Обвал. Мать больна. Ноги поломала...

— Эх ты, бедняга... Иди ко мне... Ты теперь хозяин, значит. Решид печально покачал головой:

- Дедушка Хамзат хозяин. Маржан и я у дедушки. И лошадь, и корова... Всех взял.

Учитель, чтобы отвлечь мальчика, заговорил о школе. «Докторша» написала стихи об Асланбеке. Ребятам очень понравились. Первого мая в школе будет праздник. Придут родственники учеников и «докторша» перед ними выступит со своими стихами. Курносый Петька сгорает от зависти и захотел тоже написать стихи, но у него получилась только одна строчка. В Итум-Кале организовался первый пионерский отряд. Аюб приходил к учителю и спрашивал, как записать в пионеры Али.

Учитель, разговаривая, возился с приготовлением завтрака и наконец водрузил на стол чайник, сковородку с яичницей и хлеб. Решид из вежливости поднялся уходить, хоть и очень проголодался.

- Сиди, сиди! Куда ты? Позавтракаешь со мной.

Уже давно Решид так вкусно не ел. И никогда ещё не ел вместе со взрослым мужчиной, как равный. Этот завтрак поднял его в собственных глазах. Из чувства благодарности старался жевать как можно беззвучнее, чтобы не мешать учителю, углубившемуся в чтение записей к сегодняшнему уроку. Сначала ему казалось интересным следить за карандашом учителя

и закусывать это зрелище душистой яичницей с луком. Но, покончив с едой, он начал зевать и вздыхать. Учитель, заметив, что он томится, кивнул в сторону двери, за которой раздавался визг и топот:

- Ребята уже собрались. Беги к ним.

Кое-кто из школьников знал от Али о несчастье в семье Решиды. Они окружили Решиду и начали расспрашивать о катастрофе. Решид начал было рассказывать и расплакался. «Беззубая докторша» растолкала ребят:

- Это никаких нервов не хватит! Чего пристали к человеку?

Ребята недовольно загалдели:

- Выскочила какая, подумаешь!..
- Мы только спросили!..
- Что нам — не жалко его, что ли?

Решиду стало стыдно: так повёл себя, что за него посмела заступиться девочка! Он утёр кулаком слёзы и пробормотал, оправдываясь:

- Очень плохо у деда Хамзата.
- Факт! — поддержали ребята. — Это тебе не у родного отца.
- И дед не его отца отец, — пояснил Али, — а его двоюродного брата отца отец...

— Вот так сложное родство! — ахнул Петька. — Ну, ничего, Решид. Пойдём после уроков к нам граммофон слушать. Это машина такая, говорит человекевичим голосом.

— К тебе!.. — обиделась «исполкомовская» девочка. — Грамммофон!.. Большая ему польза от твоего граммофона! Он лучше к нам обеда пойдёт. Правда, Решид?

— А у нас он может совсем жить! — кричала «докторша». — И никогда больше к своему деду не возвращаться. И моя мама его маму велит.

Целый день ребята наперебой ухаживали за Решидом, а после уроков он ускользнул ото всех и юркнул в переулок к домику агронома. На стук никто не ответил. А Решиду так нужен был совет друга! Он предвидел, что дед не спустит ему сегодняшней самовольный уход в школу.

Дома Решиды ждала буря.

- Явился! — объявила Бессират, когда он вошёл в саклю. «Будто все вокруг неё слепые», — подумал Решид. Хамзат сурово посмотрел на мальчика:
- Где был?

Встретив взгляд деда, Решид потупился... В глазах отца он никогда не видел такого холодного презрения.

- В школе...

— Он в школе пропадает, а ребёнок от слёз умереть может! Что я из-за него целый день у колыбели торчать должна? — визгливо закричала Бессират. — Что я каждого бездельника кормить должна?

Хамзат оглянулся на неё, и она умолкла, яростно выхватив плачущего Магомета из люльки. В нежных материнских руках младенец заорал ещё громче. Бессират запричитала над ним делая вид, что успокаивает ребёнка. Маржан сидела в углу закрыв лицо платком. Только один Хамзат в этом шуме сохранял спокойствие.

— О школе забудь, — сказал он, — Тебе теперь работать надо, чтобы содержать себя и мать. Дай ему поесть, — приказал он Бессират, — и пускай ложится. Если вздумаешь ещё раз уйти, отдам в батраки, так и знай.

— Всё съедено, — закричала Бессират. — Он бы ещё позже явился!

— Дай ему поесть, — спокойно повторил дедушка, и Бессират, передав ребёнка Айшет, рывком схватила чашку и, налив в неё берам, ткнула Решиду.

Мальчик, отвернувшись, ел, и крупные слёзы стекали в чашку. Когда был жив отец, никто не смел так с ним обращаться!

Покончив с едой, он хотел примоститься возле матери и выплакаться, но Бессират приказала укачать ребёнка, и он покорно склонился над колыбелью. Магомет уже давно мирно посапывал, а Решид всё думал, как устроиться, чтобы продолжать учение. В конце концов он решил убежать в школу ещё один раз — завтра — и посоветоваться с учителем и Сергеем Ивановичем.

Ночью Решид просыпался несколько раз. Ему всё казалось, что уже утро. Где-то запел петух. «Рассвет», — решил мальчик и, взяв мачи¹ в руки, прокрался к дверям.

Когда он выбрался на улицу, луна сияющим шаром плыла в облаках. Между лысынами снега чернела земля...

— Ночь, — сообразил Решид. Но возвращаться опять в саклю, чтобы через два-три часа снова красться к двери, Решид не захотел. Он решил идти ночью.

Решид вошёл в Итум-Кале перед рассветом. У cooperativa дремал сторож, закутавшийся в бурку. Кое-где из ворот выезжали подводы — итум-калинцы ехали в Шатой на базар.

Решид направился к домику агронома. Он стучал до тех пор, пока не разбудил старую чеченку, присматривавшую за хозяйством Сергея Ивановича. Зевая и почёсываясь, она остановилась на пороге

¹ Мачи — лёгкая обувь.

и долго не могла понять, чего от неё хочет Решид. Наконец сообразив, что он спрашивает, где Сергей Иванович, она пожалала плечами:

— Я ему не мать. Он мне не говорит, куда едет... Вот уже пять дней, как его нет.

— А когда он вернётся?... Сказал — через месяц... Грозный поехал... Горячеводск поехал... Отпуск. А ты чей? Зачем он тебе?

— Так... Маленькое дело было, — уклончиво ответил Решид.

Он отправился к школе и уселся у её дверей.. Было холодно, он ждался в комочек и задремал. Разбудила его сторожиха, отпирывшая дверь школы.

— Вот повадилась ни свет ни заря! — удивилась она. Решид сказал, что ему надо поговорить с учителем.

— Спит учитель. Сиди, жди, когда проснётся.

Решид снова прикорнул на крыльце. Через минуту сторожиха опять его разбудила:

— Нечего на крыльце сидеть. Простудишься ещё. Иди домой.

— Очень далеко домой, — пробормотал Решид, — аул. Три часа идти.

— Неужто из аула ходишь? — ахнула сторожиха. — Ну, иди ко мне, дурачок.

Она провела мальчика в свою тёплую комнату. Решид, усталый и измученный, моментально уснул на полу возле печки.

Проснулся он, услышав звонок, призывающий в классы.

С учителем удалось поговорить только во время перерыва. Выслушав рассказ мальчика, он пообещал побывать у Хамзата и уладить вопрос с учёбой Решиды.

— И Маржан заберём в больницу, там её вылечат.

Мальчик вышел от учителя в самом радужном настроении. Учитель казался ему таким важным человеком, что дед не посмеет ему отказать. Главное — он чеченец. Русских, хоть и самых больших начальников, Хамзат не любил.

Выйдя на крыльцо, он увидел ребят, гирляндой повисших на саманной ограде двора. А другие столпились у калитки, увечённые каким-то зрелищем на улице.

Что такое? — спросил Решид, расталкивая толпу у ворот.

— Гаирбека ведут, — шёпотом сказал Али и посторонился.

Решид увидел Гаирбека и ещё двух человек, мрачно шагающих. Их окружали конвойные с винтовками и револьверами в руках.

— Куда их?

— Должно быть, судить будут. Отец говорил: если засудят Гаирбека, агроному лучше уезжать, а агроном говорит: не уеду.

Решид у Хамзата слышал разговор о том, что Гаирбека должны выпустить — ведь слух о смерти Резиды оказался ложным. Правда, она сделала совсем хвора, вроде сумасшедшей... Решид слышал споры Айшет и Мусы. Айшет говорила, что это потому, что Гаирбек бил Резиду по голове, а Муса утверждал, что Резида всегда была безумная, иначе не побежала бы в женотдел.

Что же теперь будет с Сергеем Ивановичем?.. Главное — он в отпуске и ничего не знает!

Задрезжал звонок. Али дёрнул Решида — идём! — и по бежал в класс. Улица опустела. А Решид всё стоял, глядя вслед Гаирбеку и раздумывая, как известить о случившемся агронома.

Ободранный мальчишка, издали наблюдавший за школьниками, приблизился к Решиду и, стараясь придать сиплому голосу солидность баса, спросил:

— Знакомых повели, что ли?

— Один двоюродный брат.

— Украд что-нибудь?

— Тц, жену чуть не убил. Теперь совсем больная.

— За что?

— Она в женотдел ходила. Сердился за это на неё.

— Контра он, значит!.. — догадался мальчишка. — За такие дела по головке не погладят. Высшая мера! — мальчишка сделал страшные глаза и пояснил: — Расстрел в двадцать четыре часа. И никаких гвоздей.

У Решида упало сердце. Мальчишка говорил таким авторитетным тоном, что Решиду и в голову не приходило сомневаться в его познаниях. Но чем хуже будет Гаирбеку, тем хуже Сергею Ивановичу. Ведь всем известно, что он давал следователю показания против Гаирбека... Решид машинально повернулся « пошёл прочь от школы.

— Эй, пацан, — догнал его мальчишка, — у тебя пожрать есть?

Решид было опустил руку в карман и тотчас вспомнил, что сам ещё ничего не ел. Чтобы мальчишка не подумал, будто он жадный, Решид вывернул пустые карманы.

— Плохо, — разочарованно протянул мальчишка. — Ну ничего. Пойдём к тебе домой, ты мне там дашь. Ты далеко живёшь?

Решид махнул рукой на гору.

— И оттеда каждый день в школу шагаешь? — удивился мальчишка.

Решид кивнул.

— Ну и ну!.. Отец, что ли, заставляет?

При воспоминании об отце губы Решида дрогнули. Сам хотел, — сухо бросил он.

— Сам хотел?.. — захохотал мальчишка. — Ну и удачина! — он умолк, видимо, что-то обдумывая. — Ну что ж, потопаем к тебе. Тебя как звать?

— Решид.

— А меня Мишка, — он протянул грязную ладонь. — Дай пять! Я там где-нибудь пересплю, а завтра с тобой спущусь. Я, знаешь, путешественник, люблю новые страны посмотреть. Забрался вот к вам, а тут и стащить нечего... Так и сижу два дня не жравши.

Решид не был уверен, что ему самому удастся поесть. Но язык не поворачивался отказать в гостеприимстве, хотя ему и не нравился новый знакомый.

Мишку совершенно не смущала молчаливость спутника. Всю дорогу он болтал за двоих, рассказывая о разных людях и городах, которых изрядно перевидал на своём веку. Под конец Решид заинтересовался и оживился.

Он устроил Мишку под навесом для овец и предупредил, чтобы тот ничем не выдавал своего присутствия, потому что Решид живёт у дедушки, а дедушка сердитый.

— Ладно, ладно, — успокоил его Мишка, — тащи скорей ужин.

При появлении Решида все замолчали. Только Магомет невинно гукал да слабо стонала Маржан. Решид обрадовался, заметив, что деда в комнате нет. Муса шагнул к Решиду:

— Пойдём, — чтобы мальчик не сомневался, что приглашение относится к нему, Муса взял его за плечо. — Пойдём в кунацкую.

По злорадному молчанию Бессират, по сочувствующему взгляду Айшет Решид понял, что его ждёт расправа. Подходя к кунацкой, он услышал голос муллы Абдурахмана:

— А каким это он порошоком поле засыпает? Аллах сделал для нас навоз. Это всем понятно — удобрение. А он яд какой-то сы...

При виде Решида он замолчал. На вежливый поклон Решида хмуро кивнул и печально посмотрел на Хамзата и Ахмата, как бы призывая их в свидетели:

— Отец не умел читать, дед не умел читать, зачем мальчик умней отца хочет быть? Русская школа комсомол учит. Комсомол в мечеть не идёт. От книжек ничего не разберёт — что чёрное что белое. Школа — злое дело.

Хамзат молча наклонил голову. Он поднял что-то с земли,

и Решид невольно сделал движение вперёд, чтобы выхватить свои учебники. Муса удержал его за плечо.

— Я ему учиться не мешаю, — холодно сказал Хамзат. Хочет учиться — здесь, в ауле, есть арабская школа. А туда больше не пойдёт.

Решид с ужасом увидел, что Хамзат швырнул книги в горящую печь. Вырвавшись от Мусы, он опрометью бросился из кунацкой.

— Чего долго так? — встретил его Мишка. — Сам, небось, нажрался!.. Ты что молчишь?

Придвинувшись, он заглянул Решиду в лицо, провёл ладонью по мокрой щеке:

— Э-э!.. Чего нюни распустил?

Решид угадал сочувствие в грубом вопросе и, задыхаясь, прошептал:

— Дедушка книги сжёг... В школу ходить нельзя... Агронома убьют... — И он рассказал Мишке о смерти отца, о болезни матери, о печальной участи Резиды, об агрономе и Гаирбеке.

Мишка перебивал его сердитыми восклицаниями. Когда Решид умолк, Мишка засопел, стараясь найти выход. Выход-то был, и отличный — бежать, но Мишка понимал, что Решид без него на улице пропадёт. Он колебался. В нём боролись стремление помочь Решиду и нежелание брать на себя обузу. Он вздыхал, почёсывался и, всё обдумав, выпалил:

— А ты бежи.

Решид удивлённо уставился на Мишку:

— Куда?

— Там видно будет. Я тебя в какой-нибудь детдом отдам. Правда, скукота там... Зато учиться будешь. А не хочешь — вместе будем путешествовать. Эх, жалко агронома твоего разыскать нельзя! Он нам, может, денег дал бы... Ну да чёрт с ним! И так проживём.

— Он Грозный поехал. Горячеводский поехал...

— Я ж и говорю: Грозный большой — где его сыщешь? Мишка вздохнул. — Трудно с тобой будет... Ну да что уж... чего не поделаешь. Не бойсь, братишка, я тебя не брошу. И, забыв недавние сомнения, Мишка покровительственно хлопнул Решиду по спине.

Решид молчал. Ему живо представилось, как Хамзат и Муса будут искать его — не упал ли в пропасть, как им стыдно будет перед соседями и родственниками, что довели мальчика до такой беды. Он почувствовал злорадное удовольствие. Уже готов был дать согласие, но задумался:

— А мать? Как я её оставлю?.. Умрёт с горя.

Мишка смутился.

— Мать... Это — да!.. А знаешь что? Ты скажи ей, пуцдай не плачет. Как выучишься, к себе её заберёшь? А?

«В самом деле, — подумал Решид, — выучусь и приеду... А может, прилечу на воздушной машине. Сяду, как птица, на кровлю. Хамзат, Бессират, Муса — все испугаются. Выбегут: что такое? И вдруг увидят меня. А я им: я учёный, у меня много денег и я забираю от вас Маржан. Тут дедушка барашка зарежет, гостей позовёт. А я не съем ни кусочка. Заберу Маржан, посажу её на машину, и полетим в свою саклю».

Слёзы высохли.

— Завтра убежим. Спи, — сказал он, поднимаясь.

— Да. Спи!.. С голодным брюхом не поспишь! Ты уж всё-таки насчёт еды постарайся, а то не дойдём...

— Тшш!..

Во двор вышел Хамзат, провожая муллу и Ахмата.

— Послезавтра суд, — говорил Ахмат. — Его вызовут на суд свидетелем.

— Ну вот и...

— Я думал, Гаирбека освободят, — сказал Ахмат, как бы оправдываясь.

— Не всё ли равно? — мулла скрипнул зубами. — Он оскорбил твоего брата. И все считают тебя трусом, потому что ты до сих пор не убил его.

Решид шёл потом перевёл Мишке непонятную ему чеченскую речь.

— Вот гады!.. — Мишка помотал головой. — Они таки его ухлопют.

Глава шестая

БЕГСТВО

Хамзат сам запер дверь. Муса по его приказанию лёг спать у порога. Возле Мусы Хамзат положил старую саблю, специально для устрашения Решиды снятую со стены кунацкой. Решид только презрительно усмехнулся: Мусу скорее можно изрубить шашкой, чем разбудить. Нет, Решиды не так легко запугать... Раз он решил что-нибудь сделать, так уж делает.

Решид спал рядом с матерью. В темноте он придвинулся к самому уху Маржан:

— Нана... ты никогда не поправишься?

— Не знаю, — прошептала она, — мне кажется, никогда.

— А учитель говорит, что если б в больницу, то тебя бы вылечили... Нана, дедушка книги сжёг... И потом они хотят убить агронома... Плохо нам жить, нана.

Маржан погладила Решиду по лицу. Как всякая чеченка, она стеснялась ласкать сына при посторонних. Теперь же, в темноте, могла дать волю своим чувствам.

— Нана, неужели мне бросить учење и качать Магомета? И до самой смерти есть горький дедушкин хлеб?

— А что же сделаешь? Что можно сделать?..

— Убежать!.. Ты не можешь убежать, я знаю. Но я убегу, и выучусь, и прилечу за тобой на летающей машине. И позову русского доктора, чтобы он вылечил твои ноги.

— Ты же ничего не знаешь, ты нигде не был.. Как пойдёшь?! Куда?

— Тут есть один... Мишка. Он всё знает. Я с ним пойду. Пойдём туда-сюда, разыщем Серожу и скажем: уезжай, а то убьют. Только надо взять еды. Ты не знаешь, куда Бессират прячет ключ?

Маржан знала, где лежат ключи, но, когда он хотел встать, она его удержала:

— Подожди, сыночек, побудь со мной. Бессират ещё не спит. Если ты уйдёшь, как же я узнаю, жив ли ты? А вдруг заболеешь? И никого тебя не будет. Бессират хоть и злая, а всё-таки они родные... А вдруг ты умрёшь и тебя зароят в чужой земле... — Маржан даже похолодела от этой мысли.

— Ну вот ещё, — буркнул Решид, — чего ради я умру? — Глаза его слипались, предыдущая бессонная ночь давала себя знать, и он незаметно уснул.

Проснулся Решид оттого, что кто-то его тормошил.

— Вставай, — шептала Маржан, обливаясь слезами, — скоро рассвет. Иди.

Решид поднялся на четвереньки и огляделся. Слабый свет забрезжил за окном. Все спали. Он наклонился к матери:

— Не плачь. Я напишу письмо учителю. Он придёт к тебе. А дедушке ничего не говори, где я. Ладно? Прощай. Я к тебе обязательно приеду, вот только выучусь. Айшет добрая, она будет с тобой. Не плачь.

Решид, стараясь не дышать, стаял у Бессират ключи, на носках подошёл к двери. Муса спал, широко раскинув руки и ноги и раскрыв рот. Сабля валялась возле. Решид осторожно перешагнул через дядю и раскрыл дверь.

Ключ звонко щёлкнул в замке. Решид замер от страха. Торопясь, он забрал из кладовой что попало, даже целый мешочек соли, который потом пришлось выбросить.

Во дворе Решиды охватила предутренняя весенняя прохлада. Он потянулся. «Хорошо в горах!.. Где-то далеко внизу огни светятся... Облака у ног ползут — жирные, светлые, точно баранту из ущелья пастухи гонят. Никогда б не ушёл!..» Но вспомнил беду, грозящую агроному, сожжённые книги, запрещение учиться и тёткин визгливый голос... «Нет, надо уходить».

Легко ступая по холодным камням, пробрался под навес. Мишка спал, сладко посапывая. Решид тихо потянул его за плечо.

— А?.. — раскрыл глаза Мишка и, привычный к тревожной жизни, легко вскочил на ноги, будто и не спал. — Ну, айда, Пожрать захватил?

Две ночи мальчики ночевали в горах. На третье утро шли по грозненскому шоссе, мимо Новых промыслов. То обгоняя их, то навстречу мчались автомобили, экипажи, громыхали телеги. Люди с корзинками спешили на базар.

Решид то и дело обращался к Мишке с вопросами: зачем в одном месте построили столько сторожевых башен (это о нефтяных вышках), какой начальник живёт в большом белом доме (о рабочем клубе), почему так много людей? Зачем они бегут сломя голову, — может быть, случилось какое-нибудь несчастье?

Мишка шёл, заложив руки в карманы. На вопросы Решиды — досадливо хмыкал. Он был голоден.

Чем ближе к центру, тем шумнее: конные, пешие, автомобили, люди, люди, люди!.. Решид никогда не думал, что на свете столько людей.

Мишка, раздумывавший, как достать еды, внезапно остановился и оставил на Решиды.

— Что? — смутился тот.

— От, остолоп я! Эх ты, трын-дурында! Барахло-то твоё спустить

нужно?.. А то сразу погорим. Аида, тут у меня барахолщик знакомый. Неожиданно Решид заупрямился:

- Почему мой барахло, а не твой барахло? Не хочу.
- Ему казалось, что, расставшись со своим платьем, он навсегда оттолкнёт от себя родные горы и могилу отца. Но Мишка поднял Решиду на смех и показал свои лохмотья:
- Куда они годятся? За них и полтинника не дадут! А главное — вдруг кого-нибудь знакомого встретим? Он же тебя сразу признает!
- Решид сдался. Мишка решительно свернул в запруженную чеченскими повозками улицу.
- Чеченки, как квочки, распустили подолы над горшками с яйцами и маслом. Базар кипел людьми, и Решид, чтобы не затеряться, уцепился за Мишку. Перед деревянным ларьком, на котором болталась пара толстовок, Мишка остановился.
- Дядя Исак, здорово!
- Поджарый торговец подозрительно прищурил глаз.
- Это я, Мишка. Не узнаёшь? На прошлой неделе барахло от перса я приносил.

Торговец поспешно закивал головой: Ша! Иди сюда.

Боковая дверь приоткрылась. Мишка нырнул в узкую щель. Решид остался один. Никогда ещё не чувствовал он себя таким растерянным и беспомощным. Вокруг орала и ругалась толкучка. Чтобы его не затёрла беспорывно движущаяся толпа, Решид плотно прижался к ларьку Исаака... Он обрадовался, когда грязная физиономия Мишки вынырнула над прилавком.

– Шурум-бурум продаём, покупаем... Эй, молодой человек! Вам чего? Пожалуйте сюда! — паясничал развеселившийся Мишка.

Дверь снова открылась. Решид вошёл. Он смущённо остановился среди массы платья, развешанного на проволоках. Мишка взял Решиду за плечо и выдвинул вперёд:

– Рубашка, обрати внимание: ни одной дырочки, ни одной заплатки. А штаны? Шик!.. Ты за это барахло рублей десять спросить можешь, а мы с тебя пять просим.

Исаак шупал материю, шурился, как птица — одним глазом, и озаченно щёлкал языком.

— Два целковых, — закончил он осмотр.

— Дядя Исак, да ты что, бойся бога!.. — солидно торговался Мишка. — Полчервонца, ни копейки меньше. И то только для тебя, по знакомству уступаем.

Торговец покачал головой и равнодушно уселся к книге.

У Решиды гневно пылали щёки: «Как! Сукно, чудесное сукно, собственноручно вытканное Маржан, не нравится какому-то хилому старику?» Решид гордо закинул голову и направился к двери.

— Два с полтиной, — бросил ему вслед торговец.

— Два с полтиной? — Мишка дёрнул Решиду за рукав. — Да что ты, смеёшься, дядя Исак? Ты посмотри, материя кака! Ведь ей сносу не будет. Мы бы никогда продавать не стали, да деньги на дорогу нужны.

Торговец поднял острые плечи:

– Что я могу сделать? Два с полтиной.

– Я не хочу больше продавать, — чуть не плача, крикнул Решид. — Пойдём.

– Ну, последняя цена: три рубля, — предложил торговец. Мишка плюнул. Ему нравилось торговаться, но надо было во что бы то ни стало переодеть Решиду. И хотелось есть.

– Чёрт с тобой! Бери. Только дай барахло какое-нибудь на смену.

Через минуту Решид был одет в пёстрый от разнообразных заплат балахон и дырявые штаны. Он чувствовал отвращение к пропахшей потом и махоркой одежде. В глазах стояли слёзы обиды.

– А чепа? — ахнул Мишка. — Про чепу забыли. Накинь на шапку ещё рублишко, дядя Исак!

– Полтинник и чепу в придачу.

Белая баранья шапка Решиды очутилась в руках торговца. Мишка нахлобучил на голову Решиду клетчатую кепку и захохотал:

– Парень что надо!

Глава седьмая

ПЛАН МЕНЯЕТСЯ

Мишка хотел потратить капитал с толком и наиболее экономно. Поэтому он выбрал себе самую дешёвую колбасу и чурек. Решид ограничился небольшим количеством картошки.

– Хочешь собачьей радости? — протянул ему Мишка кусочек колбасы.

Решид в ужасе отпрянул:

– Закон не велит... Свинья грязная.

– Ну, полай баранину.

– Тц, может, русский барашку резал. Нельзя. Закон не велит.

– Зако-он!.. — Мишка плюнул. — Глупости какие.

– Не смей закон ругать! — вскипел Решид, петухом наскაკивая на Мишку.

В лавке старёвщика он почувствовал, как мило ему всё, что напоминает родные места. Теперь он кровью готов был защищать обычай, к которым вчера ещё был равнодушен.

— Вот дурында, — добродушно удивился Мишка. — Чего ты взъерепенился? Я ж тебя жалею. Вон смотри: деньги на жратву потратил. Думаешь, мне не жаль? Без тебя б ничоём не стал покупать... так бы слямяил. Надо нам ехать, вот что я тебе скажу. Потому — проедемся тут. Айда на вокзал?

— Пошли.

У самого вокзала на них налетел такой же ободранный, каш они, мальчишка. Он крикнул что-то на незнакомом Решиде языке, но Мишка его понял и мгновенно остановился.

Мальчик, промчавшись мимо, шлёпнулся под ноги гражданину, нагруженному пакетами.

Гражданин растянулся на грязном тротуаре. Пакеты разлетелись. Бумага прорвалась. Рассыпались яблоки и печенье. Мишка с незнакомым парнишкой бросились выуживать их из грязи. Решид растерянно раскрыл рот: всё это так быстро случилось.

— Чего зевашь, бери! — крикнул Мишка.

Решид моментально поднял подкатившееся к ногам яблоко. — Милция! — заорал мальчишка. И оба — он и Мишка — прыгнули в разные стороны.

Гражданин поднялся и устремился к остолбеневшему Решиду. Решид вскрикнул... помчался за Мишкой.

Милиционер за мальчиками не погнался. Он помог пострадавшему собрать краснеющие в грязи яблоки.

— Вот черти, — ругался гражданин, — вот черти! Потравить бы их газами какими, что ли.

— Пакостники! На-те вам, гражданин, яблочки. А уж печенье ни к чему, всё в грязи. Вот немножко в кулёчке осталось!

Отбежав на приличное расстояние, Мишка подсчитывал добычу.

— Раз, два, три... пять яблоков. А печенье?.. Погоди... одна, две... Десять! А у тебя сколько?

Решид показал яблоко.

— Одно? Эх ты, растяпа! Ну, ничего, ешь, я тебе ещё дам. На печенье, спрячь. Поехали.

Перемахнув через забор, они очутились на путях. Налево, шагов за тридцать, разгрузили вагон. Прямо и направо тянулись составы с бензином и керосином.

— Лезь под бак. — И Мишка исчез под цистерной. Решид нырнул за ним. Мир, в который он попал, состоял из

бесконечного ряда колёс. Это было похоже на сон. Выбравшись из-под вагонов, он смотрел одурелыми глазами. Вдруг раздалось шипение, грохот, и огромная чёрная машина, издавая отчаянный свист, двинулась на Решиду. Он в ужасе застыл. Мишка дёрнул Решиду с рельсов. Машинаист, высунувшись в окошечко, ругался на чём свет стоит.

— Что... Что это? — задыхаясь, бормотал Решид.

— «Что, что?» — сердито передразнил Мишка. — Поезд. Паровоз. А ты не зевай. Зарежет тебя, дурака, что я с тобой делать буду? Ну!.. Иди, что ли, чего стал?

Решид полпёрлся за Мишкой, нервно вздрагивая от шипения и свиста маневрирующих паровозов.

— Граждане, куда путь держите? — Тяжёлая рука легла на плечи мальчиков. Мишка попробовал рвануться. Рука держала крепко. Он поднял голову и встретил улыбающиеся глаза сторожа.

— Товарищ, пусти! Нам в посёлок пройтись.

— Знаем мы посёлок. Вот я тебя сейчас представлю куда надо.

— Товарищ, честное даю пролетарское слово, тётка помирает. Вот ей яблочков пяток купил!..

— Шагай, шагай! Не маленький, мост видишь? По мосту, а не по путям ходить надо.

Решид покорно шёл за сторожем. «Неужели домой повезут?.. — думал он. — Ой, как стыдно будет!..» Мишка жалобно хныкал:

— Помрёт тётка без яблоков... Где, скажет, Мишка?.. А Мишку как злоумышленника всё равно арестовали... Говорил я тебе, — накиннулся он вдруг на Решиду, — говори! пойдём через мост, а ты, дурак, захотел паровоз посмотреть. Вот тебе и посмотрел!.. Он, товарищ, из деловни и паровоза не видал никогда. Как мы в город шли, он всё с моста смотрел, а обратно — уговорил меня через забор перелезть. Паровоз интересовался посмотреть. Вот тебе и посмотрел!.. Пусти, товарищ, я ему морду разобью!

Мишка засучил рукава и сделал вид, что хочет вырваться. Сторож легонько тряхнул его, посмеиваясь.

Ну и жох ты, как я посмотрю. Много тебе годов-то?

— Десяток, да ещё три накин, — неожиданно спокойным голосом ответил Мишка. — А тебе сколько?

— Ах ты хулиган, — засмеялся сторож, — куда конь с копытом, туда и рак с клешней!..

— Клешня у тебя, дядька, — пошевелил Мишка плечом, — значит, ты рак и выходишь. Ишь уцепился!

Подошли к перрону. Высокий чеченец, ожидавший поезда,

рассеянно поглядел на мальчиков и вдруг внимательно впился глазами в лицо Решид. Решид замер.

Неожиданно раздался неистовый вопль Мишки:

— А-а-а-й!.. О-о-о-й!..

Сторож вздрогнул. Ослабил давление руки. Мишка рванулся и побежал. Решид за ним. Сторож засмеялся, плюнул и добродушно махнул рукой.

— Чего кричит мальчик? — спросил высокий чеченец.

— А чёрт его знает, чего!.. Беспризорники, разве не видишь?

Мишка и Решид перемахнули через заборчик, пробежали садик и очутились на улице.

— Знакомый чечен, что ли? — спросил, задыхаясь, Мишка.

— Висита. Сосед.

— Узнал тебя, как думаешь?

— Наверно, узнал, — кивнул Решид.

— Плохо. Знаешь что? Видимо, у них тут кругом шпионы понаставлены. Ну его к чёрту, Грозный! Давай в Червлённой сядем? Вёрст тридцать только пройтись, пустяки. По пути в Горячеводском про агронома спросим. Искулаемся на курорте и попрём на Червлённую. А?.. Решид одобрил новый план.

Глава восьмая

СПАСАЮТ АГРОНОМА

Чтобы избежать неприятных встреч, шли стороной, на холмах продирались сквозь серые колючие заросли держи-дерева, отдыхали на лиловых от фиалок полянках, закусывая яблоками и печеньем. По предложению Мишки, набрали пучки фиалок — «дамочки на курорте жадные до их страсть, заработать можно будет». Несмотря на усталость, Мишка болтал без умолку:

— Повар здесь добрый — Иван Иваныч, обязательно пожрать даст, вот увидишь... Горячеводский курорт оттого так называется, что источник тут горячий — страсть! Пар столбом валит. Руку опустишь — сварится. Чес-слово! Зимой печек не топят, а прямо из источника воду по трубам пускают — и ничего, греет! Ей-богу. Пруды горя-ачие, а дно из цемента. Слустуют воду и мою пол, прямо как в комнате, а потом опять напускают. Я, брат, всё знаю, недаром путешествовую столько лет.

Решид слушал, позёвывая. Умолк наконец и Мишка, сморённый ходьбой.

Спускаясь к Горячеводску, они сонно шурили глаза. Внизу, уютно угнездившись в котловине, белела станица. Зелёным пятном распускающихся деревьев выделялся парк санатория. В степи дымил трубу аутавашемуса с того времени, когда мужчины воевали, а женщины работали в поле.

День угасал. Под деревьями на горе ступились сумерки. На дорогу от холмов падала широкая тень. Но степь, аул, курганы — всё золотилось в свете заходящего солнца.

— Гля! — шепнул Мишка, подтолкнув Решид. Локтем.

У ног мальчиков, по тропинке, прятаясь за кустами, пробирались два чеченца. Они держали ружья наготове, выслеживая кого-то на нижней дороге, скрытой от мальчиков деревьями. Решид узнал одного из них и встревожился:

— Ахмат!.. Бежим скорее, беда будет.

— Какой Ахмат? — заражаясь его тревогой, прошептал Мишка.

— Брат Гаирбека...

Мишка сразу оценил серьёзность положения. Стараясь бесшумно ступать, мальчики сделали несколько шагов в сторону. Стала видна дорога. Ехал казак, лениво развалившись на телеге. За ним шла пара — мужчина и девушка.

— Агроном, — выдохнул Решид.

Мишка подтянулся. Сжав губы, он несколько мгновений молча созерцал чеченцев. Повернулся к Решиду с готовым планом:

— Как будут стрелять, я головой в живот энтому, брату, а ты у того вверх ружьё поддай. А потом вниз бежи и ори: караул...

Чеченцы крались, как охотники, выслеживающие дичь. Во всём мире они видели только кусок серой дороги, медленно идущих мужчину и женщину и досадную помеху — казака. Поднимать тревогу не входило в их расчёты. Они выжидали. Им и в голову не могло прийти, что за ними так же насторожённо, готовые при первом их движении прыгнуть, крадутся мальчики.

В степи потасли последние отблески солнца.

Двое внизу остановились. Сергей Иванович, казалось, в чём-то убеждал девушку. Она была палочкой по носку ботинка и отрицательно качала головой.

Казак скрылся за поворотом. Стук колёс постепенно замер. Чеченцы медленно вскинули ружья.

С диким визгом прыгнул Решид. Мишка яростно боднул Ахмата. Прозвучали два выстрела в воздух... Ругательство... Ахмат схватился за живот. Его товарищ поспешно зарядил ружьё. Решид и Мишка кувырком катились с горы.

— Кар-ра-уп! — вопил Мишка. — Гаирбе-ек!..
— Ахма-ат.. Берегись!.. — визжал Решид.

Выстрелы, визг, шум... Сергей Иванович остолбенел. При имени Гаирбека пришёл в себя. Схватил девушку за руку и зигзагами побежал по дороге.

Вперед и во весь дух летели мальчики, оглашая визгом мирную долину Горячеводска.

Десятки электрических фонарей вспыхнули, освещая аллею парка. Решид остановился, изумлённо раскрыв рот. В ту же минуту Сергей Иванович схватил его за руку.

— Расскажи толком, в чём дело... — и вдруг пристально вглядываясь в лицо мальчика, потащил его к фонарю. — Решид!.. Что это за тряпки?

Мишка самодовольно оглядел Решиду:

— А это я его обрядил, чтобы не узнали.

Все четверо стояли под фонарём, тяжело дыша от волнения и быстрого бега. Перебивая друг друга, мальчики рассказали об отправке Гаирбека в Грозный, озлоблении родственников, о сожжённых учебниках и запрещении учиться. Сергей Иванович и девушка слушали молча, иногда обмениваясь взглядами.

— Вчера был суд, — сказал Сергей Иванович, — и Гаирбеку дали пять лет... Однако идёмте. Нечего под фонарём стоять, Екатерина Николаевна, не сможете ли вы раздобыть им какую-нибудь одежду? А я их пока выкупаю.

Возле купальни Сергей Иванович остановился, брезгливо дотронувшись до лохмотьев Решиды.

— К чёрту это! Брось на землю. Сторож уберёт.

— Зачем бросать? — возмутился Мишка. — Барахло деньги стоит.

— Ладно, ладно, не разговаривай. Голым не останешься. Мальчики разделались и побежали в купальню. С разбегу бухнувшись в горячую воду. Мишка бил ногами, разбрасывая брызги, фыркал, булькал ртом... В промежутках выкрикивал:

— Что?.. Я тебе говорил?.. Гля: с одного боку вода горячей... Почему это?

Решид не знал.

— Эх, ты!.. Трын-дурнда... Там из источника вода льётся понемножку, а тут она простыла.

Темнота быстро сгустилась. С берега их окликнула Екатерина Николаевна. Сергей Иванович внёс узел с платьем. — Одевайтесь. Живо! Вас зовут к управляющему.

— Чего? — испугался Мишка.

— Чай пить.

— О-о! Вот это дело! Айда, Решидка, вылазь.

Мальчики остановились у входа, жмурясь от яркого света. Пять или шесть женщин вскочили из-за стола. Посыпались восклицания, вопросы.

Оглушённый Решид отодвинулся в угол. Смотрел оттуда и сердился. Мишке, наоборот, льстило внимание. Неотмывающейся лапой он развязно потрясал женские руки, разговаривал басом, солидно взял стакан из рук хозяйки, как будто ему не впервой было сидеть за белой скатертью.

— А где же Решид? — оглянулся Сергей Иванович. — Чего ты в угол спрятался?

— Иди сюда, Решид, не бойся, — позвала белокурая кудрявая жена на управляющего.

— Я не боюсь, — вслыхнул Решид. Насупившись, сел за стол и упёрся глазами в тарелку.

— Ешь, чего же ты?

Решид взял рисовую котлету в руку и покосился на Мишку. Мишка ел вилкой. Сосредоточенно нахмурившись — только бы не осрамиться! — Решид зажал в кулак непривычный инструмент. Кусочки прыгали, ускользали из-под вилки. По тарелке расплылась каша из сладкой подливки и риса.

— А ты руками, — раздвинула пухлые губы в улыбку соседка.

Решид гневно сверкнул на неё глазами, мужественно продолжая тыкать вилкой непослушные кусочки.

— У, сердитый какой! — засмеялась она. — Мишка добрее. Правда, Миша? — Она провела ладонью по мокрым Мишкиным волосам.

Таких нежностей Мишка вынести не мог. Он сердито прынул головой:

— Дай поесть, тётка, не лезь...

Вокруг стола засмеялись. Решид ухмыльнулся довольный, что Мишка отбрил толстогубую.

Сергей Иванович незаметно подложил Решиду ложку, и он; наконец одолел котлету. За этой трудной работой он позабыл о Мишке... А Мишка после четвёртого, стакан чаю совсем разошёл. Воркотня самовара, говор и смех за столом слились в однообразный шум... звучали всё глуше...

— А?.. — вздрогнул он и раскрыл отяжелевшие веки. Сергей Иванович и Решид стояли возле. Сергей Иванович что-то говорил. Мишка вслушался, зевнул во весь рот...

— Спать? Ага. Здорowo хочу.

Мальчиков проводили ласковыми пожеланиями.

В мягких постелях, в каких оба никогда не спали,

растянулись ребята. Сергей Иванович присел на кровать угрюмо молчащего Решиды.

— Вот что, ребята. Я знаю хорошую колонию на Украине. Утром дам вам письмо к заведующему и денег на дорогу.

— О-о! — обрадовался Мишка. — Вот это да! А то без денег плохо, а Решидка, знаешь, какой недотёпа: с ним того и гляди засыпешься.

После ухода Сергея Ивановича Решид приподнялся в постели.

— Зачем он руку женщине целовал? — вылил он наконец томившую целый вечер обиду.

— Которой?.. А я и не заметил, — зевнул Мишка. — Чёрт знает зачем... Радовался, должно, что живой остался...

— А разве она его спасла? — гневно вскрикнул Решид.

— Конечно, по правильному рассуждать, так он должен был нам целовать, — согласился Мишка. — Ну, да наплевать, пуцай... Я не нуждаюсь. А шикарно черти живут! Жратва какая! А кровати?.. Шик!.. Стоит, пожалуй, поучиться на дохтора... Как ты думаешь?.. Или на управляющего?

Решид не отвечал.

— Хорошо!.. — зевнул Мишка. И уж сонным голосом добавил: — А фиалки потеряли... жаль.

Глава девятая

УТРО

Где-то, точно в медную сковородку, пробили пять ударов. Свистки сторожей — один, другой, третий, четвёртый — переключаясь всё дальше и дальше, прорезали воздух. Решид босиком подбежал к окну. Он увидел стёкла, серые стены, каменный пол: окно вышло на галерею. На полу, свернувшись клубком, спал огромный рыжий гончак. На соломенной подстилке, рядом с ним, вытянулась дворняжка.

Решиду показалось страшным встретиться с рыжим псом один на один. Поджав ноги, он уселся на подоконник.

Тишина угнетала. Вспомнилось, как бывало дома — утренние часы полны голосов: коровы, лошади, овцы, куры, гуси, индейки громким криком спешат заявить, что проснулись и хотят есть. Отец засыпал корм лошадям. Мать подоила корову, её обступили голодные куры и гуси... Никогда уж Маржан не будет такой быстрой, как раньше... Печаль по былой жизни охватила Решиды... На глаза навернулись слёзы.

— Решидка, а сандалии какие, глянь: рублёвку за их на толкучке без торгу дадут!

Взъерошенный Мишка, сидя в кровати, с восхищением рассматривал полученную вчера обувь. Выскочив из постели, он, к изумлению Решиды, сосредоточенно нахмурившись, замахал во все стороны руками.

— В детстве, как встанем, гимнастику заставляли делать, — важно объяснил он. — Для здоровья полезно. Одевайся, айда купаться.

В галерее мальчиков встретил гончак и, удивлённо сморщив лоб, подошёл их обнюхать. Решид и Мишка нерешительно остановились.

— Это Аскар, не бойся. Аскар, Аскар!.. — позвал чёрный высушенный солнцем чеченец, сидевший возле конторы.

Виляя хвостом, Аскар подошёл к нему и дружески лизнул в нос. Мальчики засмеялись.

— У-у, Аскар, Аскар, хорошая собака... Не кусает, погладь. Решид опасно коснулся головы гончака. Пёс нюхнул его руку, ткнул носом в ноги, припал на передние лапы и оглушительно залаял. Решид вздрогнул.

— Гулять зовёт, — объяснил чеченец.

— Ишь ты, гулящий какой, — Мишка похлопал Оскара по шее. — Айда с нами купаться?

Чёрный чеченец выскочил во двор на отчаянный зов:

— Таза! Таза!..

На курорте началась жизнь. Посреди двора, возле экипажа, завхоз отдавал распоряжения экономке, ехавшей на базар.

Таза подбежал к ним, выслушал поручение и полетел его выполнять. Шофёры возились в гараже. По двору пробежала уборщица в поткнутом халате. На клумбах и дорожках парка цвели яркие платки подёнци. Шуршали метлы, врезались в землю блестящие лопаты, вёсла перабранка звенела в воздухе.

Два ревматика, опираясь на костыли, выползли на солнышко. Многолетняя привычка просыпаться по гудку выгнала их в этот час из постелей.

Выкупавшись, мальчики побежали осматривать курорт. Источник Решиды разочаровал: оградка, запертая калитка и за ней лужица в облаке пара...

— Глянь! — крикнул Мишка, повиснув на ограде. — Пар столбом валит... Будто кухня под землёй!.. Интересно, да?

Из вежливости Решид согласился. Мишка, гордый ролью проводника, потащил его на холодильники. Уступами, один ниже другого, спускался ряд бассейнов. В них, точно в огромной зеркальной лестнице, отражались молодые листочки деревьев

Вода с мягким журчанием переливалась с площадки на площадку. Облачками пара курилась в верхнем бассейне и холодным стеклом лезала в нижнем.

— Видал? — торжествовал Мишка. — Течёт, течёт и остывает. Вот как придумали. А то мысленное рази дело — кипяток дуть целый день?

Оскар, сидя в стороне, важно поглядывал на мальчиков.

Обежали молодой парк. Мимоходом Мишка сразился с подёнцицами-казачками. Сунули было нос в оранжевую. Пёстрые цветы под стеклянной крышей сверкнули в глаза и исчезли. Сердитый садовник захлопнул дверь.

Посмотрели разрушенный дворец Ольденбургского,

— Принц такой был. Во хатку себе выстроил! В одну бассейн вся твоя сакля влезет, — показал Мишка на огромный пустой бассейн, усеянный обломками и сором.

Оскару не нравилось бродить в развалинах. Нетерпеливым лаем пригласил он мальчиков в поле.

Там, окаймляя дорогу, бежали асфальтовые аллейки.

— Заяц!.. — закричал Мишка. — Гляди, гляди!.. Во удирает!.. Гони его, Оскарка, не отставай!

Рыжее тело гончака, тяжёлыми, но быстрыми бросками продвигаясь вперёд, скрылось в кустарнике. Только лай на горе отмечал далёкую погоню.

Несколько минут Мишка прислушивался, открыв рот, потом со счастливым улыбочкой обернулся к Решиду:

— Как думаешь, поймают?

Разговор перешёл на охоту. Решид рассказал, как трудно охотиться на тура:

— Из винтовки бить — на тысячу шагов чувствует. Мирно болтая, мальчики подымались в гору. Возле тропинки лиловели росистые кустики фиалок. Мишка вспомнил потерянные букеты.

— Знаешь что? Энта, белобрысая, ничего себе. Давай ей фиалок наберём?.. Даром! — добавил он в припадке великодушия.

Подходя к санаторию, услышали частые удары гонга. В парке мелькали серые халаты больных. Навстречу мальчижкам бежал рассылный Таза.

— Чай Саша послал! — запыхавшись, кричал он.

— Какой Саша? — удивился Мишка.

— Саша! Который отец убирал.

— Отца убирал? Ничего не понимаю. Решидка, спроси его по своему.

Таза объяснил Решиду, что уборщица Саша послала позвать мальчиков к чаю.

Саша встретила их в пустой столовой. Утренний ветер раздувал белые занавеси на окнах. На столе бурлил самовар.

— Садитесь, ребята. Небось, проголодались? Решид протянул ей фиалки:

— Белобрысой дай.

— Кому?

— Белобрысой...

— Энто он тётку так окрестил, — захохотал Мишка, — хозяйку.

— Неприлично так говорить, — заметила Саша. — Что ты не слышал, как её зовут? Зинаида Евгеньевна.

— Разве их всех упомянешь!.. Мы её тётя Зина будем звать. Ладно?

Из двери спальни протянулась рука с кружкой, и Зинаида Евгеньевна сонным голосом попросила воды. Мишка вскочил и сунул нос в спальню.

— Тётя Зина, гля: мы с Решидкой тебе фиалок насобирали.

— Спасибо, спасибо. Только уйди, я не одета.

— Ничего, — ободряюще сказал Мишка. — Я не стесняюсь. — И, довольный своей обходительностью, уселся за стол, с аппетитом засунув в рот полбутерброда.

Саша, Решид и Мишка, дружелюбно разговаривая, завтракали, когда вошёл Сергей Иванович.

— А-а... вот вы где! Ну как? Нравится тебе здесь, Решид?

— Нравится. Собака хороша.

— Оскар?.. У-у! Это знаменитый охотник. Проснётся утром, посмотрит на солнышко: день как будто для охоты подходящий. Сейчас марш на станцию — там его бывшие хозяева живут. Сядет против их двери и лает, пока не разбудит. Те возьмут ружья и марш с ним на охоту.

— Ну да? — недоверчиво шмыгнул носом Мишка.

— Истинный бог, — вмешалась Саша. — Прямо такая замечательная собака, что и сказать нельзя. Зимой притащит какого-нибудь щенка, сам спит на голом полу, а ему уступает свою подстилку.

— Я видал, видал!.. — захлопал в ладоши Решид.

— А то голодную собаку кормит... Истинный бог. Она из оscarовской миски ест, а он возле стоит и хвостом виляет... Прямо, как человек... Да чего там человек! Иному человеку у него поучиться.

— Хы!.. У собаки учиться... — засмеялся Мишка.

— Чего смеёшься, — сказал Сергей Иванович. — Думаешь, люди у животных не учились? Хотите, я вам сказку расскажу?

— Хотим! — закричал Мишка.

— Ну, слушайте... Только пойдём отсюда, чтобы не мешать никому. Усевшись возле дома на скамеечке, Сергей Иванович начал:

— Сказка эта как раз о здешних местах. Мне её рассказывал Джантемир, один знакомый старик из Старого Юрта. Он, впрочем, уверяет, что это не сказка, а быль...

— Ну, ладно, ладно, — перебил Мишка, — ты рассказывай. А там разберёмся.

— Я и рассказываю... Так вот, давным-давно, когда ещё и Старого Юрта не было, все эти земли, где сейчас аул, станица и Горячеводск, были покрыты густым-прегустым лесом. И жили здесь, братцы мои, только кабаны, волки да зайцы. Охота — лучше не надо. Фазан так сам на охотника и прёт... Вот раз старый Цанци...

— А кто это?

— Ну, человек такой был... Старый Цанци с двумя зятями охотился на здешних землях. Идут себе, постреливают и вдруг, — Сергей Иванович сделал большие глаза, — дым!.. Вьётся тоненькой струйкой между деревьями. Эге, думают, кто-нибудь разложил костёр. И даже струхнули, признаться, потому что в те времена всякий незнакомцу человек считался врагом. Как только встретятся двое, так сейчас давай драться, а потом победитель едет по аулам и хвастает своей храбростью. Вот вся кампания тихонько подкралась к дыму: давай, говорят, посмотрим, что благоразумнее — ударить незаметно или вступить в бой. Если много врагов — удерём. Высунули носы из-за деревьев и смотрят. И вот тут-то, братцы мои, они и удивились: дым прёт из воды! «Что за чудо?» — сказал старый Цанци. А зятья только рты разинули. Вдруг — прыг! — выпрыгнул на полянку хромой зайчишка. Присел. Повёл ушами туда-сюда и, не долго думая, бух в воду. Поплавал, поплавал и выскок на берег — здоровый, как будто и не болел никогда. «Вот так случай! — сказал старый Цанци. — Молчать о нём невозможно, а рассказывать — всё равно никто не поверит». Вот прошёл там месяц или два, скрючил Цанци ревматизм. Тогда вспомнили зятья о зайце и отнесли старика к источнику. Выкупался он — и болезнь как рукой сняло. И пошла, ребята, слава о воде на всю Чечню. Вот как люди узнали от зайца про целебную силу источника.

— Так это же сказка, — засмеялся Мишка. — Рази ж заяц мог бы в источнике скупаться? Он бы сразу сварился.

АХМАТ С НОВА ПОЯВЛЯЕТСЯ

Удача следовала за удачей: сперва мальчишкам объявили, что на Гудермес пойдёт за управляющим автомобилем, который доведёт до станции; потом Зинаиду Евгеньевну пригласили на свадьбу в аул, и Мишка напросился с нею. Решида Сергей Иванович не пустил, боясь, что он может встретиться в ауле знакомых.

Мишка сиял. Пока Зинаида Евгеньевна собиралась, он вертелся вокруг тачанки, присланной из аула. Забытый Решид сидел на крыльце, привлекаясь к Оскару, и грустными глазами следил за Мишкой.

— Тётя Зина, лезь скорее, а то опоздаем, — торопил Мишка.

— А может, не поедешь? Смотри, какой Решид скучный.

— Ну чего там! — махнул рукой Мишка. — Он с Оскаркой... Не скучай, Решид!

Он вскарабкался на тачанку. Кучер подобрал вожжи. Лошади дёрнули. Тачанка, громяхая, выехала со двора. Решиду показалось, что саторий опустел. Он прятал от Сергея Ивановича расстроенное лицо. Агроном уселся рядом с мальчиком и обнял его за плечи.

— Ну-ну! Глади веселей, дружок. Что-нибудь придумаем. Хочешь в прятки играть?

— Как?

— Мы будем прятаться, а Оскар пусть нас ищет. Валяй первый. Я Оскара подержу.

Решид отправился в парк. Спрятался за дерево. «Нет, найдёт», — подумал и, перебежав, скорчился в зарослях бамбука у фонтана.

— Ищи! — крикнул Сергей Иванович, выпуская Оскара. Гончак уткнул нос в землю и, повизгивая, затрусил по следам Решида. Обнюхал дерево. Растерянно остановился. Потянул носом воздух и с громким лаем бросился к фонтану. Радостно навалился на Решида. Оба с визгом покатались по траве.

— Нашёл!.. Нашёл!.. — в восторге кричал Решид, подбегая к Сергею Ивановичу.

— Теперь ты держи, а я спрячусь.

Чтобы Оскар не подсматривал, Решид, нахлобучил кепки на глаза нетерпеливо мотающего головой пса. Сергей Иванович, делая круги и восьмёрки, стараясь как можно больше запутать следы, скрылся в сараях.

— Ищи!

Оскар побежал, повторяя извилистый путь Сергея Ивановича.

Решид прыгал сзади и кричал:

— Ни там! Ни там!... Какой глупый!.. Ни там!

Оскар ввалился в соларий и, торжествующе лая, остановился перед Сергеем Ивановичем.

— Ну, теперь кто кого перегонит. За мной! — Сергей Иванович во весь дух помчался по широкой аллее к воротам парка.

Решид и Оскар кинулись за ним.

— Нга-нга-нга-нга! — трубил гончак, обгоняя Сергея Ивановича. У ворот остановились.

— Назад!

Оскар снова перегнал.

— А ну ещё раз! Решид, не отставай!

Гуляющие большие остановились, криками подбадривая состояющих.

Решид едва дышал. Заболела грудь, закололо в боку, но отставать он не хотел и мчался из последних сил.

Впереди Сергей Иванович круто осадил. Решид, не остановившись вовремя, пролетел мимо и едва удержался, схватившись за вошедшего в ворота казака.

— Тише ты!.. — крикнул казак. — Оглашённый.

Решид испуганно отпрянул: казак и чеченец несли на бурке чьё-то тело. От толчка тело зашевелилось. Из-под платка, покрывающего лицо лежащего, послышался стон. Решид уцепился за Сергея Ивановича.

— Не ходи... Это... это... — бормотал он, задыхаясь.

— Подожди, — отстранился Сергей Иванович, и подошёл к казаку. — Что случилось?

— Да вот, — ответил казак, останавливаясь, — в каменоломню свалился какой-то. Похоже, ногу сломал. Куды его?

Подошли большие и серой стеной стали вокруг бурки:

— Пьяный, что ли?

— Порезались, должно... Это у них часто.

Чеченец хмуро молчал. Оскар, стоя у ворот, нетерпеливо лаял, приглася продолжать игру.

Сергей Иванович откинул платок с лица лежащего... и отступил:

— Ахмат!

Глаза Ахмата открылись. Несколько минут он равнодушно смотрел на Сергея Ивановича. Потом опустил веки над мутным взглядом. Из закушенной губы выступила капелка крови.

— Так... — проговорил Сергей Иванович, выпрямляясь. — Ну что ж, надо к дежурному врачу. Пропустите, товарищи, — обратился он

к больным. — Ничего особенного, просто человек в каменоломню свалился.

Больные, удивлённые странной сценой, молча расступились. Сергей Иванович пошёл вперёд. За ним казак и чеченец осторожно несли бурку. Решид и Оскар замыкали шествие.

Решид не верил, что Ахмат расшибся. Он подозревал, что это ловушка для Сергея Ивановича. Нахмуренно и зорко следил он за чеченцами. Беспечный Оскар не разделял его опасений. Нежно покусывая руку Решида, он заглядывал ему в глаза, стараясь отвлечь на себя внимание мальчика.

Ахмата принесли в водолечебницу и уложили на клеёчатый диван. Казак ушёл. Санитарка побежала за дежурным врачом. Товарищ Ахмата стоял у дивана, воинственно глядя на Сергея Ивановича.

Решид жался к агроному. Все молчали.

«Нет, правда, упал», — думал Решид, всматриваясь в бледное лицо на коричневой клеёнке.

Поспешно вошёл дежурный врач. Осмотрев стонущего Ахмата, он повернулся к Сергею Ивановичу:

— Перелом бедра и ключицы. Как его удержали?

— Ночью не видно, — сказал чеченец, — упал.

— Что ж ты его утром не доставил?

— Как один могу? Пришёл казак камень ломать, два несли.

— Придётся его здесь оставить. — Врач послал санитарку за хирургом и начал осторожно разрезать одежду Ахмата.

Все вышли. Сергей Иванович и Решид присели на скамью. Чеченец угромо отошёл в сторону. За водолечебницей над прудом звенел женский смех. Слышно было, как тела бултыхались в воду.

— Эй, гражданка, вы опять без билета пролезли? — покрыл шум голос сторожа.

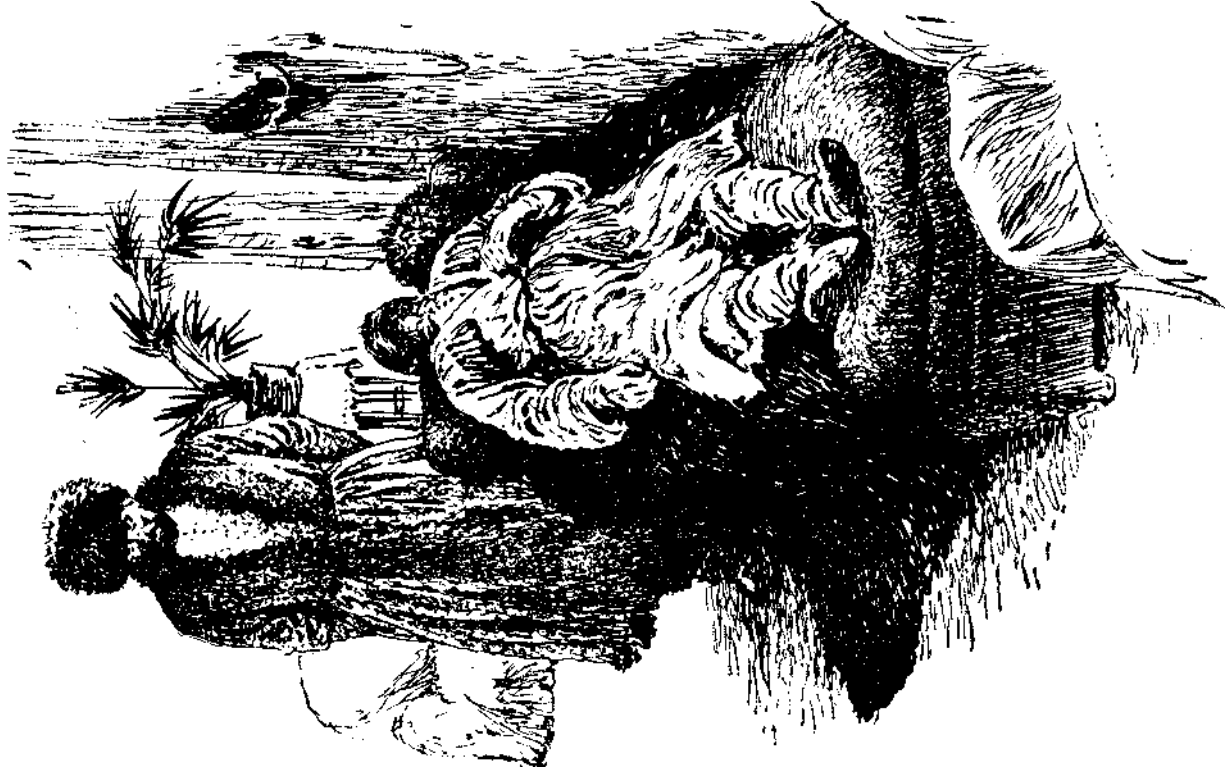
Раздался визг. Негодующие крики. И снова спокойный бас рассудительно пророкотал:

— Я здесь положен и никуда я отсюда не уйду. Вылазьте, гражданка, а то милицию позову.

Сергей Иванович вскинул глаза на чеченца:

— Это ты был с ним вчера? Чеченец презрительно молчал.

— Я, конечно, не буду болтать о вчерашнем, — тихо сказал Сергей Иванович, — только это, знаешь ли, большущая глупость с вашей стороны была. Вместо того чтобы прийти и по-человечески объяснить, ни с того ни с сего палить... да как трусливо, из-за угла, как воры... И разве во мне дело? Пора понять, что женщина такой же человек, как и ты, и он... У неё такие же права. Сколько раз я Гаирбека предупреждал: не бей жену, беда будет. А он только отмахивался: «Что может

быть, когда у неё родных никого нет. И заступиться даже некому». Сколько раз я ему пытался втолковать, что за неё закон заступится... Разве я сделал зло Гаирбеку? Он сам себе его сделал. За что же вы меня убить хотели?

Чеченец пренебрежительно дёрнул ртом и отвернулся.

— Не хочешь со мной разговаривать? — пожал плечами Сергей Иванович. — Ну как хочешь!

Крики купальщиц смешались со звуками настраиваемых инструментов.

— Что это? — тихо тронул Решид задумавшегося Сергея Ивановича.

— Это?... Оркестр. Музыка.

Ахмата на носилках пронесли в палатный корпус. Чеченец справился у доктора о его здоровье и ушёл. Сергей Иванович и Решид проводили Ахмата до палаты. Он лежал неподвижный, в гипсовой повязке. Приоткрыв глаза, взглянул на Сергея Ивановича и зажмурился.

У дверей палаты Сергей Иванович наклонился к Ахмату:

— Если что будет нужно, пошли за мной. А насчёт вчерашнего не беспокойся. Вылечишься, тогда поговорим.

Решид ревниво ухватил руку Сергея Ивановича:

— Зачем к нему пойдёшь? Не ходи.

Сергей Иванович усмехнулся и лукаво подмигнул Решиду:

— Хочешь пари, куначок?

— А что это?

— Ну, поспорить со мной хочешь?.. Вот посмотришь, мы с ним будем присяжными братьями... Может, даже сегодня. Не веришь?

Первый раз в жизни Решид слушал симфонический оркестр. Обхватив руками колени, широко раскрыв глаза, смотрел он на спину дирижёра. Но видел не её. Перед ним плыли чёрные туманы, ревел ветер, кружилась колочий снег, мрачно грохотал гуп обвала. Человеческий крик... Взметнувшиеся руки... Страшная тишина. И из неё — солнечный день... Зелёная трава... И отец, так бодро взмахивающий косой, что хочется плакать от радости... Внезапно всё заслонило лицо матери, покрытое слезами... И снова наплывали ключья тумана.

Вдруг очарование музыки рухнуло. Маленькая коричневая собачонка пробралась между ногами больных, уселась посреди площадки, подняла вверх остренькую мордочку и пронзительно завывала. Её длинные уши болтались. Слезающиеся старушечьи глазки уныло смотрели в небо. Решид оглянулся, чтобы показать её Сергею Ивановичу, и

остолбенел: агронома не было. На его месте сидела Екатерина Николаевна и улыбалась мальчику.

— Тс... не мешай слушать, — предостерегающе прошептала она. — Сергей Иванович у Ахмата.

Решид отчаянно вскрикнул и пустился бежать. Девушка кинулась за ним. Больные, недовольные шумом, ворчали им вслед. Оскар, лежавший за кругом, подумал, что это продолжение недавней игры, и с весёлым лаем взбросил своё тяжёлое тело. Обогнав Решиду, он остановился у поворота в гордой позе победителя. К его удивлению, Решид за ним не побежал, а свернул к корпусу. Озадаченный Оскар, наморщив лоб и подняв одно ухо, растерянно посмотрел ему вслед; рассерженный назойливой блохой, с яростным рычанием несколько раз куснул хвост и потрусил за мальчиком.

Сзади всех, путаясь в юбках, бежала Екатерина Николаевна.

— Решид!.. Решид!.. Да подожди же!.. — кричала она. Решид остановился на крыльце, не смея открыть дверь. Оскар с удивлённым видом уселся напротив него.

«Ну-с, что же дальше?» — казалось, спрашивал он мальчика. Запыхавшаяся Екатерина Николаевна схватила Решиду за руку, точно боясь, что он опять убежит.

— Ну чего ты, глупый? Его к Ахмату позвали. Что ж тут страшного?

В первую минуту там, возле клуба, Решиду вдруг показалось, что товарищ Ахмата спрятался в палате, подстерёг Сергея Ивановича, вса-дил ему в спину кинжал... И Решид помчался на помощь кунаку. Теперь он смущённо молчал: вокруг всё было спокойно. Звенела музыка. Женщина в сером халатике вышивала, сидя под деревом. Из раскрытых окон не слышно ни станом, ни крика...

— Вот дурачок, — улынулась Екатерина Николаевна, — ну хочешь, мы его тут подождём?

Она подтащила Решиду к скамье.

— Расскажи мне, как вы там в горах живёте? У тебя есть братья? У твоего отца много овец? — Девушка засыпала Решиду вопросами, стараясь отвлечь его мысли от Сергея Ивановича.

Мальчик жалобно посмотрел на Екатерину Николаевну:

— Отец нету... Умер... — Внезапно он поперхнулся. Все волнения и обиды этих дней, вся боль последних месяцев хлынули из его глаз не удержимым потоком слёз.

Девушка растерялась.

— Ах я дура, дура... Ведь говорил Сергей Иванович!.. Ну, милый, ну, хороший, ну не надо плакать. Ну что ты хочешь,

чтоб я сделала? — она наклонилась, заглядывая Решиду в лицо.

— Скажи Маржан, что я живой, чтоб не плакала. Что Сергей меня учиться пошлёт.

— Ладно, скажу. Вот у меня скоро отпуск. Я поеду в твой аул. И всем от тебя поклон передам.

— Бессират не надо поклон. Бессират кричит, как ишак. А там один лошадей есть, маленький. Мой. Дядя его забирал! Скажи Айшет, пусть посмотрит за ним. Я, как вырасту, обратно его себе возьму.

— Екатерина Николаевна, Сергей Иванович вас зовут. Скорее идите! — Санитарка махала им с крыльца рукой.

— Меня?

— Ага. И его. К новому больному.

Сергей Иванович и Ахмат, улыбаясь, смотрели на вошедших.

— Ну, мы помирились, — объявил Сергей Иванович, беря с тумбочки стакан молока, — и для большей крепости решили побрататься.

— Жестом фокусника он опустил в стакан серебряный полтинник.

— Ничего не понимаю, — раскрыла глаза Екатерина Николаевна.

— Это старый обычай... правда, ингушский, а не чеченский: выпьем пополам стакан молока и сделаемся молочными братьями.

— Он мне как Гирбек будет, — пояснил больной.

— Мать Ахмата из Ингушетии, поэтому мы решили побрататься по-ингушски. У чеченцев другой обряд, но для нас он не удобен. Ахмат просил позвать вас свидетелями. Ну, начинаем! — Сергей Иванович торжественно поднял стакан.

— Подождите. Как же он из стакана пить будет? — кивнула девушка на лежащего.

— Да, в самом деле, — почесал затылок Сергей Иванович. — Тебе ж пошевелиться нельзя...

— Стойте, я сейчас! — Екатерина Николаевна выбежала из комнаты и через несколько минут вернулась, неся маленький чайничек. Молоко и осторожно влила поток молока в рот больного.

— Теперь он, — Ахмат повёл бровью в сторону Сергея Ивановича. Стоя у кровати, Решид переводил глаза с Ахмата на Сергея Ивановича и обратно. Он не удивлялся: «Серожа всё может. Когда я столько книжек прочитаю, я тоже такой умный буду».

Екатерина Николаевна забавлялась и лукаво улыбалась, поднося чайничек к губам Ахмата. Молоко расплели. Сергей Иванович пожал здоровую руку своего нового брата.

— Ну, отдыхай, спи. Ни о чём не беспокойся. Помни, что здесь во-круг тебя друзья.

Ахмат опустил веки.

Выйдя на крыльцо, Сергей Иванович схватил Решиду и принялся трепать его.

— Ну, я тебе говорил? А ты со мной спорил? Ты со мной спорил? — Подбросив вверх визжащего мальчика, он посадил его себе на плечо.

— Сергей Иванович, а всё-таки нехорошо: как будто вы поощряете старые предрассудки... — Екатерина Николаевна в раскаянии почёсывала переносицу.

— Глупости, Всё устроилось прекрасно. Решид, ты доволен?

— Да! — восторженно крикнул Решид, болтая в воздухе ногами.

— А ты, Оскар?

Гончак, услышав своё имя, весело запрыгал вокруг Сергея Ивановича.

— Ну вот. Массы на моей стороне. Разговаривать больше не о чем. Держись, Решид! Урра-а! — И он вприпрыжку бросился бежать с мальчиком на спине, отчаянно лающей Оскар мчался позади.

У дома их поджидал Мишка.

— Где энто вы пропадаете?.. А я даурскую танцевал!

— Ну? Расскажи-ка, — притворно изумился Сергей Иванович, опуская Решиду на землю.

Подошла Екатерина Николаевна. Они уселись на скамье. Мишка стоял, важно заложив руки в карманы.

— Вот тебе и ну! Сам распорядитель меня пригласил... Будь я последний человек, если вру. Как махнёт нагайкой на меня, а тётя Зина говорит: «Гля, тебя приглашают!» А я говорю: «Ды ну?» Да как скакну в круг. Как пошёл, как пошёл!.. Все аж рты разинули. Вон как сандали измарал, — с сожалением поглядел он на ноги, — потому — грязь... Где баранта ночует, тут и танцевали.

— Расскажи-ка лучше, как ты оскандалился! — крикнула Зинаида Евгеньевна из окна.

— И ничего не оскандалился, — обиделся Мишка, — а они сами чу-даки. Как швырнёт один денёги в грязь! Чес-слово. А энта девчонка, что со мной танцевала, будто и не видит: рукава распустила и прямо на бу-мажки прёт. Ну, ясно, стал я на карачки, прикрыл червонцы, а сам кричу: «Ты что, трын-дурьнда, ослепла?» А она — верть из круга. Все давай смеяться. А денёги вяжи и начальнику свадьбы — я сперва думал, что энто кассир, — отнесли. Я говорю: «Денёги нам бросили, зачем заби-раете?» А Таза говорит: «И ничего не вам, а энто он перед барышней

хващает, что богатый». Ну и совсем непонятно вышло, потому — бросает тысячу, а у его двадцать пять копеек на музыкантов берут, а тысячу назад отдают. Энтю и я могу на двадцать пять копеек нахвастаться... И все законы у их какие-то: взяли невесту да и засунули её за занавеску. А она стоит и по закону разговаривать не может. Я спервоначалу думал — немая... Чес-слово.

Глава одиннадцатая

ОТЪЕЗД

На рассвете Сергей Иванович вошёл в комнату мальчиков и шумно распахнул ставни.

— Вставайте. Машина сейчас идёт. Умывайтесь, ешьте и отправляйтесь.

— Я чистый! — кричал Мишка, выскакивая из-под одеяла. — Вчера купался.

— Мало ли что «вчера», ты бы ещё сказал: в прошлом году. А это что — спишь в платье?.. Фу, стыд какой.

— Чтоб скорее встать, — защищался Мишка. — Я вчера раздетый спал...

— Опять «вчера»?.. — сделал свирепые глаза Сергей Иванович. — Марш умываться сейчас же...

Решид и Мишка исчезли... Пофырвав под краном, уселись за пригтовленный Сергеем Ивановичем завтрак. Запихивая огромные куски в рот, Мишка болтал:

— А всё кто?.. Всё я. Если б не я, сидел бы Решидка на своей горе, так бы до смерти и машину не видал... Дядя Серёж, аж до самого Гудермеса поедем?

— До Гудермеса. А там шофёр возьмёт вам билеты. До самой колони ехать будете.

— Какие билеты?

— Как какие? Железнодорожные.

— Чтоб в поезде ехать?

— Ну да.

— Не... Это ты брось.

— Почему?

— Стыдно.

— Что-то?

— С билетами ехать стыдно. Все смотреть будут. Ещё чего-нибудь подумают. Ты Решидку в вагон посади, а я под вагоном... А деньги

за билет мне дай.

— Да что ж о тебе подумают?..

— Ну, что уташу что-нибудь... мало ли что... Пассажиры — одно слово.

Сергей Иванович подвёл Мишку к зеркалу:

— Посмотри-ка...

— О-о!.. А я и забыл, — Мишка с удовольствием разглядывал чистенького мальчика в стекле. — Вот так я!..

— Как в колонию приедете, — продолжал Сергей Иванович, — редадите заведующему это письмо. В нём я прошу вас принять. Он не откажет.

— Не-ет, дядя Серёжа. Я Решидку доведу, а сам в колонию ни-ни...

— Тебя никто не заставляет. Хочешь — пойдёшь, хочешь — нет. Советую посмотреть. Ты ж путешественник.

— Видал я...

— Такой не видел. Это особенная.

— Разные видал. Я, брат, сам из двух детских домов убёг... Ну, а может, посмотрю.

Во дворе завыл автомобильный гудок.

— Зовёт. Собирайтесь. Вот вам еда, возьмите с собой. Ну, прощайте.

— А Оскар? — всполошился Решид. — Оскар не прощался,

— Ничего, ничего. Скорей.

Решид, не слушая, побежал на галерею. Он присел на корточки возле гончака. Оскар нежно ухватил зубами его руку.

— Прощай, Оскар. Не случай, пожалуйста. Большой буду, приеду. Возьму тебя в свою саблю.

Оскар прислушивался к шёпоту Решида и тихонько повизгивал.

— Довольно вам лизаться, — налетел Мишка, — шофёр сердится.

Он потащил Решида на крыльцо. Оскар, весело лая, прыгал вокруг мальчиков.

— Адью, товарищ! — крикнул ему Мишка и впрыгнул в автомобиль. Сергей Иванович втолкнул Решида. Дверцу захлопнули. Мишка развалился.

— Как прынец Ольденбургский... Важно, дядя Серёжа!

Оскар бесновался, требуя, чтоб его взяли с собой.

— Прощай, друг! — кричал Решид.

На всю жизнь запомнилось это утро. Рыжий пёс, лающий на дверцу автомобиля. Шум заводимой машины. Пустынный двор. Дядя Серёжа, машущий на прощание рукой. Промелькнувшая мимо конюшня.

Ржание лошадей, крик осла. Сторож-чеченец, замерший у постешно раскрытых ворот...

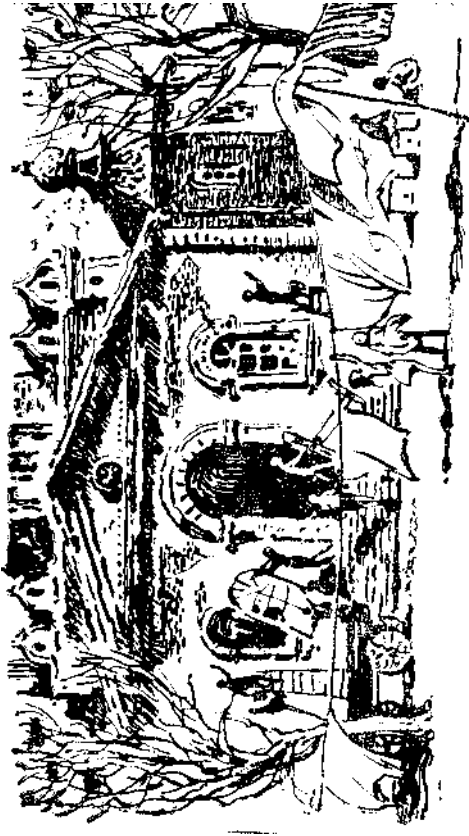
Автомобиль мчался среди росистых холмов. Мальчики подпрыгивали на мягких пружинах. На поворотах их швыряло в огромной машине, как в пустой коробке. Они хохотали, цепляясь за борта.

Солнце всходило. Длинные тени волочились от холмов и деревьев. Прощай, Чечня!

Часть вторая

НА УКРАИНЕ

Глава двенадцатая

В НОВУЮ ЖИЗНЬ

Старый монастырь полон весенней суматохи. Выставляют зимние рамы, проветривают, чистят, моют, скребут. Радостным смехом, шуточками, криками звенит воздух.

Колонисты в трусиках и в рубашках без рукавов снуют по двору: кто тащит ведро, тряпки, кисти, кто, взгромоздившись на высокие лестницы, белит стены, кто красит кровати, вскапывает клумбы.

— Эй, веселей! Поддай пару, хлопцы, — слышится то там, то здесь чей-нибудь возглас.

Ещё слегка обалделые от вагонной качки Решид и Мишка растерянно остановились среди этой суеты...

Вот так колония! Решида радовал весёлый рабочий азарт, кипевший вокруг.

— Наверно, белхи у них! — вполголоса объяснил он Мишке. Тот враждебно огляделся, шмыгнул носом и басом спросил у ближайшего колониста:

— Э!.. Как тут до заведующего дойти?

Колонист, красивый кровать, махнул кистью, не поднимая головы:

— Прямо, мимо церкви, в канцелярию.

— Гля, какой! И не смотрит... — обиделся Мишка. — Прынец Ольденбургский!.. Айда, Решид.

На могильных плитах вокруг церкви сидели девочки и, распевая песенно, штопали матрацы. Дальше стояли подводы. Ребята грузили на них блестящие свежей краской ульи. Покрывали подводы рогожами, стягивали верёвками. Черноглазый лукавый мальчишка распорядился. Он бросался на помощь туда, где работа не спорилась. Подвизывал, выпрямлял, поддерживал — то с ласковой руганью, то с весёлой шуткой.

И нигде ни одного воспитателя! Мишка, стараясь не показывать удивления, обратился к сидящим:

— Эй, девчонки, где тут канцелярия?

— А вон, видишь, дверь? Прямо по лестнице, во второй этаж. А вам чего надо?

— Ишь ты, ушлая, — важно усмехнулся Мишка, — так тебе всё и выложи. У меня дело с заведующим.

— Ну, и иди! — рассердилась девчонка. — Очень мне интересно твои дела знать! — И, вздёрнув нос, снова принялась за работу.

Мишка покраснел и насутился: воображает о себе очень много! Но только собрался выразить вслух своё мнение о ней, как затарахтел бабаан и звонкий голос прокричал:

— Под зна-мя встать! Смирн-но-о!

Девчонки вскочили. Мальчики у подвод выпрямились. У дверей стоял колонист в красной шапке дежурного. Торжественно отдавая честь, он отступил в сторону. С лестницы, вытянувшись в струну, спустился барабанщик, чётко выбивая дробь. За ним, в руках широкоплечего знаменосца, колыхалось алое знамя. Шестие замыкали два мальчика с винтовками. Сойдя с лестницы, все четверо застыли каменной группой.

У подвод и на могильных плитах возобновилась работа. Присмиревший Мишка и взволнованный Решид молча двинулись в канцелярию. Со ступенек навстречу им кубарем скатился кругленький малыш:

— Петька, скоро? Чего вы возитесь, как неживые?

— Проваливай, Канцелярская Крыса! — огрызнулся черноглазый.

— Не видишь, кончаем.

— Мне что!.. Владимир Александрович спрашивает.

— Ну и скажи: готово...

— А вам чего? — воззрился малыш на чужих.

— Нам? К заведующему пройтись.

— Да вон он сам идёт.

На крыльцо вышел невысокий очкастый человек в гимнастёрке.

— Ну как, хлопцы, можно двигаться?

— Готово! — крикнул Петька, закрепляя последнюю верёвку.

— Владимир Александрович, — пропищал малыш, — тут до вас

хлопцы.

Очкастый обернулся и внимательно оглядел Решид и Мишку.

- Шо надо?

Мишка достал из кепки письмо Сергея Ивановича.

- Вот я Решидку привёз.

Заведующий пробежал письмо. Решид и Мишка с волнением смотрели ему в лицо.

- Шо ж с вами делать? — очкастый медленно сложил письмо и снова развернул. — Сам я вас принять не могу, а в комиссии — только что звонил — председателя нет... Витька, — повернулся он к дежурному, — а ну, быстренько — сбор командиров. Летучий совет.

Витька сделал ладони рупорам:

 - Ша-по-ва-ло-ов!..
 - Есть! — на ходу кричал мальчик, обидевший Мишку тем что не посмотрел на него.
 - Сбор командиров.
 - Есть! — И, не останавливаясь, Шаповалов полетел по лестнице.

Сверху полились переливы пионерского горна. Со всех сторон, обтирая руки, бежали мальчики и девочки. Подошло несколько воспитателей. Вскоре возле крыльца собралось человек сорок.

— Вот что, ребята! Я получил письмо от нашего бывшего агронома. Может, кто помнит Сергея Ивановича?

 - Я помню.
 - И я!..
 - И я!..

— Ну, вот. Так слушайте, шо он пишет: «Дорогой Владимир Александрович, посылаю вам двух ребят, находчивость и присутствие духа которых спасли мне жизнь. Один из них чеченец и мой давнишний знакомый. Он сам расскажет вам свою историю. Зовут его Решид. Он проучился год в школе... Хочет учиться дальше. Его приятель, Мишка, безпризорный. Кажется, способный и бойкий парнишка. Он-то и натолкнул меня на мысль о вашей колонии, так как собирался «отдать учиться» Решид в какой-нибудь детдом. Ребята совершенно бесприютны. Ничего не могу придумать для них лучше вашей колонии. Уверен, что они там не только приобретут знания, необходимые для жизни, но и станут закалёнными и честными работниками, которые так нужны нашей стране. Что касается меня...» Ну, и так далее. Здесь он о себе пишет. Так вот. Что вы скажете? Сам я их принять не могу. В комиссии сейчас председателя нет. Ждать нам некогда, надо заказ сдавать, — он кивнул на подводы. — Решайте вы, что с кавказцами делать.

Совет командиров имеет право принять без комиссии. Ну?

- Да чего там долго думать, — крикнул Петька, — принять, да и всё!
- Неужто ж мы их на улицу выбросим? — отозвалась толстощёкая девочка. — Довольно стыдно нам было бы.
- Нехай расскажут, як воны агронома спасали! — пропищал из-за её спины малыш.
- Молчи, Шурка, тут дело, а он...
- Принять, да и всё. Чего валандаться. Владимир Александрович взглянул на часы:
- Правильно. Времени у нас мало. Голосую. Кто за то, чтобы принять, — руки вверх.

Поднятые руки замерли в воздухе.

- Единогласно. Ладно. В какой отряд?
- До менэ! — завопил Шурка.
- Куда их к Шурке? Ко мне. Они большие. Что ты, Шурка, сдурел, что ли?
- Та воны на Капказе, мабуть¹, слабые, до нашей праці², мабуть, непривычные, — защищался Шурка.

Мишка, ещё в вагоне твёрдо решивший, что, если и останется в колонии, работать ни за что не будет, вдруг разобиделся:

- «Слабые»!.. Гля, Решидка!.. Да мы, чего хочешь, всё можем из-делать.

- По-моему, их в отряд Посуныко, — дёрнула косичкой толстощёкая, — потому что у него в отряде специальности нет. А там присмотряся, — может, в какой мастерской захотят работать.
- Правильно, Марусенька. Не протестуете, ребята? — кивнул Владимир Александрович.
- Нет!
- А ты, Посуныко?
- А меня шо? Нехай...
- Сейчас какую работу им дашь?
- А Хведьке на грядки пидсыплю.
- Ладно. Совет окончен, хлопцы. Алексеев и Посуныко, расскажите ребятам о нашем устройстве... отрядах там и прочее... Ну, можно двигаться, Петька?
- Можно.
- Под знамя встать! Смирно-о! — крикнул дежурный.

¹ Мабуть — может быть (Украинск.).

² Праця — работа

Опять затарахтел барабан и алое полотнище проплыло мимо могил. Подводы тронулись.

И вдруг двор старого монастыря грохнул неудержимым «ура». Колокольнисты, блестя глазами, махали шапками вслед подводам. Торжественно-еще «ура» ширилось, росло, гулким эхом докатилось до колоколов угрюмой церкви.

— Перший заказ у цього році¹, — возбуждённо оглянулся Посунышко на Мишку и Решидка. — Ось² Алексеев. Це³ секретарь рады⁴ командиров... Як ваши призвища?

— Какие призвища?

— Ну, хвамыльи?

— Михаил Капралов. Решидка, а твоя фамилия как?

— Юсулов.

— Алексеев, запиши их. Та расскажи, а то воны нашей мовы⁵ ни розумиють.

— Айдате в совет, — заложив руки в карманы, Алексеев пошёл между мальчиками. — Вот что, долго я вам растабарывать не буду, сами увидите, как мы живём. Главное — у нас все ребята разбиты на отряды и каждый отряд выбирает себе командира. У вас командиром будет Посунышко. Вы будете обедать, спать, одежду получать и всё другое у него в отряде. А работать будете в другом отряде у Федьки... Что командир скажет, должны делать...

— Ловко! — вздёрнул нос Мишка. — А если он мне скажет сапоги с него сымать?

— У нас так не бывает. А если б случилось, подобный гад в два счёта вылетел бы из колонии.

— Посмотрим, — многообещающе пробормотал Мишка.

Глава тринадцатая

МИШКА ПРОШТРАФИЛСЯ

— Тру-туру-туру-ру!.. — сигнал на обед.

Со всех сторон с лопатами, с кирками, граблями, ведрами бегут пылённые, потные колонисты. Спешат сдать инструменты, чтобы успеть вымыться к обеду.

В столовой отряды садятся отдельно. Командиры, получив хлеб, режут его каждый на свой отряд. Мишка, с нетерпением

¹ У цього році — в этом году (украинск.).

² Ось — вот (украинск.).

³ Це — это (украинск.).

⁴ Рада — совет (украинск.).

⁵ Мова — язык, речь (украинск.).

ожидавая своей порции, внимательными глазами следит за руками Посунышко.

Решид, благоприсойно опустив ресницы, ничем не выдаёт испытываемого голода. По чеченскому обычаю, он сел за стол в шапке.

— Эй!.. Чеп!.. — крикнул дежурный колонист.

Решид не двинулся. Он не понял, что крик относится к нему.

— Скинь челу! — Недолго думая, сосед сбил шапку с головы Решидки и перебросил её другому мальчику.

— Закон не велит!.. — метнулся Решид за шапкой. Но она уже пошла, как мяч, гулять из рук в руки. Решид бегал вокруг стола. Ребята хохотали. Командир сердился, но его не слушали. Разозлённый Мишка выхватил шапку из рук хохотавшего во всё горло мальчишки.

— Отдай, бандит!

— Сам бандит, — рассердился колонист и толкнул Мишку. В ответ Мишка треснул его ложкой по голове. Деревянная ложка сломалась. Мальчишка вскочил, сжав кулаки. Мишка воинственно потрясал обломками ложки.

— А ну, тронь... У его чеченский закон, и никакой чёрт не имеет права с его шапку сымать.

— Девтоног, сидай!.. — крикнул Посунышко. — Як ты там... Капралов! Сидай на мисто. Хлопцы, як же вам не стыдно: вин чужой. Може, у его правда — закон...

— Григорий Николаич, а чи правда е таки законы? — пролищал у окна Шурка.

— У восточных народов не принято снимать шапку во время еды. Однако, — воспитатель ласково положил руку на плечо дрожащего от обиды Решидки, — придётся тебе от этого обычая отказаться. Ну, сидись, ешь. Вон какой сегодня суп хороший. А вам, ребята, — обернулся он к остальным, — стыдно так вести себя с новыми товарищами. Не знаю, как я об этом случае расскажу Владимиру Александровичу... — Не слушая возражений, он ушёл в другой конец столовой.

Мишке дали новую ложку. Он хлебал суп, очень довольный, что сразу показал себя храбрым парнем, которому палец в рот не клади. Решид же, наоборот, был мрачен. Его волновало сомнение — не сочтут ли его трусом.

Посунышко два раза взглянул на него, потом крикнул через стол:

— Плюнь, Юсулов, йишь. А то голодному важко¹ буде работы, йишь.

¹ Важко — тяжело (украинск.).

Решид поднял на Посуныко глаза и, оправдываясь, ткнул пальцем в сторону соседа:

— Он дурак, потому я не бил.

Ребята захохотали:

— Вот это отбрил!..

— Bravo!..

— Что, Лёнька, слёкса? — насмешливо спросил Алексеев.

— Ну, ну, ты не очень, — буркнул Лёнька, примирительно ткнув Решида в бок.

Решид удовлетворённо покосился на него и принялся торопливо хлебать суп.

После обеда снова пошли копать клумбы. Мишка утратил интерес к работе. Было жарко, лопата сделалась какой-то тяжёлой... Хотелось после сытного обеда поваляться где-нибудь под деревом. «Везде по детским домам мёртвый час бывает», — подумал Мишка и, решительно отбросив лопату, уселся на землю и закурил.

Колонист, копавший рядом с Мишкой, ласково обратился к нему:

— Заморылся? Ну, ничего, скоро уси посадаемо, а зараз станова, бери лопату.

— Ну и посадите. А я сам по себе, — отрезал Мишка, — не приставай. Я, может, и вовсе не хочу с вами работать. — И он продолжал сидеть, сосредоточенно курая, сплёвывая жёлтую махорочную слюну, целясь в камень, лежавший за десять шагов, обдумывая, что лучше — бежать или остаться.

«Доплуну до того камня, — решил он, — останусь, не доплуну — убежу».

Воспитательница, помощница дежурного, делала обход. Она осталась над Мишкой и несколько минут следила за ним. Наконец не вытерпела:

— Ты что ж сидишь? Другие работают, а ты плюёшься? Мишка пренебрежительно окосил на неё глаз:

— Отдыхаю.

— У нас все вместе отдыхают. А то знаешь, так всякий рад увильнуть: он будет отдыхать, а другие за него работать. Ловко, брат, придумано.

— Отстань, тётка, иди себе, куда шла. Я не ишак, чтоб работать без отдыха.

— Это новенький, — сказал подошедший Федька. — За обедом развоевался, не остыл ещё хлопчик.

Воспитательница ничего не ответила. Казалось, она перестала замечать Мишкино присутствие.

— У тебя все на работе?

— Все, Нина Викторовна. Который час? Три? Значит, отдыхать пора. Садись, ребята, — крикнул он товарищам.

Воспитательница ушла, а Федька плюхнулся рядом с Мишкой.

— У нас так с воспитателями не разговаривают. У нас воспитатель товарищем считается.

— Гусь свинье не товарищ, — отрезал Мишка.

— Ты язык не распускай, а лучше подумай, что она правду сказала: если ты сидишь, когда другие работают, значит, ты на их шее сидишь.

— Если сижу — значит хочу. Я вам не наннимался работать.

— Каму это «нам»? А ты что: в другом государстве живёшь, что ли? Смотри-ка иностранец какой выискался!.. Придётся мне тебя в рапорте отметить.

— Ну и отмей! — фыркнул Мишка. — Рапорт ещё какой-то

выдумал... Подумаешь! — и, презрительно сплюнув, отошёл к Решиду.

— Знаешь, — зашептал он, присаживаясь возле друга, — Ты оставаясь, а я убежу. Не нравится мне эта колония. Командиров каких-то нахально выдумали... Каждый тебе приказывать будет. Сегодня как пошаману вечером, так и смоюсь.

У Решиды задрожали губы.

— Как смоюсь? Зачем так? Скажи, пожалуйста...

— Я ж тебе говорю: не нравится. Сбегу — и всё!

— Не беги. Который толкал... он не злой, он глупый. Можно его бить... Не беги, пожалуйста. — Решид обхватил рукой Мишкину шею.

Даже в самых любящих чеченских семьях нежности считаются дурным тоном. И ласка вышла неловкой: кепка съехала Мишке на нос и локоть Решиды больно прижал ухо.

— Ну, посмотрим, — сказал Мишка, нетерпеливо освобождаясь от его объятий. Однако на душе сделалось повеселее.

Становиться на работу после ссоры не хотелось. Посвистывая, он бродил вокруг согнувшихся над лопатами ребят. На него не обращали внимания, и это злило. Хотелось схватить лопату, глубоко вонзить её в землю, показать, как надо работать. Но крепился. Боялся, что ребята статут над ним смеяться.

Глава четырнадцатая

КОНЕЦ ПЕРВОГО ДНЯ

Отдых. На площадке перед церковью играют в футбол. Вокруг на скамьях зрители — ребята и воспитатели. На каждый удачный удар — гром аплодисментов. На турнике и параллельных брусьях колонисты выделывают головокружительные штуки. На призовой мачте раскачивается Канцелярская Крыса, с высоты птичьего полёта наблюдая веселые товарищей по колонии.

— Ребята! — закричала с крыльца Нина Викторовна. — Иду против двоих партию в шахматы.

— Есть! — ответил один из старших.

— Идёт! — поддержал другой. — Разделаем же мы вас! — Голл.. Голл.. Ура!.. — вопили футболисты.

Публика неистово аплодировала.

— Валяй вторую!.. Живо!.. — Ванька голкипер!..

— Не теряйте даром времени!.. До темноты ещё одну партию!..

Но сыграть не удалось. В разговор и смех отдыхающего двора внезапно врзался переливчатый сигнал горна.

— Хлопцы, вали на собрание!.. — крикнул, пробегая, Посуныко. Вслед за другими вошли в клуб и Мишка с Решидом.

Театральный зал орал, гудел, неистовствовал. Ребята кричали в честираста глоток. Порой из общего шума выделялись отдельные голоса:

— Куда носом влип?..

— А если у него нос как руль?..

— Витька, чёрт, чего на ногу сел!

— А ты чего сама лезешь, а ногу сзади оставляешь? Высокая девочка, взгромоздившись на скамью, грозит кому-то кулаком через весь зал:

— Сенька-а, вот тебе сегодня будет!

— Не беспокойся!.. И ты своё получишь...

Она раскрывает рот и вдруг с испуганным видом, взмахнув руками, исчезает, сдёрнутая со скамьи за ноги.

Зал быстро наполняется. Все наперегонки стараются занять передние скамьи. Мишку удивляло, что воспитатели сидят между ребятами, шутят и как будто не замечают неистового крика и беспорядка.

— Чудаки какие-то, — решил Мишка. — Ну и собрание!.. Решид, пораженный кутерьмой, не заметил, как Владимир Александрович прошёл через зал. Он увидел его уже у стола, там, далеко впереди, возле самой сцены.

Владимир Александрович остановился и повернулся лицом к ребятам. Мгновенно наступила мёртвая тишина, точно кто-нибудь отрезал шум или захлопнулась дверь. Решид ахнул. И даже Мишка изумлённо прошептал:

— Вот это фокус!..

Владимир Александрович снял фуражку. Все головы обнажились. Подчиняясь общему движению, и Мишка с Решидом сняли кепки.

— Считаю собрание открытым, — проговорил Владимир Александрович. — Рапорта командиров. Первый, огородников.

— Есть! — прокричал командир откуда-то сзади. — Всё хорошо.

— Второй, огородников.

— Есть! Всё благополучно.

— Первый, садовников.

— Всё отлично, — поднялся Федька, — только Михаил Капралов самовольно бросил работу.

Федька слово в слово повторил разговор Мишки с ним и с воспитательницей.

Мишка был поражён. Он не предполагал, что Федька приведёт в исполнение угрозу о рапорте. «Я ему, гаду, морду на бью, —

- зло подумал он. — Не посмотрю, что командир... Ябедник паршивый!»
- Капралов! — нахмурился Владимир Александрович.
 - Ну? — нехотя поднялся Мишка.
 - Так ты считаешь, что работают только ишаки? Мишка, насупившись, молчал.
 - Человек работает не только на себя, на свой дом, на своё государство, но и для будущего, которого он, быть может, никогда не увидит. Я не требую, чтобы ты работал ради такой высокой цели. Но вот колония... Это ведь твой дом. Работая для колонии, ты же для себя работаешь. Как ты думаешь, откуда у нас футбол, бутсы, карманные деньги? Откуда праздничные обеды с курами и мороженым? Всё это мы сами себе заработали. Или ты воображаешь, что работаешь на Наркомпрос?..
- Ребята зафыркали. Решид впился глазами в лицо заведующего, стараясь угадать то, чего не понимал.
- Мы никого не эксплуатируем. Не хочешь работать? Не надо! Мы достаточно богаты и можем просодержать одного трутня. Поэтому, — повернулся он к Алексеву, — завтракать и обедать Капралов будет со всеми, но на работу его не принимать ни в коем случае. Пусть делает, что хочет: хочет — гуляет, хочет — лежит. В спальни днём вход запрещён. Можете поставить ему кровать во дворе, ну хоть возле клуба.

Кто-то насмешиво крикнул:

 - Нехай трошки отдохнёт!..
 - Солнечные ванны пусть принимает!..
 - Дачник!.. — захохотали ребята.

Мишка покраснел от гнева. Если бы ему недавно ещё сказали, что его накажут тем, что заставят гулять, лежать и при этом будут кормить, он бы расхохотался и сказал, что готов круглый год нести такое наказание. Но теперь при смехе ребят почувствовал, что обиднее и противнее ничего быть не может.

 - Убежу, — прошептал он Решиду, — что я им на смех дался?
 - Ни беги, — испуганно прижался к нему Решид. Мишка мрачно оглянулся. «Чудак Решид: сейчас всё равно не убежишь — ишь, ребят какая уйма, не протолкнёшься к дверям...» Он вздохнул и понурился.
 - Седьмой, экономки.
 - Есть! — поднялась Маруся. — Всё хорошо, только Сенька плеснул на Тамару супом.
 - Какой Сенька?
 - Чеботарёв.
 - Чеботарёв, зачем ты плеснул на Тамару супом?
 - Она первая на меня плеснула.

- И ничего подобного, — вскочила Тамара, — я дежурила по столовой, а он говорит: «В супу муха». Я стала брать, а он мне в лицо прымо и плеснул.
 - Можно мне? — прокричал один из мальчиков. — И всё она врёт, Владимир Александрович. Я был свидетель этому делу. Он говорит: «Муха». А она говорит: «Ишь, барин, не может муху вынуть». Взяла, ложку и тресь его по морде.
 - Тамара, так это было?
 - Так я его ложкой чуть-чуть, а он мне всё платье облил.
 - Да!.. «Чуть-чуть»!.. Прямо в глаза... И потом, что это за фасон, чтобы суп с мухами варить? — оправдывался Чеботарёв.
 - Ну, это вопрос другой, — сказал Владимир Александрович. — Всегда может такая случайность быть. Но это не причина, чтобы суп выплёскивать на дежурного по столовой. Как же мы накажем его?
 - Нехай он помогает ей дежурить!
 - Есть, — сказал Владимир Александрович, — запиши, Алексеев.
 - Ага, слопал! — торжествовала Тамара.
 - А Тамару, я считаю, на завтра без ложки оставить. Она ложку как оружие употребляет, а оружия колонистам не полагаются... Как вы, хлопцы, думаете?
 - Правильно!
 - Как же я без ложки буду суп есть?
 - Не знаю, — пожал плечами Владимир Александрович, — я многого не знаю. Я, например, всегда считал, что ложкой едят, а теперь узнаю, что ею дерутся...
- Ребята посмеивались.
- Владимир Александрович... — взмолилась Тамара.
 - Молчи!.. — закричали ребята. — Как драться — так это ты ушла, а от наказания отлыниваешь!..
- Владимир Александрович пожал плечами:
- Собрание постановило. Ничего не могу сделать. Четвёртый, свинаярей.
 - Всё гарно.
 - Пятый, конюхов.
 - Хорошо.
- Мишка задумался. Он понимал, что и ему не избежать рапорта о ложке. И почувствовал, что, если ещё раз подымут его на смех ребята, он не вынесет: тут же вскочит, поколотит соседа, обругает Владимира Александровича и убежит. «Без ложки есть... как собаке хлебать из миски, что ли?..» Он ещё не знал, что в колонии стараются не повторять одно и то же наказание.
- Рапорты шли своим чередом: всё хорошо, благополучно, отлично,

докладывали командиры. Последним поднялся дежурный воспитанник:
— День прошёл хорошо. Только Шурка без разрешения дежурства убежал в лавочку за шоколадом.

— Какой Шурка? — Владимир Александрович сделал вид, что не понимает.

— Доброродный.

— Командир? — притворно удивился заведующий.

— Да.

— Вот так-так!.. Шурка, як же це ты?

— Та я на одну хвильночку¹... — пропищал Шурка.

— На хвильночку?.. Вас четверста да нас, воспитателей и хозяйственников, двадцать пять. Кто ж у нас работы буде, колы мы уси «на хвильночку» разбежимось кто куды? Та хорошо ще, колы знатому. А то просто нема и нема. Мы потому и просим отпуск — вы у дежурного, а я у вас, чтобы каждую минуту знать, кого где найти. А ты командир. Пример должен подавать. Теперь не у дежурного отпуск будешь брать, а у меня. Ещѐ что?

Мишка ждал с замирающим сердцем: вот сейчас про него... Решид заразился его волнением и сидел ни жив ни мёртв.

— Капралов за обедом ложку сломал... — И дежурный рассказал, как было дело.

Мишка слушал, сцепив зубы. Он видел, что ребята, не злясь, весело принимают наказания. Но переносимо было думать, что сейчас опять над ним захохочут колонисты.

— Капралов!

— А? — поднялся Мишка.

— Говори «есть!» — крикнули сзади.

Владимир Александрович мягко посмотрел на побледневшего Мишку.

— Это правильно тебе ребята говорят. Не думай, что я выдумал это словечко. Это сами ребята придумали отвечать «есть», чтобы показать, что мы, как моряки: всё точно и быстро делаем. Так как же, Миша, а?.. Ты слышал, что ложка не оружие?..

— Слышал, — потупился от неожиданно ласкового голоса Мишка. Он засопел, боясь, что разревется при всех.

Владимир Александрович сделал вид, что не замечает его расстроенного лица, и обратился к собранию:

— Он, хлопцы, герой. Они с Решидом спасли жизнь Сергею Ивановичу, нашему бывшему агроному. Расскажи нам, как было дело. И мне интересно послушать.

¹ Хвильночка — минутка (украинск.).

— Да чего там трепаться, — смутился Мишка.
— Ну, Юсупов нам расскажет. Решид, ну-ка...

— Мы ходили на Горячеводский. Дядя и Ахмат очень сердились на Серожу, потому — он всё против аллаха. Резиду учил на Гаирбека жаловаться. А Гаирбек Ахмату брат. Ахмат хотел стрелить агроном. Агроном гулял баришна. Ахмат за куст ружьё заряжал, Мишка увидал. Ка-ак головой в живот Ахмату. Ахмат покотился, ружьё покотился, агроном бежал, баришна бежал, Мишка бежал — караул кричал...

— И Решидка кричал... И бежали оба. А Решидка под ружьё поддал энтому, ружьё на воздух и палнуло. Едва добегли до санатории, — побегил увлечённый воспоминаниями Мишка. — Бежу, а сим думаю: «Вот в спину вдрызнет, гадюка, так и околеешь ни за что».

— Слышали? — обратился к собранию заведующий. — Не побоялись пули, чтобы спасти жизнь Сергею Ивановичу. Решид — его друг. А ты, Капралов, знал его раньше?

— Не...

— Видите, за чужого вступился. Как же ему было не защищать своего товарища, когда вы, как дикари, на новенького накиннулись? Стыдно, хлопцы. Я считаю весь отряд Посуныко виноватым, а команди-ра больше всего. Посуныко отвечает за дисциплину в отряде. По-моему, весь отряд в воскресенье без отпуска. А?

— Дядька!.. Не надо!.. — заорал Мишка. Сперва ему было приятно, что заведующий ругает ребят за них с Решидкой, но, услышав о наказании, он растерялся...

— Так ты нас прощаешь? — серьёзно спросил заведующий. Мишка покраснел и пробурчал себе под нос:

— Я сам виноватый...

— Правильно, — кивнул Владимир Александрович, — ты виноват. Но и мы тоже виноваты. Ты сердисься на колонию?

— Н-нет...

— А мы, хлопцы, сердимся на Мишку?

— Нет! — зычно проорали четвереста глоток.

— Не будем наказывать за драку в столовой?

— Не будем!.. — откликнулся зал.

— Ну ладно. Я согласен, раз вы так решили. Только впредь не ломайте ложек. Равняйся по Решиду. Решид же сумел сдержаться. Слышишь?

— Ага... слышу... — взволнованно пробормотал Мишка. Сердце у него билось, и он внезапно понял, что ни за что не уйдѐт из колонии, гнать будут — не уйдѐт. «Да разве отсюда прогонят? Ведь все ребята вокруг, и воспитатели, и заведующий — все, как одно...»

Мишка почувствовал колонию своим домом.

— А полежать завтра всё-таки полежи, — весело сказал Владимир Александрович, — и когда будешь лежать, подумай о том, что колония — маленькая частичка Советского Союза и работаем мы здесь не только на себя. Подумай, стоит ли это твоего труда, а потом приходи ко мне и скажи, как решишь.

Мишке не надо было думать. Он уже решил, что трудиться для такого дела стоит... только вслух стеснялся об этом сказать. Собрание окончено.

Из распахнувшихся дверей клуба в тишину тёмного двора вместе со светом ворвалась буйная ватага колонистов. Ночь зазвенела криками и смехом.

«Тру-ру-ру, тру-ру-ру», — надывается горн. Хор подхватывает:

Спать пора, спать пора, ко-ло-ни-сты,

День закончен, день закончен трудовой.

Завтра встань, завтра встань утром чи-стым.

За-а работу со здоровой головой!

В тени церковной паперти Решвд тревожно хватает Мишку за руку:

— Ни побежишь? Скажи, пожалуйста.

— Эй, де вы там?... Як вас... Юсулов! Капралов! — раздаётся впереди голос Посуныко.

Мишка тихоноcko смеётся и тыкает Решиду в бок:

— Ну и трын-дурнда... — и, задрвав голову, весело орёт в темноту: — Э-эй!.. Посуныко-о!.. Вот они — мы!.. Есть!

Глава пятнадцатая

ВОИНСТВУЮЩИЕ БЕЗБОЖНИКИ

Желая хоть немного ещё удержаться сон, Мишка жмурится и зарывается носом в подушку. Но не тут-то было! Рядом ударяют кулаком по постели: «У, сатана!» — и Мишка окончательно просыпается.

— Как на зло: в воскресенье можно спать и спать, а вот будто тебя кто-то в бок толкает, — жалуетесь рядом Жевтоног.

Воскресенье!.. День отдыха!.. Самый скучный день в колонии. Длинный, кажется, никогда до конца не доберётся. Мишка знает, что это такое: он уже третье воскресенье в колонии. Зевая, он поворачивается к Решиду, чтобы условиться насчёт сегодняшнего временипровождения... Кровать Решиды аккуратно застлана и пуста... «Опять удрал с конохами!»

— Федь-ка-а!.. — на всю спальню кричит кто-то из ярых футболистов. — Сегодня в посёлке матч!..

— Даёшы!..

В крикунов летит несколько подушек. В спальне поднимается ку-терьяма. Мишка приводит в порядок постель и бежит умываться.

Самое тяжёлое время до завтрака: «тихий» клуб заперт, в лес или на речку идти нет смысла. Решид сбежал. От скуки Мишка бредёт на спортивную площадку.

Обезьянье племя малышей завладело площадкой. Они прыгают, лают, подтягиваются, кувыркаются, падают и так пронзительно визжат, словно от силы крика зависит их жизнь.

Мишка не прочь вмешаться в весёлую возню, но... в тринадцать лет неудобно кувыркаться с маленькими. «Да ещё вон сидит эта рыжая дылда Михельсон».

Мишка, равнодушно посовистывая, минует площадку и садится рядом с рыжиком.

— Я вот думаю, — как бы про себя говорит Михельсон, — сколько они энергии тратят даром?... Если бы к ним, например, приделать приводные ремни, а ремни провесь к колёсам, а колёса чтобы двигали... ну хоть крупорушку?... Что бы получилось?..

Мишка, разинув рот, смотрит на Михельсона: недаром говорят, что он учёный!..

Рыжий несколько минут глубокомысленно созерцает малышей и с сожалением вздыхает:

— Пожалуй, ничего бы не получилось... Чересчур беспорядочные движения... А жаль.

«Вот бы подружиться с ним назло Решиду, — думает Мишка, — чтоб узнал, как от товарища к пошадям бегать...»

— Но вообще, — важно заключает Михельсон, — энергию этих пацанов следовало бы использовать для каких-нибудь разумных целей. — Внезапно он обрушивается на Мишку с новым затруднительным вопросом: — Ты любишь физику и химию?

— Л-люблю... — неуверенно отвечает Мишка. Он не совсем ясно представляет себе, что это такое. В памяти возникает вывеска «Химическая чистка и красильня»... И он смело добавляет: — Особенно химию.

— Вот! — Михельсон укоризненно обращается к кому-то невидимому: — В СССР даже беспризорные любят химию... А мой папахан, так называемый интеллигент, а... — он безнадежно махнул рукой. — Сам же меня в Палестину выписал и сам же обратно отослал! Ты, говорит, про-дукт советского воспитания, с тобой невозможно жить. И всё из-за химии!.. Ну и разница политических убеждений, конечно.

Он раздражён швырнул окурок на чисто выметенную площадку.

— Михельсон! Опять сорить?... Что за безобразие! — неизвестно откуда взявшийся Чеботарёв вытаскивает блокнот. Он недавно назначен комендантом и особенно рьяно относится к новым своим обязанностям. — Я тебя в рапорт занесу. Не беспокойся!..

Михельсон с видом жертвы вздыхает:

— Шагу нельзя ступить!.. Не жизнь, а сплошное насилие!

Завтрак проходит быстро. Все торопятся и, едва покончив с едой, устремляются к речке, в город, в село, в лес... Колония пустеет.

— Мишка, пожалуйста, пойдём писать Сероже, — приглашает Решид.

— Некогда мне, — сухо отвечает Мишка, — я с Михельсоном буду химию делать. Он меня звал.

Опечаленный Решид уходит, и Мишке сразу делается скучно. «Вот дурак!.. И чего я ему про Михельсона наврал? — укоряет себя Мишка. — Чего ж теперь делать? В лес закатиться, что ли?...»

Он выходит во двор и останавливается, поражённый необычайным зрелищем.

Окованные железом монастырские ворота распахнуты настежь. Под их тяжёлыми сводами одна за другой вскачь несутся телеги. Ленты, банты, цветы, яркие юбки. Розовые, жёлтые, красные платки... Песни, гармошка. Телега подкатывает к церкви. На землю соскакивает девушка в пёстром венке, белой фате, бархатной корсетке и красных сапожках.

Мишка радостно вскрикивает и устремляется к церкви.

Посунько в красной шайке дежурного бросается ему наперерез:

— Куды?!..

— Свадьба!

— Ну и шо? От дурень!.. Воны нам курей давлють своими свадьбами та похоронами. Курей надо загонять, а ты до их у гости побижав. Та ще в цию халабуду? — Он пренебрежительно тычет в расползшуюся посреди колонийского двора церковь.

Мишка возмущён:

— Курей давют? Ну, положим!.. Их можно живо отсюда наладить!

— От то ж, шо не можно, — многозначительно говорит Посунько.

К ним присоединяется несколько человек. Церковь — волнующая тема.

— Селяне за церкву горой! — вздыхает Жевтоног.

— Тут пропаганду нужно, — поучает Кац. — А ты, дурной, сам к ним бежать хотел. Вот бы попы обрадовались!..

— Ось у нас був Кандыба, — начал Посунько, но в это время откуда-то вывернулась Канцелярская Крыса:

— Посунько, Сморчок звэ!

— Есты!.. — и дежурный убежал.

— А кто это Кандыба? Расскажите, — просит Мишка.

— Кандыба? — Кац пожимает плечами. — Хлопец. Был командиром пожарной дружины. Шикарный человек!

— А что ж с ним стало?

— Ничего не стало. Учится в институте физкультуры. Скоро на каникулы приедет.

— А что он сделал?— пристаёт Мишка. — Причём тут церковь?..

Кацу, командиру хозяйственников, уйти из колонии нельзя: весь отряд отпущен. Но и делать сейчас нечего. Он не прочь скоротать время в болтовне. И он важно начинает:

— Нам что нужно? Нам нужно, чтоб селяне сами поняли, что религия — опиум. И в то же время у нас с селом...

— Да ты про Кандыбу!..

— ...должна быть мирная политика, — заканчивает Кац. — Я ж про него и говорю. В прошлом году загорелась хата. Они похватали иконы и стоят.

— Кто?

— Та селяне ж! А наши видят: дым. Сейчас — бочку, шланг, на коней — и туда! А Кандыба, пока они запрягали, раньше прибежал и — раз в огонь!.. Два — в огоны!.. Вытащил старика и поросёнка.

— А селяне?

— А селяне стоят с иконами, глазами хлопают. Ну, наши прискакали, конечно, залили огонь. Вот все сознательные на селе и задумались: «Старика и поросёнка, небось, не Никола-угодник вытащил, а Кандыба!.. Огонь залила не мать-троеручница, а колониисты!» Вот это называется антирелигиозная пропаганда.

— Ну и теперь можно что-нибудь такое... пропагандное! — сказал Мишка, распалаясь желанием совершить подвиг.

Колониисты прозвали Георгия Петровича Сморчком не со зла. Уж очень у него было сморщенное маленькое личико и голова лысенная, в каких-то колдобинках.

Появившись в колонии, он в первый же вечер начал сколачивать

хор. Запел сам и таким звонким тенором, что ребята ахнули: «Смотри-ка, сморчок-сморчком, а поёт как граммофон!» С тех пор и осталось за Георгием Петровичем прозвище Сморчок. Колонисты уважали вокальные дарования Георгия Петровича, гордились хором, который он создавал, и добродушно посмеивались над его восторженной доверчивостью. Посмеивались, но оберегали Георгия Петровича. Считалось большой подлостью напалить в дежурство Георгия Петровича. Именно потому, что его так легко обмануть.

Дежурный воспитатель должен отмечать в дневнике и шалости ребят и факты, показывающие, что бывший правонарушитель становится здоровым членом коллектива. В этот день Георгий Петрович занёс в свой блокнот необычайное поведение Капралова. Мишка, всегда льющийся к старшим, целый день провёл с малышами. Он устроил для них из тряпок мяч и даже снизошёл до игры в футбол. Ходил с командой Шурки Добродного купаться. Рассказывал им сказки...

Но самое замечательное произошло после обеда.

Едва только усталый Георгий Петрович расположился под липой покурить, как его атаковали малыши:

— Егорий Петрович, расскажите!..

— Егорий Петрович!..

— Про религию!..

— Егорий Петрович!..

— Кыш, кыш! — замахал на них руками Сморчок. — Тише!..

— Цыть, ребята! — scomандовал Мишка. Он выступил вперёд, стараясь говорить как можно солиднее: — Егорий Петрович, ребята даром теряют энергию, надо их занять разумным. Они просят что-нибудь пропагандное про религию. Комсомольцам, небось, рассказываете!

Георгий Петрович — активный безбожник — обрадованно заулыбался:

— Садись, ребята, садись. Что же вас интересует?

— Шо-небудь с самого начала, — пропищал Шурка.

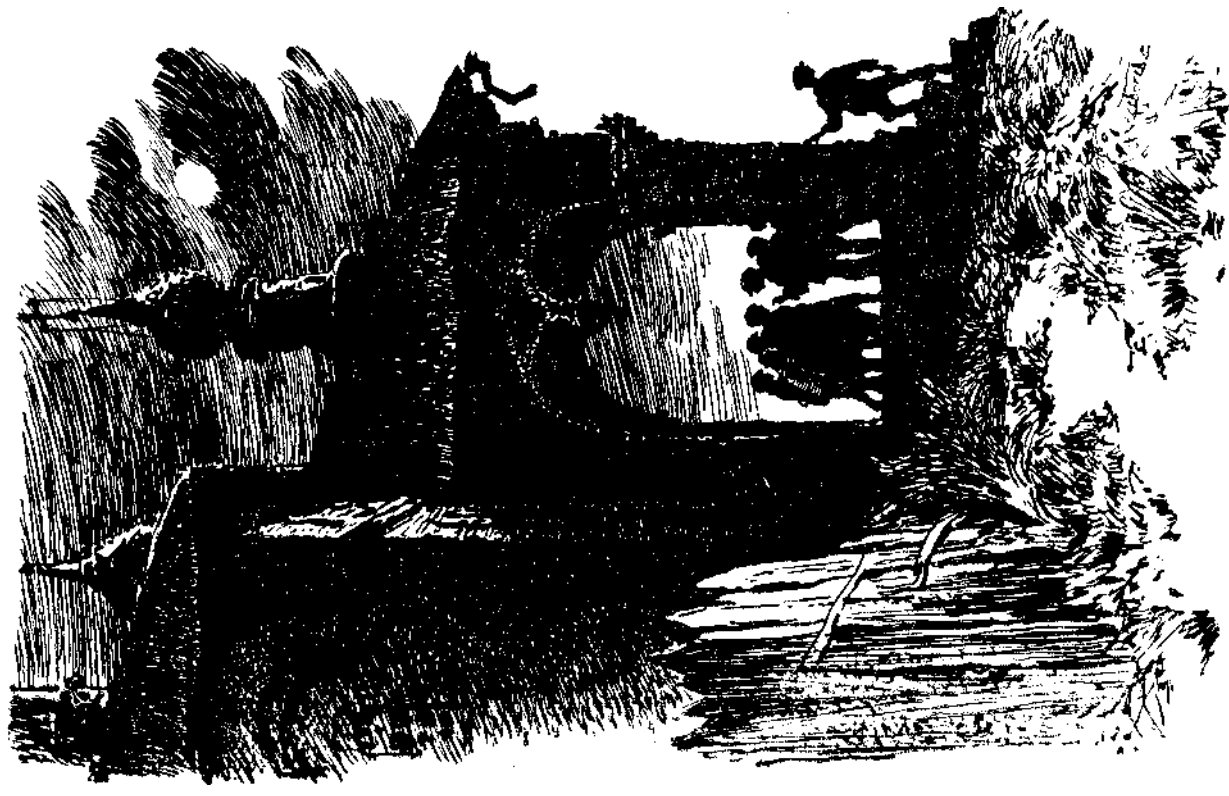
— С самого начала? Ну, так я вам расскажу, откуда появилась вера в бога. Хотите?

— Ага...

Ребята придвинулись к воспитателю ближе, и беседа началась...

Вечером Георгий Петрович заглянул в кабинет заведующего:

— Владимир Александрович, не могу не порадовать вас. Капралова — не узнать! Удивительно!.. Прекрасный организатор.

Какое благотворное влияние на маленьких! — И он рассказал о сегодняшнем поведении Мишки.

— Н-да... — Владимир Александрович побарабанил пальцами по столу. — Симптомы подозрительные... Как бы он не нашкодил!..

— Ну, что вы!.. — обиделся Сморок. — Замечательный хлопец!

Он убежал в совет командиров подводить с огородником, экономиком и кладовщиком хозяйственные итоги дня. А Владимир Александрович вызвал к себе Посунько и порекомендовали ему повнимательнее присматривать за Капраловым.

Командиры потянулись с рапортами в кабинет заведующего. Поневле Посунько задержался. Потом надо было спешить в клуб на репетицию. Здесь Посунько увидел Капралова среди зрителей. Он сидел у самой двери в группе малышей. Посунько мысленно отметил: «Всё хорошо!» — и отправился на сцену, где его уже ждали.

Колонисты любил боевые пьесы — чтобы были крики, кровь, выстрелы. Петька, командир стюардной, так наловчился изображать с мощью доски орудииную палубу, что его даже зачислили постоянным театральным артиллеристом.

Как только «артиллерия» вступила в действие, Мишка поднялся.

— Самое для нас подходящее время. Выкатывайте по одному. — Он первый ушёл из зала.

Через несколько минут Шурка разыскал его в тени церковных колонн и доложил:

— Уси пришлись.

— Камни есть? Ну, становитесь в ряд. Женька, айда за церковь сторожить. Правые — целься вверх, левые — в нижние. На-чи-най! Раз, два, три!.. Пуляй!

В окна церкви полетели камни. Стёкла со звоном посыпались.

— Ну, теперь айда на ту сторону.

И снова: «Раз, два, три, пуляй!..» И — опять посыпались стёкла.

Ребята вошли во вкус. Шурка Добородный вначале колебался: пристало ли командиру участвовать в таком деле. Но теперь в азарте старался попасть в самые верхние, тускло отражающие луну стёкла.

Вдруг из-за угла высочил Женька:

— Хлопцы!.. Там шось лизэ!..

— Что ж там «лизэ»? — спросил Мишка.

— Я стою, а воно из-за могилы лизэ... Мабуть, покойник

Малыши ахнули. Кто-то, визжа, бросился наутёк. Самого Мишку взяла оторопь, но сейчас же он опомнился:

— Лови его, ребята! Где это видано, чтобы покойники лазили?.. Забыли, что Сморок рассказывал?!

Ребята испуганно жались друг к другу. Но всё же поймали беглецов и, окружив их, робко полпелись за храбрым Мишкой.

Завернули за угол и остолбенели.

Труссы, тихо скуля, опустились на землю.

Прямо против них, опершись руками о могильную плиту, стоял кто-то рогатый и бородачатый, повернув лицо в их сторону.

Несколько мгновений Мишка с дрожью созерцал чудовище. Он не думал, что это покойник. Но он не любил, когда его пугали живые. Ему всегда становилось жутко, если кто-нибудь делал страшную рожу. Он знал только одно средство избавиться от страха: подойти к пугающему предмету и, если он живой, отколотить.

Но это забавляется какой-то большой дурак... Одному, пожалуй, не справиться... Эх, жалко Решида нет!

— Стойте здесь, — приказал он малышам, — а я пойду посмотрю. Только чур не бежать и не орать!

При его приближении чудовище, оставив рога вниз, прыгнуло вперёд.

— Да это ж Васька!.. — захохотал Мишка. — Ты чего не спишь, полуночник?

Васька — козёл, которого ребята, на своё горе, приучили бодаться. Дежурный, спеша на репетицию, забыл запереть козлятник, и Васька удрал, побуждаемый страстью к исследованиям и сражениям.

Ребята, со смехом окружив козла, схватили его за рога.

— А Женька спугался!..

— Ач дурный!..

— Отцепитесь, — сердился Женька.

— Волоки его этапным порядком на квартиру, — распорядился Мишка.

— Да он брыкается...

Внезапно перед ними предстал Посунько:

— Чего вы шумыты?

— Васька сбежал!..

— А Женька каже — покойник!.. Посунько присмотрелся:

— И ты, Капралов, з ними?

— Да. им же самим с Васькой не управиться, — невинно ответил Мишка.

Посунько недоумённо пожал плечами: «Хлопец як хлопец... Чего Владимиру Александровичу померещилось?»

Солнце осветило окна церкви, безобразно, словно старушечий рот, ощерившиеся осколками. Но никто, кроме Мишки и малышей этого не замечает. При встречах они перемигиваются. На колонистов смотрят сверху вниз: чувствуют себя благодетелями колонии.

— Яки малы, а выжинэм¹ церкву!

Весь день они с нетерпением ожидают, как взвоят церковный сторож, увидев побитые стёкла. Пожалуй, жаловаться побежит к Владимиру Александровичу...

Вечером, когда их уже перестали ждать, два бородатых селянина в чистых свитках отперли огромным ключом дверь церкви, вошли внутрь, побыли там недолго и, выйдя, спросили, как пройти к заведующему.

— Айда, дядьки, я провожу, — любезно предлагает Мишка. Войдя в кабинет, селяне останавливаются в нескольких шагах от стола, ожидая, когда заведующий кончит писать. Наконец он поднимает глаза:

— В чём дело?

— Мы, товарищ заведующий, от церковного совета, — говорит тот, что поважнее. — Не годится так делать!

— То есть? — Владимир Александрович поднимает брови.

— Да что ж это?.. Все окна в храме выбиты!.. Ваши хлопцы камни бросают... не годится!

В двери просовываются физиономии заинтересованных колонистов. Представители церковного совета начинают явно волноваться.

Владимир Александрович, играя пером, смотрит на них, на ребят... Божьи делегаты готовятся к бою.

— Хорошо, — мирно говорит Владимир Александрович. — Посчитайте, сколько окон выбито теперь... Только теперь!.. За старое я не отвечаю. Мы их вставим. — Он придвигает бумагу, собираясь продолжать работу.

Представители церкви не верят своим ушам. Тот, что попроще, сторож, растерянно подходит к заведующему:

— Як?.. Повторить, будь ласка...

Владимир Александрович раздельно повторяет:

— Все выбитые моими хлопцами стёкла будут вставлены. А чтобы они впредь были осторожнее, деньги на стёкла я возьму из сумм, отпущенных на их питание.

Лицо Мишки вытягивается. Посетители расцветают.

— Господи, — задумчиво говорит церковный староста, — да оно же ж... Конечно! Оно же ж разве наше? Оно ж, вот

¹ Выжинэм — выгоним (украинск.).

именно, всем нужно — и вам, и нам, всему, так сказать, государству.

Ребята в дверях фыркают. Владимир Александрович, скрывая улыбку, склоняется над письменным столом:

— Извините, граждане, у меня спешная работа.

Обиженные, что их сердечные излияния не приняты, церковники гордо удаляются. Насмешливый рой колонистов расступается перед ними, копируя холодную вежливость своего главы.

Владимир Александрович машет пером в сторону ребят:

— Исчезните! У меня действительно важная работа.

И все, кроме ошеломлённого Мишки, исчезают. Канцелярская Крыса пытается вытеснить Мишку из кабинета.

— Погоди, — отмахивается он и делает шаг вперёд. — Владимир Александрович!

Заведующий быстро строчит пером.

— Владимир Александрович!.. — в отчаянии повторяет Мишка. — Послушайте!.. Я вам важное хочу сказать... Накажите меня одного, это я подготовил ребят. Пусть я целый год буду один хлеб есть, а вы из этих денег им стёкла вставьте... Владимир Александрович!.. Чего же все за меня будут страдать?

Сквозь очки на Мишку устремляется замораживающий душу взгляд.

— Ты подготовил? — сурово спрашивает заведующий. — Зачем ты это сделал?

— Они наших кур дают. Так я думал... я думал лучше для колонии сделать... Бить им стёкла, пока не уберутся... — Мишка заканчивает почти шёпотом, низко опустив голову.

— А ты знаешь, что мы хлопотали о закрытии церкви?

— Знаю...

— А что нам отказали?

— Ага...

— А как ты думаешь — почему?

Мишка молчит.

— Потому, что наше правительство считается с желанием немощников¹, с их темнотой. Надо действовать не насилием, а убеждением... Объяснить им, что такое религия, распропагандировать...

— И я хотел распро...

— А ты бил стёкла, как хулиган. Хорошенькая пропаганда! Мишка почувствовал себя страшным преступником.

— Поэтому всё будет так, как я сказал: стёкла вставят за счёт нашего питания...

¹ Незамощники — бедняки (украинск.).

- Владимир Александрович!..
- Слезы тут не помогут. Если один из членов коллектива делает глупость, страдают многие. Научись подчиняться, тогда и плакать не придётся.
- Задыхнувшись от горя, Мишка отёр слёзы и выбежал из кабинета. Проходя через совет командиров, он, ни на кого не глядя, понял, что ребята все знают: уж очень оживлённо они болтали, делая вид, что совсем не интересуются Мишкой. Он сбежал по лестнице, не обращая внимания на зов, на стук чьих-то торопливых шагов по ступенькам. Как только захлопнулась за Мишкой дверь, в комнате наступило молчание. Старшие колонисты переглянулись.
- Огорчился хлопец, — сочувственно заметил Посуныко.
- Уж ему и влетело от Владимира Александровича! — пропищала Крыса.
- Я б его ещё не так! — свирепо крякнула кудрявая Тара. — В дежурство Егория Петровича!..
- Тут всецело виноват Доброродный, — вмешался Алексеев. — Он сам призвался...
- Та вин нас распропагандировал... — попробовал защититься Шурка. Но на него обрушились со всех сторон:
- А ты кто: командир или нет?..
- Мишка — человек новый!..

- Снять Шурку!..
 - Снять!..
 - Под суд Капралова!..
 - Стой, ребята! — Алексеев поднялся. — Капралов уже своё поучил. И если кто из вас, — он сурово оглядел малышей, — будет таким подлецом, чтоб ругать его или дразнить... руки-ноги повываю, так и знайте!
- А Мишка в это время лежал на току, забравшись в колочий стог прошлогодней соломы. Его терзали горькие размышления.
- «Куда теперь деваться?.. Как быть?.. Убежать?.. Нельзя! Нагадил всем — и бежать?.. Ушлый тоже!.. Но как теперь смотреть в глаза ребятам?.. Из-за одного дурака должна страдать вся колония!»
- Он громко заплакал.

Солома зашуршала, ссыпаясь с Мишкиной головы. Кто-то лёг рядом с ним, обхватив его плечи, и горячо задышал в ухо:

- Мишка, пожалуйста: не реви! Пожалуйста...
- Решид, — обрадовался Мишка, — чего ты припёрся?..
- Пожалуйста, не надо. Они не обижай на тебя, я знаю. Не реви.
- Вот трын-дурында, — всхлипнул Мишка, — с чего ты взял?.. Да я и не... и не думаю!

Глава шестнадцатая ЗАКОЛДОВАННЫЙ САД

- Куда ты провалился?.. — налетел Мишка на Решиду. — Ищешь его, ищешь!.. Аж упарился!..
 - Один дело было, — уклончиво отвечает Решид. Мишка останавливается, подозрительно глядя на приятеля.
 - Не суйся ты лучше в ихние дела. А то вляпаешь всю колонию. Знаешь, как в коллективе!.. — Он сердито косится на церковь, сверкающую новыми стёклами. С того вечера ни Владимир Александрович, ни ребята не заикались о его «подвиге». И голодать никому не пришлось. Правда, с неделю не было ничего мясного... Зато, когда появились наконец котлеты, вся столовая кричала «ура». Тем дело и кончилось. Но Мишка крепко запомнил урок, полученный в кабинете заведующего.
 - Ты лучше ничего тайком не выдумывай, — поучает он, заглядывая в лицо Решиде.
- Решид отводит глаза. Решид спешит переменить предмет разговора:
- Зачем меня искал?

— «Зачем искал, зачем искал», – ворчит Мишка, полный тревожных подозрений. – Письмо тебе. И отдавать бы такому не стоило...

— Мишка, дай!.. Пожалуйста, дай!.. – Решид взволнованно хватает конверт. Это первое письмо из Чечни! – Айда, читать будем, – пригласает он Мишку.

Они усаживаются под липой и склоняются над белым листом письма. Решид читает вслух:

— «Дорогой Решид! Не отвечал тебе так долго потому, что хотел сначала повидать Маржан. А для этого надо было дожидаться выздоровления Ахмата. Без него мне в аул приезжать было опасно, сам знаешь...»

— Факт, – вставил Мишка, – ухлопали б!

— «Твой дедушка, узнав, что мы с Ахматом помирились, шипел на него, как змея.

Вот что было в ауле после твоего ухода: когда ты не вернулся к ножи, Хамзат испугался, что ты упал в пропасть, хотя Бессират, обнаружившая разгром в своих запасах, уверяла, что ты убежал из дому совсем. Но Хамзат приказал ей молчать, ему было неловко перед соседями. Он поднял на ноги чуть ли не весь аул, искали твой труп. Хамзат ходил такой печальный, что все соседи ему сочувствовали, пока не узнали, что ты из-за него уехал из Чечни. Тогда многие от него отвернулись...»

— Ага! – злорадствует Мишка. – Он ещё об тебе заплачет!..

— «Аюб приехал в Горячеводск вскоре после вашего отъезда. Он в ауле всё и рассказал. Маржан, конечно, нам обрадовалась...»

— Слушай, Мишка: про Маржан!..

— Она очень похудела и плохо выглядит!.. – голос Решиды упал. – Бессират её заедала...»

— Ишь, гадюка! – возмущается Мишка.

— «Но ты не огорчайся. Сейчас всё изменилось. Ахмат забрал Маржан к себе. Хамзат не хотел отдавать ничего из вашего имущества. Я, говорит, потратил на них больше, чем стоит всё, что они имеют. Всё же Ахмату удалось оттягать ружье Юсупа и коня, на котором ты ездил в школу».

— Маленький лошадь. Умный!.. – поднял блестящие глаза Решид. – На мой голос идёт!

— Ты читай, читай!

— «Мы забрали Маржан и с помощью родственников доставили её сперва в Итум-Кале, а потом в Шатой в больницу. Вчера ей сделали опе...опе...» Мишка, пожалуйста, прочитай.

— «...о-пе-ра-ци-ю». Это когда что-нибудь отрежут. Понимаешь?.. Ружу, например, или ногу. Решид поблбеднел.

— Зачем резать?..

— Ну, иногда нужно, – важно объяснил Мишка. – Вот у нас один загноил на ногу железку, у него сделался антонов огонь. Ему и отрезали ногу. А то бы он весь сгорел. Ты читай дальше.

Но Решид не мог больше читать. Буквы в письме запрыгали... Он мужественно старался удерживать дрожь губ. Мишка взял письмо из рук Решиды.

— Где это?.. Ага, вот: «о-пе-ра-ци-ю. Ей снова сломали неправильно-но сросшиеся кости и наложили гипс...»

— Во-о!.. – Мишка поднял изумлённые глаза, но, увидев мучительно скривившееся лицо Решиды, проглотил начатую было фразу и вернулся к письму:

— «Не бойся: больно не было, потому что ей дали лекарство, которое усыпляет, так что человек не чувствует, что с ним делают. О-пе-ра-ци-ю она перенесла хорошо. Сейчас весела и довольна».

— Видишь! А ты уже сдрейфил. Разве дядя Серёжа делает плохое?

— «Надеемся, что теперь, выздоровев, она будет карабкаться по горам так же легко, как раньше...»

— Тц, ой!.. – перебил Решид. – Дай я! Он вырвал у Мишки письмо.

— «Как раньше!» – прочёл он ликующим голосом. – Мишка, а? Как раньше!

— Я ж тебе говорил! Читай.

— «Она просит передать тебе, что сожжёт костыли в печке, как только встанет. Если всё пойдёт хорошо, месяца через полтора она будет здорова. Учись, работай и пиши ей почаще.

Ахмат, Аюб и Али тебе кланяются. Ахмат просит передать, что никому не даст ездить на твоём коне. Но я бы советовал тебе написать Ахмату, чтобы он давал Али иногда на нём покататься».

— Мишка, ты приедешь в Чечню – когда хочешь, тогда возьмишь мой лошадь.

— Ладно... Чего там!.. Она ещё, может, до тех пор подохнет. Читай.

— «Мише передай, что я рад за него. Молодец, что остался в колони. Пусть пишет о своих успехах.

Будьте здоровы, ребята. С е р г е й».

Решид перевернул листок.

— Всё!

— Ну, Юсупов, что же тебе пишут из дому? – поинтересовалась проходившая мимо дежурная воспитательница.

— Решидкиной матери обратно ноги переломали, и они будут как новые, во! – выпалил Мишка.

Из бойниц старой башни над монастырскими воротами призывно за-
трубил горн. На восток, на юг и на запад.

Сигнал с башни введён по предложению недавно приехавшего Кан-
дыбы: сверху дальше разносится звук.

Кандыба в одних трусах ожидает ребят на спортивной площадке. Он
широкоплечий, смуглый, мускулистый. Детишки воспитателей — целый
детский сад — окружили его влюблённой толпой. Они, как по столбам,
карабкаются по ногам Кандыбы; привесившись, качаются на его руках.

— Ты как Гулливер среди лилипутов! — смеётся Нина Викторовна.
— На гимнастику!.. На гимнастику!.. — кричат колонисты, пробегая
мимо Решиды и Мишки.

Наконец все в сборе. Кандыба одним движением стряхивает с себя
малышек:

— Улепётывайте! Чтоб и духу вашего здесь не было!

Маленькие шарики — розовые, голубые, белые — поспешно катятся к
террасе игуменского дома, где живут воспитатели. Их провозжат сме-
хом и криками. Кандыба поворачивается к колонистам:

— Смирно!.. Стройся!.. На первый-второй — рассчитайся! Мишка
марширует позади Решиды. Он не спускает с его спины глаз. «Секреты
какие-то завёл, — спокойно думает Мишка, — уж теперь ты от меня не
удерёшься!.. Я тебя выведу на чистую воду!»

Решид любит гимнастику. Но сейчас хотелось бы побыть одному,
подумать над письмом, перечитать некоторые места... Вечно вокруг
шумная орава ребят!.. Он часто с грустью вспоминает горную саклю,
где, бывало, скучал в одиночестве.

Стройно, по команде, вытягиваются шеренги колонистов. Склоняют-
ся налево, направо... Выпрямляются... Ощетиниваются руками, точно
вытянутыми вверх колыями... Их движения плавны и чётки. Они чувст-
вуют, что ими любуются.

На скамьях вокруг площадки зрители — воспитатели и большие ко-
лонисты. Дальше, на террасе, малыши, раскрыв от усердия рты, мар-
шируют под командой шестилетней Зои.

Зоя старается копировать Кандыбу.

— Смирно!.. Вольно!.. — кричит она басом. — Отставите!..

Кандыба одним взглядом поглядывает в их сторону. Окончив урок, он
подходит к террасе. Его встречают восторженным щебетом:

— Коля!..

— Теперь с нами!..

— С нами!..

— Коля!..

Кандыба возвышается над ними горой смуглых мускулов. Он грозно
сдвигает брови:

— Стррройся!

Толкаясь и пища, как цыплята, малыши вытягиваются в ряд. Канды-
ба делает свирепое лицо, от которого у них дух захватывает.

— Смирррно!..

Крошечные фигурки изо всех сил вытягиваются. Несколько минут он
держит их в напряжённом ожидании. И вдруг неожиданно рывкает:

— Смейся!

Шеренга широко раскрывает рты. Преданно глядя в глаза Кандыбе,
они стараются перехохотать друг друга. В ответ им хочочет сам Канды-
ба, хочочут зрители, хочочет Мишка, зазевавшийся у террасы...

И вдруг спохватывается: а где же Решид?..

Решид исчез.

В пятидесяти шагах от колонии стоит разрушенная архиерейская
дача. Вокруг буйно разросся фруктовый сад. Он на учёте сторожевого
отряда. Скоро начнут вырывать вишни и груши, и тогда сторожа посе-
лятся в курене, оставшемся с прошлого года. Но пока садом и куренем
безраздельно владеет Решид. И никто этого не знает.

Здесь у Решиды Чечня. В курене висит деревянный кинжал и сабля.
А вокруг куреня собралась друзья и недруги.

Самая большая яблоня — это Маржан. Хорошенькое вишнёвое де-
ревцо — Айшет. Кривая груша — Бессират. Уродливое неизвестное де-
рево с обрубленными ветвями — Хамзат. А пирамидальный тополь —
Сергей Иванович.

Решид воспользовался минутой, когда Мишка, зазевавшись на Кан-
дыбу, забыл о нём. Он отступил, спрятался за спины колонистов, вы-
брался из хохочущей толпы и убежал в свой сад.

Заходящее солнце заливает сад ровным спокойным светом. Только
внизу, в чаще кустов, притаились вечерние тени. Яблоня тихо покачи-
вает облепленные бледно-зелёными плодами ветви.

Решид гладит её шершавый ствол.

— Больно тебе было, когда ноги ломали? Зато вот какая ты стала:
красивая, прямая... Лучше Айши!.. А ты, — он поворачивается к высо-
хшей груше и грозит ей кулаком: — У!.. Ты предстанешь перед аллахом
с чёрным лицом!..

Он разговаривает с деревьями по-чеченски. И говорит им такие сло-
ва, какие не посмел бы сказать живым людям: то слишком грубые, то
чересчур ласковые.

Он петухом наскикивает на кривую грушу:

— Что ты говоришь?.. «Береги уста, чтобы голова не была бита»? Кто ж это меня побьёт?.. Не ты ли, кривая уродина Бессират? А ну попробуй, попробуй — ударь!

Вот теперь он отомстит заколдованной Бессират за все те унижения, которые молча терпел, когда она была ещё в человеческом образе!.. Он ей покажет!..

Мало-помалу он начинает забывать, что это его фантазия заселила сад. Ему кажется, что вокруг стоят действительно заколдованные люди. За листвою, пронизанной лучами заходящего солнца, — ему чудятся розовые лица Айшет и Али. Вечерний ветер, шурша листьями, говорит с Решидом на родном его языке... Он приподнимает лицо и замолкает, прислушиваясь к тихому шелесту... Он звучит далёкой песенкой, журчащим смехом... И вдруг в нём жалобное шуршание и шелест складываются в слова, будто плачет Маржан: «Нет у нас коровы, нет баранты, нет сабли... Всё забрал дядя Хамзат... Нищие мы с тобой, Решид, нищие...»

Сжав кулаки, мальчик бросается к обрубку.

— Зачем нас ограбил? — кричит он. — Я тебе покажу!.. Вот я тебе!.. Я... — Он захлёбывается от неожиданности: чьи-то сильные руки оплели его, точно верёвка.

— Та вин сказывся! — восклицает Посунько, стараясь удержать барахтающегося Решиду.

Мишка стоит возле, изумлённый до немоты. Узнав своих, Решид перестаёт вырываться.

— Пусти, пожалуйста, — спокойно просит он Посунько. Решид раздосадован. Он привык, не опасаясь, громко разговаривать в этом уголке, куда никто, кроме него, не ходит. И вот попался!.. Что они теперь подумают?..

Посунько выпускает Решиду только затем, чтобы крепко схватить его за руку:

— Айда до Владимира Александровича.

Мишка идёт сзади, пришибленный мыслью, что вёл себя как последний дурак.

— Нигде тебя нету, — оправдывается он перед спиной друга, — я и сказал Посунько: боюсь — его хлопцы на что-нибудь подбивают... А Шурка и Женька видели, как ты сюда пошёл. Мы — за тобой... А Ты... Решидка, чего это ты делал?.. Сочинял или что?..

Подперев кулаком подбородок, Владимир Александрович слушает Посунько и тихо улыбається.

¹ Та вин сказывся! — Да он сошёл с ума! (украинск.).

— Вы не смейтесь, — обижается Посунько. — От побачили б, як вин там, мов скажений, маше кулаками... Его у больницю надо. А вы смеётесь! Ось вин кого-небудь ночью зарижел!..

— Это хорошо, что ты такой заботливый командир, — Владимир Александрович старается говорить серьёзно, только очки, поблёскивая, насмешливыми искорками. — А всё-таки, братику, трохи ты перестарался... А ну-ка, позови его сюда.

Заведующий встречает Решиду весёлой улыбкой:

— Вот так-так, Решид!.. Что ж это ты своего командира пугаешь?

Решид сумрачно оглядывается на Посунько.

— Видишь: он чуть не в истерике. Прибежал, даже не дождавшись вечернего рапорта. Требует, чтобы я немедленно отправил тебя в лечебницу. Сделай милость, успокой его: скажи ему по-честному — сошёл ты с ума или нет. Зачем с деревьями дерёшься?

Решид начинает понимать. По его лицу расплывается улыбка.

— А я думал — он тащил к тебе, говорил: Решид груши воровал... — Он поворачивается к Посунько и тычет в него пальцем: — Ты — украински мова, — потом в себя: — Я — чеченски мова. Украински мова кругом много. Чеченски мова — один я. Когда забуду, как домой приеду?

Владимир Александрович сделал вид, что не замечает смущения Посунько.

— Правильно. Я так и понял. — говорит он. — А знаешь что?.. Конечно, если хочешь, можешь разговаривать с деревьями, но лучше дайвай предложим колонистам: может, среди них найдутся желающие изучить чеченский язык? Вот тебе и не надо будет бегать к яблоням в гости. И ребятам польза.

Посунько, окончательно уничтоженный, пятится к двери, чтобы незаметно исчезнуть. Владимир Александрович косится в его сторону.

— Вот Посунько первый, наверное, захочет, а то ему стыдно перед тобой... Как, Посунько, а?.. — и, не дождавшись ответа, улыбаясь, обращивается к Решиду и Крысе: — Давайте не будем про Посунько болтать, бо засмеют его хлопцы. Крыса, чуюшь?.. Ни-ни...

Глава семнадцатая

БЫСТРЫЕ ДНИ

Колонийские дни бегут всё торопливее и торопливее. И каждый приносит новые радости, новые печали и заботы... Владимир

Александрович предложил любителям Кавказа заняться с Решидом изучением чеченского языка. Чуть ли не вся колония захотела говорить по-чеченски. А через неделю ученики Решиды разбежались, испугавшись трудностей. «Правил нет, как же его выучить?» — говорили одни. «У них горло как-то по-иному сделано, — жаловались другие, — мне ни в жизнь не выговорить...» Остались только Мишка, из дружки добросовестно заучивавший фразу за фразой, да Михельсон, находивший, что ему для завершения образования необходим чеченский язык. Мишка очень занят. Он работает в столярной мастерской, а свободное время отдаёт футболу. Решид, оставшийся в отряде садовников, время отдачи посвещает конюшне. Работать в отряде конюхов он «ещё не дорос». Но ему разрешают ездить с конюхами на водопой, а иногда даже орудовать скребницей над лошадиными боками. Это против правил, но и ребята, и воспитатели делают Решиду маленькие поблажки, желая, чтобы он скорее привык к новой обстановке.

Вожатая — толстощёкая Маруся — втянула Решиду в пионерорганизацию. Так в его жизнь вошли пионерские сборы, песни, бег, седы у костра, разожжённого на опушке леса, и работа над рассказом о Чечне в «Интернациональный сборник», который ребята готовят к Октябрьской годовщине.

Всё меньше остаётся времени на тоску по дому. Даже дни отдыха теперь и у Решиды и у Мишки заполнены до отказа.

Друзья встречаются в столовой, на гимнастике, в клубе, на общих собраниях и в спальне. Кровати их по-прежнему стоят рядом, и по вечерам, до обхода дежурства, они болтают, делясь впечатлениями дня.

— Михельсона к нам прислали сделать плевательницу, — сообщает Мишка, — за то, что везде плюётся... Ну и паразит!..

— Почему паразит? — вежливо поддерживает разговор Решид. Его раздражает одна новость, но он бережёт её, ждёт, пока Мишка выговорится.

— Три дня делает чертежи какие-то, расчёты плевательницы!.. Все ребята смеются. Будто дом строить собрался...

Решид наскоро улыбаётся и принимает торжественный вид:

— Мишка, меня Коля в такую мастерскую записал, — он с трудом выговаривает новое слово: — Аэроплан делать.

Мишка вскакивает:

— А меня не позвали?.. Ну ладно!.. Такой-то ты свой!.. — Он куврыкается обратно в постель, поворачиваясь к Решиду спиной.

— Мишка, — Решид лукаво улыбаётся, — зачем сердиться? Я и тебяз записал.

— Да ну?.. Ай спасибо!.. Вот так да!..

Мишка, совершенно голый, пляшет на постели дикий танец.
— Эй, Капралов!.. — кричит Посулько. Отставить!.. Кровать сломалась.

— Сдурел хлопец, — флегматично замечает Федька, не поднимая глаз от сложной работы — прикрепления пуговицы к брюкам.

— Сам ты трин-дуринда! — орёт Мишка. — Мы будем аэроплан делать!..

— Обрадовалось дитё игрушке!

— Можно, ребята? — В дверях дежурная воспитательница. Мишка ныряет под простыню.

Она идёт среди рядов. Записывает фамилии отсутствующих, задерживается возле готовящихся в рафак, помогая решить задачу, даёт советы неумело орудующим иглой.

— Юля Львовна, — спрашивает Мишка, — энта... эта мастерская аэропланная... Можно и в ней работать и в столярной?

— Конечно. Авиамодельный кружок — клубная работа, а не производство.

— То-то ж, — удовлетворённо говорит Мишка, — а то без меня в столярной не обойдутся.

После дежурной воспитательницы в спальню входит Чеботарёв.

— Ко-мен-дант, про-ва-ли-вай!.. — хором кричит спальня. — Все ноги чи-стые!..

— Врёте, — говорит Чеботарёв, — знаю я вас. Каждый норовит с грязными в постель залезть. Лучше прямо сознавайтесь: у кого немые?

— Про-ва-ли-вай!.. — снова кричит спальня.

— А, вы так? Ну ладно ж!..

Чеботарёв начинает «обход ног», вытягивая каждую ногу на свет, поворачивая её подошвой вверх. Ребята хохочут и брыкаются.

— Ну вот!.. — торжественно кричит Чеботарёв и стаскивает Михельсона с кровати. — Грязные!.. А вы говорите... Как же тебе, Михельсон, не стыдно?

— Если ходишь босой, естественно, ноги пачкаются, — с достоинством отвечает Михельсон.

— Э-э!.. А ещё образованный!.. Должен пример остальным подавать. А ну, иди, вымой ноги. — Комендант легонько толкает его к двери.

— Ну, знаешь, — защищает Михельсон, — правила гигиены соблюдать тоже нужны подходящие условия...

— Какие тебе ещё условия? Вода есть, мыло есть, полотенце есть... — Комендант вытаскивает Михельсона из спальни.

Окончив обход, Чеботарёв тушит свет, оставляя по одной

лампочке в коридорах. Командир сторожевого отряда отправляется проверять посты... Колония затихает.

— Одикайойл¹, Решид, — говорит Михельсон, не упускающий случая попрактиковаться в языке.

— Одикайойл...

Откуда-то издаലെка доносится песня рабфаковцев.

— Воят на луну, — сонно бормочет Мишка.

Решид молча прислушивается. Он думает о маленьких колонийских происшествиях... Потом вспоминает, что скоро праздник первого снега... В этот день он вместе с другими новыми пионерами будет давать торжественное обещание... Как всё-таки интересно жить! И подумать только, что у него есть братья: и в Англии, и в Америке, и в Италии... Перед глазами проплывают туманные очертания географической карты, которую ему сегодня показывала Маруся... Потом над кроватью наклоняется Маржан... Маржан скоро будет карабкаться по горам!.. Решид радостно улыбается и засыпает.

Мишка сидит в комнате совета командиров и, склонив голову к плечу, сопит над листом бумаги. Он поминутно мусолит карандаш, отчего язык и губы его стали липовыми. Но каракуля за каракулей благополучно нанизываются в кривые ряды — и письмо готово. Мишка самодовольно перечитывает его:

«Здорово, дядя Серёжа. У нас скоро будет праздник первого снопа. Мы делаем новые скамейки. А ещё чистят пруд. И ребята, которые живут, в одних трусах и вымазанные в тину. И притворились, будто дикие, с воспитателей требуют выкуп, которые проходят по дорожке в кооператив. И машут на них грязными руками. А воспитатели нарочно пугаются и дают им папирос, чтобы не забрали в плен. А нам с Решидкой не позволяют чистить пруд, потому что нам ещё не пятнадцатый лет. Мы записались в аэропланную мастерскую. А ещё строят новую свинарню и берут кирпич из монастырской ограды. С тем до свиданья. Больше писать нечего. Капралов Михаил.

Маршайла². Я учу чеченский язык».

Мишка бережно складывает письмо и вынимает из кепки конверт. В это время влетает Решид:

— Коля зовёт!.. Сейчас аэроплан будем делать...

Мишка кое-как засовывает письмо и конверт в кепку и бежит за Решидом.

В комсомольской комнате они застают Кандыбу, Михельсона, Жевтонога, Шурку, Женьку и Марусю. На столе разложены

¹ Одикайойл — спокойной ночи (чеченск.).

² Маршайла — прощальное чеченское приветствие.

рейки, фанера, папиросная бумага, ножи, ножницы, клей, бамбуковые палочки и другие необходимые для конструкции аэроплана вещи.

— Не густо нас собралось, — говорит Кандыба. — Из комсомольцев только одна Маруся. Ребята думают, что у нас вроде игрушечной мастерской, а они, мол, люди серьёзные, привыкли только настоящие вещи делать... А наша работа — вовсе не игрушка, хоть на наших самолётах и нельзя возить пассажиров. Но зато мы изучим конструкцию самолёта, а это не шутка. А потом — как знать? — может, кто из нас изобретёт новый аэроплан... Или какую-нибудь машину, которая полетит на луну. Только начнём мы с простейшего, с шара воздушного. С него и авиация пошла. Вот когда он у нас полетит в небо, тогда все захотят в наш кружок.

— А мы их не примем! — кричит Маруся.

— Нет, братику, так не годится. Да и вам не выгодно: если нам удастся втянуть в работу хоть двадцать человек, тогда вам пригласят института. А то я уеду в институт, ваш кружок и захиреет.

— У меня предложение! — поднял руку Михельсон.

— Ну?

Я предлагаю до праздника первого снопа держать нашу работу в секрете. А потом сразу выпустить несколько моделей. Маруся недоуменно нахмурила брови:

— Антиобщественно! Я предлагаю наоборот.

— Как наоборот? — фыркнул Жевтоног.

— Очень просто, — Маруся презрительно на него оглянулась. — Сделать доклад в клубе. А то Кандыба так, как-то вскользь сказал, ребята себе и не усвоят...

— Не надо доклада!.. — закричал Мишка. — Лучше по секрету...

— По секрету!.. По секрету!.. записали Шурка и Женька.

Вопрос поставили на голосование. Маруся осталась в единственном числе.

— Я считаю: пригласить на празднование первого снопа Харьковский отдел авиахимии, — предложила неунывающая Маруся. — Пусть они над нами возьмут шефство.

— Вот это дело! А что касается тайны, так, я думаю, в этом ничего вредного нет. Ребятам доклад больше даст после того, как они увидят наши модели в действии. Ну, а теперь за работу. Решид и Капралов будут делать монгольфьер. Женя и Шура — коробчатый змей...

— Ну да, «змей»!.. Шо мы — маненьки, чи шо? — обиделся Шурка.

— Чудак, да ведь коробчатый змей вовсе не то, что ты думаешь. Ведь он человека может поднять. Во флоте, например, пускают за судном змей и он тащит наблюдателя.

— Давай мы будем делать змей, — предложил Мишка.

— Когда кончите монгольфьер, можно. Они вдвоём вряд ли управятся.

— Управимся!.. — закричали разом Шурка и Женька.

— Не спорьте, — строго сказала Маруся. — У нас должна быть дисциплина, как в военной организации. Малыши притихли.

— Маруся, Жевтоног и Михельсон будут делать схематическую модель аэроплана.

— Я тоже хочу аэроплан... — грустно вздохнул Решид.

— После. Сейчас тебе будет трудно. Над моделью много работы: чертежи, расчёты...

— Это у нас Михельсон специалист!

Кандыба раздал ребятам материалы, инструменты и показал, что кому делать. Пока одни склеивали бумажные листы, другие вырезали, третьи строгапи, пилили, четвёртые чертили, он, присев на стол, чтобы всех их сразу видеть, рассказал о том, как много веков человеческая мысль билась над задачей овладения воздухом, пока в конце восемнадцатого столетия французы — братья Монгольфье не изобрели аэроплан.

Праздник первого снопа приближался. Последние дни проходили в лихорадочной суете: ведь приедет пятьсот гостей! Надо заготовить и разослать им приглашения, обставить спальни для тех, кто останется ночевать, придумать, приготовить и развесить украшения, чтобы колония встретила этот день по-праздничному. Ребята сами сочинили к празднику пьесу. Пионеры учат торжественное обещание. Хозяйственная комиссия закупает продукты, совет командиров обсуждает план проведения праздника. Дня едва хватает на работу.

Но как только удастся выкроить свободные полчаса, Мишка и Решид спешат в комсомольскую комнату. Здесь почти всегда можно застать Михельсона, копающегося над схематическими моделями. Он выбран переводчиком в комиссию по приёму гостей на случай, если праздник посетят какие-нибудь иностранцы. У него сейчас достаточно свободного времени. Маруся и Жевтоног, хоть и перегруженные в хозяйственной комиссии, присоединялись к ним при первой возможности.

Все помогли Шурке и Женьке. Сделали больше десяти коробчатых змеев, воздушный почтапальон, тележку с лебёдкой, на которую был намотан стальной трос для подъёма человека. Когда схематические модели были готовы, ребята тайком бегали

на выкошенный луг за архирейской дачей и там устраивали первые пробные полёты. Жевтоног и Маруся долго бились, прежде чем их модели полетели. Сначала Маруся заводит свою на сто оборотов. Модель при этом хоть пятьдесят метров должна пролететь. Маруся торжественно её держит... Сердце бьётся. Щёки покраснелись.

— Отпускай! — кричит Кандыба.

Маруся раскрывает руку, придерживающую пропеллер. Резина раскручивается. Пропеллер начинает вращаться. Она легонько толкает свой самолёт вперёд и раскрывает вторую руку. Самолёт взвивается и... падает на нос.

— Дай я!.. — кричит Жевтоног.

По указанию Кандыбы он регулирует модель — передвигает крылья назад. Снова закручивают резиновый шнур. Жевтоног поднимает модель... — Отпускай!

Модель взвивается и падает на хвост... Шурка и Женька негодуют и ругаются, забыв всякую субординацию. Но когда им разрешают запустить модель, у них выходит ещё хуже. В конце концов с помощью Кандыбы модели отрегулированы, найдена точка, на которой должны помещаться крылья. Модель летит, сохраняя в воздухе равновесие, и плавно опускается на землю.

— Ура... — визжат Шурка, Женька и Мишка.

— Тише!.. — кричит Михельсон. — Сами голосовали за тайну, а орёте, как поросята... Вся колония сбежится.

Кандыба измеряет шагами расстояние от старта.

— Шестьдесят метров.

— Ура... — шёпотом кричат Шурка и Женька.

У Михельсона очень большая, прекрасно сделанная модель... пока тоже только схематическая, хотя он уже начал работать над физеляжной. Он над своей моделью не бьётся, как Жевтоног и Маруся. Он поднимает её на уровень глаз, несколько минут, прищурившись, смотрит, передвигает крылья... Мишка помогает ему завести. Михельсон выпускает свою модель, и она плавно несётся вперёд.

— Вот это глазомер! — восхищается Кандыба. Он меряет расстояние. — Сто метров!

— Ух ты!.. — с уважением говорит Мишка и шагает сам, желая поверить Кандыбу. — Полтораэта! — объявляет он.

— Ноги короткие, — смеётся Кандыба. — Погодите, то ли ещё будет!.. Заведём на большее количество оборотов, она и на пятьсот полетит.

— Сейчас!.. Сейчас!..

— А тайна работы? Она ж может залететь на территорию колонии, — говорит Михельсон, сдерживая гордую радость.

— И шар?.. Пускай немножко шар полетит. — Решид умоляюще смотрит в глаза Кандыбе.

Но тот отрицательно качает головой:

— Шар улетит и — тью-тю!.. Поминай как звали. А новый монгольфьер сделать не успеем.

Ребята возвращаются в колонию такие сияющие, что дежурный воспитатель заинтересовывается: — Что это, вы, точно именинники?

— Мы такое делаем, Егорий Петрович, такое!.. — Мишка зажмуривает глаза и причмокивает языком. Решид, боясь, что приятель проболтается, толкает его локтем.

— Военная тайна, — смеётся Маруся.

— Уж потерпите до первого снопа, — поддерживает её Кандыба.

Наконец наступает торжественный день. С утра развешивают последние флажки. Вместо скатертей столы, расставленные в клубе, накрывают простынями, садовники украшают их цветами. Комиссия по приёму гостей вытаскивает к воротам стол, задрапированный красной материей. Михельсон кладёт на него книгу, где должны расписаться посетители, ставит корзину с колосками, перевязанными красными бантиками, и другую — с пригласительными билетами к обеду. Михельсон волнуется больше всех. С того дня, как его модель взвилась в воздух, он сделался неузнаваемым. Он подтянулся. Стал лучше работать на огороде, начал усиленно мыться, не требуя ванны и душа. Желая, чтобы авиамоделльное торжество было обставлено как можно лучше, он совал нос в работу различных комиссий и подал немало ценных советов. И незаметно для себя заразился тем интересом к хозяйственным делам колонии, которым были проникнуты все колонисты.

Члены комиссий с красными бантами на груди пробегают то туда, то сюда, отдавая последние распоряжения. За ними несутся адъютанты-малыши, гордые красными лентами аксельбантов, так красиво развещающиеся на бегу. Сигналисты выезжают за ворота верхом на разукрашенных лошадях. Приготовления закончены.

И вдруг, впервые за последние месяцы, оказывается, что делать больше нечего. Ни играть, ни драться нельзя. Ребята бродят по двору в торжественно-праздничном томлении... Но вот за воротами трубят. Все оживляются. Под тяжёлые своды выезжает первый автомобиль. Члены комиссии по приёму гостей радостно на него накидываются. Михельсон пригласает расписаться.

Тамара прикалывает каждому из гостей колоски с бантами и вручает билеты с номером стола, за которым они должны обедать, Шурка ведёт их в комнату, приготовленную для гостей — с зеркалом, умывальником, грёбёнками и прочими вещами, которые могут понадобиться людям, приехавшим из города.

Постепенно гости заполняют колонию. Нарком просвещения привозит с собой французских педагогов, приехавших ознакомиться с организацией школ в Советском Союзе. Михельсона сменяет за столом воспитательница. Михельсон ведёт гостей по колонии, с гордостью показывая спальни, мастерские, клуб. Французам всё очень нравится, но больше всего их поражают радостные лица колонистов, их смех, стройность их фигур и лёгкость движений.

— О, изумительно!.. — говорят французы. — Неужели все эти дети преступники?.. И вы тоже?..

Михельсона передёргивает, но он сдерживает себя и вежливо отвечает:

— Нет, я не преступник... Здесь семьдесят пять процентов действительно совершали различные незаконные действия, но это следствие войны. Они потеряли родителей и родственников... А теперь Советское правительство собирает их и воспитывает вот в таких колониях, которые заменяют им дом. А наш заведующий находит, что им полезно общение с теми, кто не имеет уголовного прошлого. Поэтому остальные двадцать пять процентов приняты из семей... Моя мать — врач.

— Но как же она не боится, что вы заразитесь дурными страстями от испорченных улицей детей?

— Дурные страсти остаются по ту сторону колониальных стен, — гордо отвечает Михельсон. — Здесь мы все охвачены одной страстью — укрепить хозяйство нашей колонии и нашей страны.

Французы в восторге от Михельсона.

— О-ля-ля!.. Изумительно!.. Сколько вам лет?

— Через восемь месяцев мне будет шестнадцать. «Тру-ру-ру!..» — звонко затрубил горнист.

— Сбор. Простите, я должен уйти. — Михельсон исчезает. Он бежит в комсомольскую комнату, где собралась авиамоделлисты.

Колонисты и гости, выстроившись в две шеренги, повернули головы в ту сторону, откуда несутся торжественные звуки «Интернационала». И вот из-за церкви выплывает красное знамя. Знаменосец — Кандыба. Рядом — два ассистента с винтовками — Алексеев и Посуныко. Колонисты вытягиваются «смирно», провожая знамя глазами. А по проходу уже катятся нарядные,

в колосьях, цветах и лентах, жатки. За ними бесшумно маршируют бо-
соногие косари, сверкая лезвиями кос, и жницы с серпами.

Им отдают честь. Их провожают криками «Ура!». Это — герои сего-
дняшнего дня. Это лучшие колонисты, заслужившие честь косить пер-
вый сноп. За ними ребята и гости вперемишку смыкают ряды. Они от-
правляются в поле.

Сзади всех — Михельсон, Решид, Мишка, Шурка, Жевтоног, Женька
и Маруся.

И гости и колонисты удивлённо оборачиваются на эту странную,
озабоченно шушуканую кучку, сомкнувшуюся вокруг дырявого вед-
ра, какого-то ящика, какого-то бумажного шара... Только незнакомый
военный понимающе им улыбается.

— Ребята, видели, видели?... — суетится Мишка. — Он нам честь
отдал!...

— Это из авиэхима... — шепчет Михельсон и поправляет воротник
рубашки, стараясь принять бравый вид.

На опушке леса у знамени застывают четыре неподвижные фигуры
— горнист, знаменосец и ассистенты. Кандыба, передав свои обязаан-
сти Кашу, присоединился к косарям. Задание — в десять минут обко-
сить десятину... И лезвия кос сверкают, как бешеные. Быстро движутся
жатки. Срезанные колосья подхватываются, связываются в снопы,
складываются в копны. Всё мелькает в буйном движении. Владимир
Александрович с часами в руке замер, впившись глазами в мускулистую
фигуру ведущего — Коли Кандыбы.

— Срок истёк! — кричит он.

И в ту минуту последний сноп ложится в копну. Зрители встречают
аплодисментами потных улыбающихся косарей. Оркестр играет туш.
Кандыба, самый старший из присутствующих колонистов, протягивает
сноп самому маленькому — девятилетнему Женьке.

— Прими первый сноп и постарайся заслужить честь самому его
скосить.

Женька забыл слова, которыми должен ответить. Он конфузится и,
вспыхнув почти одним цветом с пионерскими галстучками, бормочет:

— Честное... Честное октябратское, не подгажу!.. Вокруг смеются,
аплодируют, музыка снова играет туш.

— Товарищи!.. Внимание!.. — Кандыба поднимает руку. — Сейчас
авиамоделлисты покажут свою первую работу... К сожалению, — кричит
он, — мы не можем продемонстрировать подъём на коробчатом змее,
так как комиссия по устройству сегодняшнего праздника не позаботи-
лась о ветре...

Но монгольфьер и схематические модели аэропланов через две ми-
нуты поднимаются в воздух.

Кандыба ещё только начал говорить, а Мишка, Решид, Маруся и
Михельсон уже вытащили на средину шар и ведро. Шурка притащил
охалку хвороста. И они закопошились на земле, за спиной Николая.

Публика с напряжённым интересом смотрела на дым и на что-то
белое, маячившее позади Кандыбы. Он отступил. И все увидели взвол-
нованного Решиды, Мишку и других ребят, дым, выходящий из ведра, и
пухнувший над ведром шар.

— Чего это они делают, ребята?

— Колдуют!..

— Бумажная рыба!..

— Дурак, это шар воздушный!..

— Решидка какой зелёный!.. Гляньте!..

— А ему лететь на этом шаре... Боится.

— Лететь?!

— На бумажном?..

— Да врёт он всё, не слушайте...

— Пошёл!.. Пошёл!.. Смотри, ребята, пошёл!..

— Ура!..

Вслед монгольфьеру полетели тубетейки колонистов. Гости-селяне
одобрительно хохотали, задрав бороды к шару... А он всё поднимался и
поднимался, белый, на синем шёлке неба, всё уменьшался, превратил-
ся в крошечное пятнышко, в точку... и исчез, закрытый надвинувшимся
облаком.

— Выше облаков!.. Вот это здорово!.. — ахнул чей-то голос. Вслед
за ним разразилась буря криков и рукоплесканий. Приглашённые из го-
рода музыканты, забыв, что у них в руках инструменты, криками, нарав-
не со всеми, приветствовали исчезновение шара. Решид сам смотрел в
небо, раскрыв рот от восхищения, забыв, что это аплодируют его дети-
щу. Зато Мишка раздулся от гордости и, сорвав с головы тубетейку,
махал ею во все стороны в ответ на восторг ребят.

А Михельсон, Маруся и Жевтоног уже заводили на предельное количество
Женьки и Кандыбы свои модели. Заводили на предельное количество
оборотов, лишь бы держала резина.

— На старт!.. — скомандовал Кандыба.

Они стали в ряд, подняв вверх модели. Кандыба взамахнул флажком
— и маленькие подобия аэропланов, взвившись в воздух, плавно пошли
набирать высоту. И когда две другие уже опустились, модель Михель-
сона всё ещё летела. Осознавимодец и французы долго следили в
бинокль за её полётом. Ребята и даже кое-кто из селян побежали за
нею в обход, по дороге...

— Приблизительно шестьсот метров... Это рекорд! — говорит Осоавиахимовец, пожимая руку Михельсона.

— Качать его!.. Качать!.. — кричат Алексеев, Посулько и Чеботарёв. И Михельсон, которого так недавно ещё презирали за неумение и нежелание работать, взлетает на руках восхищённых ребят.

— Ребята!.. Я... даю... слово... — вскрикивает он каждый раз, как взлетает вверх, — работать, на сто... процентов... и даже... больше... на пользу... колонии...

— И мы тоже!.. И мы тоже!.. Ура!.. — кричат авиамоделлисты, и Решид с Мишкой громче всех.

И тут их также хватают дружеские руки и подбрасывают вверх. Решид визжит, и захлёбывается от смеха, и брыкает по голове хохочущего Чеботарёва — и всё-таки его бросают высоко в воздух. И он испытывает радость полёта, и ему жаль опускаться в протяннутые руки.

Осоавиахимовец поднимает руку. Он всходит на импровизированную трибуну. Он поздравляет колонистов с дисциплинированностью и умением работать, которое они сегодня доказали дважды. Он объявляет, что Харьковский отдел авиахимии берёт шефство над колонией... Тут восторг колонистов становится неистовым. Только по надутым щекам и покрасневшим лицам музыкантов можно понять, что они играют туш.

— О-ля-ля!.. Удивительно!.. — говорят французы и начинают позреть, что всё происходящее перед ними — спектакль, подобный тем спектаклям, которые устраивал Потёмкин Екатерине в покорённом Крыму.

Им кажется неправдоподобной торопливость, с которой бегут дни бывших правонарушителей.

Часть третья

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ГЛАВЫ

Глава восемнадцатая

ВСТРЕЧА С РОДИНОЙ

Торопливые дни бежали и нанизывались в годы. И каждый год приносил новые победы, раскрывал новые горизонты. Колонийские мастерские превратились в заводские цеха, колонийская школа выросла в девятилетку, в колонии открылся рабфак...

Решид и Мишка уже в девятом классе. У них твёрдый план будущего: Решид едет в лётную школу, Мишка — в педагогический вуз. Они, как и остальные девятиклассники, усиленно занимаются.

И вдруг в торопливый бег дней ворвалась маленькая бумажка и скомкала все расчёты Решида. Телеграф принёс из Чечни от Сергея Ивановича всего одну строчку:

«Маржан опасно больна приездом немедленно». И Решид, бросив учение, уехал.

Что будет дальше?.. Решид не знает. Он ни о чём не в состоянии думать, кроме болезни матери. Застанет ли он её в живых?.. В последнее время он как-то мало думал о ней, редко писал и теперь, сидя в вагоне, испытывал позднее раскаяние. Она, наверно, плакала оттого, что сын её забыл... И, может быть, он уже не успеет её утешить... Впервые за восемь лет Решид почувствовал себя одиноким.

После Минеральных Вод в вагоне появляются чеченцы и ингуши. Решид жадно прислушивается к звукам родного

языка. Но сам не разговаривает. Его гложет беспокойство. Поминутно он вскакивает, подбегает к окну, досадуя на медлительность поезда. Встретит ли Сергей его на вокзале?.. Вдруг он не получил телеграмму?.. А Решид даже не знает, где сейчас Маржан — у Ахмата или в больнице в Шатое?..

Наконец вдали появляются нефтяные вышки Грозного. Решид не может преодолеть нетерпения. Он надевает пальто, увязывает свою корзиночку и идёт к выходу. Целых полчаса стоит он у дверей, пока поезд въезжает в странный городок из круглых огромных баков, непонятно изогнутых труб и цистерн... Рельсы множатся... Вокруг поезда вырастают здания складов. Паровоз, тяжело вздыхая, подкатывает к станции.

Решид выскакивает на перрон. Оглядывается во все стороны... Сергей?.. Где же он?.. Тут только Решид сообщает, что за восемь лет они, вероятно, оба изменились. Он беспомощно оглядывается, досадуя, что не сообщил в телеграмме какой-нибудь знак, по которому Сергей мог бы его узнать.

Пассажиры один за другим проходят мимо Решида. Перрон пустеет.

Решид у выхода в город замечает человека, пронёсшего сквозь зиму летний загар. Бледно-голубые глаза пытливо всматриваются в проходящих...

— Сергей!.. Сергей Иванович!.. — бросается к нему Решид. — Я тебя по глазам сразу узнал...

Сергей Иванович обнимает Решида»

— Решид!.. А я бы тебя проглядел, честное слово... Если б ты сам не подошёл... — он откидывается и любовно всматривается в юношу. — Ну до чего огромный стал!.. Да!.. Что ж я!.. Там Али ждёт. Идём скорее. Это все твои вещи?

— Все.

— Ну и молодчина!.. И когда только ты успел так вырасти?

— Восемь лет, Сергей Иванович, — смущённо улыбается Решид.

— Да, верно: восемь лет!.. Время не стоит.

— Сергей Иванович, что с Маржан? — спрашивает Решид, торопливо шагая за агрономом. Сердце замирает: вдруг сейчас услышит ответ, после которого не останется надежды.

Сергей Иванович становится серьёзным.

— Воспаление лёгких, осложнённое плевритом... Мы с Айшет реслили, что лучше тебя вызвать. А вот и Али. Узнаешь ты его?

Юноша в гимнастёрке успешно выскакивает из автомобиля.

— Али? Неужто? С бородой!..

— Ну, брось, какая это борода! Просто не успел побриться.

Только что из района приехал, а тут Сергей Иванович мобилизовал тебя встречать. Садись, в Шатой доведу.

- Где ты взял машину?
- Не бойся, не краденая, — Али усаживается за руль. — Наша райкомовская.
- Он работает в райкоме комсомола! — поясняет Сергей Иванович, захлопывая за собой дверцу автомобиля. — Такой деловой парень, что не подступился.

Они мчатся по асфальтовой дороге мимо новых высоких домов. Всё поражает Решид.

- Трамвай!.. — ахает он. — Когда его провели?.. По-моему, раньше его не было?.. Сунжу в бульвары одели!.. Ты мне ничего не писал... Помнишь, Сергей Иванович, какая тут грязь была?.. Ух!.. Вот так домина!.. Здесь базар был, правда? Там дальше мы с Мишкой продавали моё платье... До чего ж изменился Грозный!..

Сквозь свист ветра Али через плечо кричит:

- Не больше, чем мы с тобой!..

Да, они изменились не меньше... Решид вспоминает растерянного мальчугана, который когда-то здесь брёл, удивляясь множеству людей, принимая вышки за сторожевые башни, пугаясь автомобилей. А теперь он сам мчится по этому же шоссе в автомобиле, уверенный в себе и в своём будущем... если б только не болезнь Маржан!

- Сергей Иванович... Расскажи, как она заболела.
- «Как»... Из-за упрямства. Знаешь, как старые чеченки держатся за обычай?.. Ни за что не хотела надеть пальто. Закон не велит — и basta!.. Тут хватили морозы, а она вздумала ехать в Грозный. Купить ей что-то надо было, посылку, что ли, тебе отправить... Из Итум-Кале на телеге в мороз в одной шали. Если б я был, я бы ни в коем случае не позволил. Но я теперь работаю в новом районе. А Ахмат ничего с ней не мог поделать. Ну вот и... Мы сочли лучшим послать тебе телеграмму, мало ли что может случиться.

Решид подавленно молчит. Бедная старая нана!.. Он, неблагодарный, думал только о своей учёбе, о своём будущем, а она ни на минуту не переставала заботиться о нём...

Дорога забирает всё выше в гору. Шоссе вьётся по краю ущелья. Справа внизу бешено кипит Аргун. Слева, лежа по склону, застыли покрытые снегом чинары. Али молчит, склонившись у руля: круглые ворота требуют от шофера сосредоточенности. Молчит Али. Молчит Решид. Один Сергей Иванович, желая утешить и рассеять Решид, говорит:

- Твой приезд, наверно, поможет ей. Чем больше у больного

причин желать выздоровления, тем оно скорее наступает. А ты подумай, какая для неё будет радость увидеть тебя...

- Она в Шатое?
- Нет, в Итум-Кале. Там теперь прекрасная больница. Али зажигает фары. От этого делается темнее. Кажется, будто дорога лепится по краю мира.
- Как-нибудь, когда Маржан начнёт поправляться, съезди в Грозный, к Айше, — говорит Сергей Иванович. — Вот кого ты не узнаешь!.. Я, кажется, писал тебе, что она вступила в комсомол и Хамзат выгнал её из дому?
- Да.
- Теперь она уже в партии... Осенью едет учиться в Москву.

Темнота всё больше сгущается. Существует только освещённый кусок дороги перед автомобилем, да иногда из мрака вырывается мохнатая белая ветка.

- Сегодня нам придётся переночевать у Али в Шатое, — говорит Сергей Иванович, — а завтра на рассвете поедем в Итум-Кале.
- Зачем завтра? Я поеду сегодня.
- Куда это ты поедешь? — кричит Али, не отрывая глаз от дороги.
- В больницу, — упрямо сдвигает брови Решид.
- Всё равно ночью в больницу не поустят.
- И дорога сейчас трудная, — мятко говорит Сергей Иванович, — гололёдка. А ты от горных дорог отвык. Сорвёшься. Подумай: какая тогда польза от твоего приезда?

Отчаянный автомобильный гудок как бы подтверждает слова Сергея Ивановича. Последний поворот — и они выезжают на равнину. Впереди огни Шатоя. Вокруг смутно угадываются чёрные массивы гор. Решид закрывает глаза, чтобы удержаться подступившие слёзы. И сам не может понять: слёзы ли это обиды, что его уж не считают горцем; печали, что не увидит сегодня мать; или радости оттого, что вдыхает свежий, ни с чем не сравнимый воздух гор.

Когда на следующее утро Сергей Иванович и Решид приехали в Итум-Кале, Ахмат уже ушёл в райпотребсоюз, где работал. Сергей Иванович проводил Решид до больницы и вызвал к нему дежурную сестру.

- А теперь прощай, дружок. У меня — подготовка к весеннему сезону. Дела по горло. Увидимся как-нибудь в выходной, если удастся его выкроить.

Дежурная сестра распахнула дверь в огромную, солнцем залитую комнату. Решид растерянно остановился на пороге:

кровати, кровати и на всех женщины... Как узнать среди них Маржан?

— Вот она у окна, — пришла ему на помощь сестра. — Да вы не волнуйтесь. У неё здоровое сердце, и ей даже нет пятидесяти. Поправитесь!

Решид подходит к матери. Он стоит спиной к палате. Он точно вдвоём с нею. С болью смотрит в худое, высохшее лицо. Бедная нана!.. Как постарела... Нет пятидесяти?.. Да, кажется, ей нет пятидесяти... А можно дать шестьдесят!.. На голове пузырь со снегом и под ним такое маленькое, сморщенное лицо...

Маржан открывает глаза. Равнодушный взгляд скользит по потолку, по стенам, останавливается на Решиде...

— Нана, — шепчет он, наклонясь, — нана, это я, Решид... Воспалённые глаза всматриваются в его лицо долго-долго... и устало закрываются. Уж столько раз ей казалось, что с нею то Решид, то Юсул... А станешь разговаривать — и видение исчезает... всегда исчезает!.. Изпод опущенных век медленно скатываются две слезинки и ползут по морщинистым щекам.

— Нана, — слышит она ласковый шёпот, — что ж ты плачешь?.. Ты не рада, что я приехал?..

Маржан опасно открывает глаза... Нет, вот он перед нею, Но Решид был маленький, а это высокий, нарядный... Незнакомый. Но лицо!.. Совсем как у её мальчика. Только будто верхняя губа запачкана чёрным... На бледных её щеках появляется румянец.

— Какой большой!.. — шепчет она задыхаясь. — Совсем мужчина... Какой красивый!

Решид, стесняясь, неуклюже поглаживает одеяло.

— Нана, я приехал, чтобы спросить тебя: скорее поправляйся. Будь здоровой, как раньше. Я тебя больше никогда не оставлю, нана. Вечером в кунацкой у Ахмата шумно и весело. Соседи и родственники пришли поглядеть на Решида. Среди них и Гаирбек, отбывший на казание.

Мужчины курят. Решид сидит со взрослыми, как равный, как почётный гость. У двери, прислонившись к притолоке, стоят два мальчика — сыновья Ахмата, как стоял когда-то Решид в знак почтения к гостям.

— Тц-тц-тц, какой большой стал, — покачивает головой Аюб. — Скоро начальник будешь?

— Твой Али уже начальник, — отшучивается Решид.

— Ну как, совсем в Чечню приехал? — спрашивает кривой Алибаев, поглаживая бороду.

— Нет, — почтительно отвечает Решид. — Я приехал на время. Я ещё не кончил учиться.

Вокруг сдержанно смеются. «Чему это они?» — удивляется Решид и поясняет:

— Я учусь только в девятом классе. А ещё надо кончить вуз...

Мужчины снова смеются. Мальчики фыркают и выскакивают за дверь. Решид с недоумением оглядывается.

— А ты не забыл родной язык, это хорошо, — говорит Гаирбек, коварно улыбаясь.

Решид видит эту улыбку, но не может понять её смысл.

— Я в колонии говорил с двумя товарищами. Я их выучил по-чеченски. Только они часто ошибались...

И снова — сдержанный смех.

— Весело здесь у вас, — говорит обиженный Решид. — Очень много смеётесь.

— Это от радости, что тебя видим.

Ахмат, желая дать разговору другое направление, спрашивает:

— А что Харьков — большой город?

— Огромный, — убеждённо отвечает Решид, не выдавший других больших городов.

— Больше Москвы?

— Площадь Дзержинского самая большая в мире!

— Самая большая в мире? Тц, скажи пожалуйста!.. Ая-яй!

— Почему хочешь обратно ехать? — говорит Гаирбек. — Зачем так много учиться?.. Ты ж, наверно, какую хочешь бумагу можешь написать?

Решид пытается объяснить. Но мешают улыбки и перемигивания собеседников. Да и слов не хватает. Иногда, смущаясь и досадуя, он переходит на русский язык.

На прощание Алибаев говорит:

— Очень шибко стали жить. Рано будете стариками.

— Значит, рано достигнем мудрости, — любезно отвечает ему Решид.

Но любезность Решида — сплошное притворство. Чувствуя вокруг себя насмешку, он едва сдерживает раздражение. Проводив последнего гостя, резко поворачивается к Ахмату:

— Почему они смеялись? Я же ничего смешного не говорил. Ахмат смущённо трёт нос, подбородак, глаз и, наконец, вздохнув, отвечает:

— Видишь, ты... немножко путаешь по-чеченски. В общем ты все слова правильно помнишь, только говоришь про себя, как женщина: я приехала, я училась... Понимаешь?.. Очень смешно получается.

Решид краснеет. Какой позор!.. Разболтался... Обрадовался, что старшие слушают, как равного... Ему делается нехорошо

при мысли, что завтра он опять встретится с этими людьми...

— Спасибо, что сказал, — охрипшим голосом говорит он Ахмату. — Жаль, что поздно.

Уже лёжа в постели, вспомнил, как Гаирбек «хвалил» его...» Он застонал и зарылся головой в подушку, задыхаясь от слёз.

«Ах, дурак, дурак!.. И нельзя никуда скрыться!.. Нельзя бросить мать...»

Глава девятнадцатая

ОБМАНУТЫЙ АУЛ

Маржан сделали прокол, удалили из плевры жидкость, и она быстро начала поправляться.

Первые дни Решиды были полны заботой о матери и стремлением восстановить в памяти полузабытый язык. Но убедившись, что Маржан выздоравливает, а он уже совершенно правильно говорит по-чеченски, Решид заскучал. У всех вокруг было дело, и только он, привыкший к напряжённой работе, вдруг оказался как бы выброшенным из жизни. По совету Сергея Ивановича и Айши он попросил в обкоме комсомола дать ему нагрузку. Как раз подошла весенняя посевная кампания, и просьба его пришлась очень кстати.

— Сейчас пахота, — сказал секретарь, — поедешь уполномоченным в один нагорный колхоз... Там условия особые, все единоличники, хозяйства разбросаны в хуторах, трудно объединить. Ну, ты сам горец, нечего тебе объяснять.

Район оказался тот самый, в котором работал Сергей Иванович.

Для начала Решид выбрал аул, в котором, как считали в районе, было неблагополучно. И действительно, когда он приехал, оказалось, что там пахоту и не думали начинать.

— Агроном у вас был? — спросил Решид председателя аульного Совета.

— Был.

— Говорил, что надо в эту неделю вспахать поля?

— Говорил.

— Секретарь райкома был?

— Был.

— То же самое говорил?

— Да.

— А у вас хоть одно поле вспахано?

— Тц, ни одного.

— Почему? — нахмурился Решид.

— Видишь, — мягко сказал председатель, — очень трудно... Конечно: агроном специалист, он имеет очень умную голову. Секретарь тоже имеет умную голову. Только они... ничего не понимают.

— Как не понимают? — привскочил Решид, — А ну, созовай сход. Послушаем, как вы тут, понимающие, рассуждаете.

Сход собрался на площади перед сельсоветом. Весеннее солнце подсушило утоптанную человеческими ногами площадку. Мужчины, усевшись на корточки, разглядывали незнакомого человека, приехавшего из областного центра. Им нравилось, что их уговаривают, но немножко обижало, что прислали молокососа. Решид понимал их настроение. Он начал с длинного цветистого приветствия, в котором выразил им своё уважение, затем перешёл к пользе раннего сева вообще и, когда старики, восхищённые плавностью его речи, дружно закивали головами, огорошил их неожиданным вопросом:

— Так почему ж вы не пашете?

Мирно кивавшие головы остановились. Со всех сторон на Решиду устремились внимательные взгляды; «Ишь ты какой!.. Но и мы не дураки, в обиду не дадимся». Лукавая улыбка, словно огонь по шнурку, пробежала по лицам собравшихся. Тогда Решид выбрал одно лицо — себородого патриарха — и обратился прямо к нему:

— Ведь агроном у вас был?

— Был.

— Он вам говорил, что надо начинать?

— Подожди, пожалуйста, — патриарх погладил бороду. — Агроном что?.. Агроном в книжку смотрит. Агроном по книжке говорит. А который книжку написал, никогда у нас не бывал. Как он может знать, когда нам сеять?

— А секретарь райкома был?

— Был.

— Он же вам то же самое говорил?.. Патриарх снова остановил Решиду:

— Подожди, пожалуйста. Секретарь что? Секретарь — начальник. Большой начальник. Никто против не говорит. Только он — плоскостой... Он в горах не жил... Как он может знать, когда нам сеять?..

— Ну, так я в горах вырос и знаю. И когда я говорю...

— Тц! Подожди, пожалуйста. Ты где вырос?

— За Итум-Кале, на хуторе.

— Ну вот, видишь!.. Зачем наш район пришёл учиться?.. Итум-Кале один район. Наш район совсем другой.

Старик поднялся, важно подошёл к Решиду и, положив одну руку ему на плечо, другой указал куда-то вдаль:

- Вон, видишь, груша стоит?
- Ну?
- Когда груша зацветёт, тогда пахать будем. Решид вкрадчиво обратился к старику:
- А ты никогда не думал, отец, откуда взялась эта примета?.. Молод, кто из стариков вспахал плохо, неглубоко, посеял действительно рано, может быть, в тот год хватили весенние морозы, всходы помёрзли и вот уж он стал учить своих детей: не пашите, не сейте, пока солнце не пригреет так сильно, что груша распустит цветы... Но ведь и среди лета бывает — град уничтожит и плоды и хлеб... Мудрость стариков — великое дело. Я её очень уважаю. Но наука — тоже дело неплохое. Скажи, отец, когда ты был молод, поверил бы твой отец, и дед, и даже ты сам, если бы тебе сказали, что ты увидишь собственными глазами летающего человека?.. Ведь нет? А теперь есть летающие машины, и ты их видишь. А один человек может лететь вниз на такой штуке, парашют называётся, со страшной высоты, выше этой горы, и не разбиться. Это — наука. А телефон?.. Ты выдал в аульном Совете телефон? Здесь скажешь в

трубку, а в районе услышат и ответят. Разве твой отец не посчитал бы это колдовством?.. А это — наука. А автомобиль?.. Это — тоже наука! И те книжки, в которые смотрит агроном, тоже наука. Люди изучили все условия и поняли, как лучше пахать и сеять, чтобы собрать большой урожай. Придумали всякие машины и определили сроки. Это большая наука, отец. И я предлагаю: сделаем пробу — вспашем сейчас, у нас до срока осталось ещё пять дней, и посмотрим, как получится... — Решид почувствовал, что убедил большинство. Молодёжь явно была на его стороне. Но патриарх и остальные старики не хотели сдаваться.

— Всё это так, — наклонил голову патриарх, — наука, конечно... против неё ничего нельзя сказать. Но у нас, если посеять раньше, чем зацветёт груша, ничего не взойдёт.

Решид почувствовал себя беспомощным перед этим упрямством. «Вот вам и действуйте убеждением, — подумал он. — Как ты их убедить, если они ничего знать не хотят? Интересно, как бы поступил Владимир Александрович на моём месте?»

Решид оглянулся вокруг и встретился со взглядом юноши с комсомольским значком на груди. Уловив взгляд Решиды, юноша рванулся вперёд:

— Отцы, он правду говорит! Мы все знаем, что он говорит правду. У Ибрагима Магоматова несколько хороших полей и много баранты, и если ему не хватит на зиму своей муки, он сможет купить. А мы?.. У кого неудобная каменная земля?.. У кого поля страдают от каждого большого дождя?.. Разве мы не должны сделать так, как говорит наука, чтобы наши посевы скорее вызрели и дали лучший урожай?..

Решид, кусая губы, слушал речь юноши. Если бы это был человек хоть средних лет, его выступление помогло бы Решиду. Но он слишком молод. «И я слишком молод, — подумал Решид, — Эх, жаль, что у меня нет такой длинной седой бороды, как у Ибрагима».

Комсомолец продолжал горячо говорить. Молодёжь его поддерживала. Часть стариков, одетых победнее, видимо, колебалась...

— Давайте запашем наши поля, а Ибрагим может хоть совсем не пахать!.. — крикнули из толпы.

«Это не выход, — думал Решид, — это не выход. На чём бы отыграть?» И в то время, как он стоял так, кусая губы, мучительно ища выход, на площадке галопом въехал всадник.

— Кто уполномоченный из обкома?

Решид подошёл к нему и взял пакет. Писал секретарь райкома. Из области требуют сводку, сколько запахано. Решиду предлагалось заполнить форму. Пока он читал, все вокруг

умолкли, с интересом наблюдая за ним. Решид поднял голову, хотел оказать: «Вот видите, из области запрашивают, сколько вы запахали» — и вдруг раздумал. Потрясая пакетом, он шагнул к притихшей толпе:

— Ну, радуйтесь. Не надо вам пахать. Все заволновались. Придвинулись ближе к Решиду:

— Как не надо?... Почему не надо?..

Даже Ибрагим вопросительно поднял свою библейскую бороду.

— Так, совсем не надо, — вдохновенно врал Решид. — Ваша земля отходит плоскостным чеченцам под пастбища.

— Что такое? — вытаращил глаза Ибрагим. — Такого закона нет — отдавать другим нашу землю.

— Земля не ваша, а государственная. Вам другую землю дадут. Лучше этой.

Тут поднялся галдёж, и Решид понял, что упрямство сломлено.

— Не хотим другой земли!..

— Не надо!..

Что такое? И отцы и деды наши здесь пахали!..

— Пусть хорошую землю плоскостным отдадут!..

— Напиши в Грозный, что у нас всё вспахано и засеяно. Решид снова поднял пакет над головой:

— Нельзя. Вот он, приказ. И вы и я попадём под суд.

Решид искоса наблюдал окаменевшего от изумления Ибрагима. Лоб его был сморщен. Видимо, он искал спасительную мысль. Вдруг суровые морщины расплзлись, собрались лукавыми лучиками вокруг глаз, а глаза хитро кой-кому подмигнули... Он поднял руку. Крики утихли.

— Чего вы кричите? — важно сказал Ибрагим. — Аллах очень хорошо сделал. Всё, как мы хотели. Спасибо аллаху — пахать не надо. Спасибо аллаху — нам дадут хорошую землю и даже, может быть, такую, что будем пахать её трактором! Надо радоваться и благодарить аллаха, а вы как индюки: бурль-бурль-бурлы!.. Когда не надо работать, тогда маленький праздник можно делать. Айда к нам, товарищ, — обратился он к Решиду. — Мы хотим тебя немного угостить, потому что ты нам очень хорошую новость сказал.

Решид согласился и пошёл в саклю. Он болтал со стариками, ел галынши, пил жирный бульон. Только от вина отказался. Улучив минутку, когда разгорячённые пиршеством старики забыли о госте, он выскользнул во двор. Так и есть! Предположение его оправдалось: всюду на полях кипела работа. Вот мимо двора корова протатила соху первобытной конструкции. «Всё пошло в дело», — удовлетворённо подумал Решид и уж хотел присоединиться к пирующим,

как во двор вбежал давешний комсомолец.

— Ты видишь, что они делают?... Они тебя обманывают! — взволнованно бросился он к Решиду.

— Это я их обманул, товарищ, — прошептал Решид. — Иди, работай в поле. Неужели и ты такой ерунде поверил?

Комсомолец обалдело взглянул на Решид и вдруг, поняв, хлопнул себя по ляжкам и захохотал.

— Тс! Пусть они думают, что перехитрили меня. Ну, я пойду к ним. А то хватятся.

Пиршество сменилось танцами, музыкой, появились девушки. Программа увеселений была рассчитана на три дня. Всякий раз, когда Решид собирался уезжать, Ибрагим обижался, что он не хочет послушать их знаменитого певца, или сказочника, или посмотреть необыкновенного танцора. И когда через три дня Решид наконец выпустили, вся земля, до последнего клочка, оказалась вспаханной.

Решид сделал вид, что испугался:

— Ой, что вы наделали!.. Теперь меня судить будут.

— Ничего, мы за тебя ответим, — сказал Ибрагим, покровительственно похлопывая его по плечу.

И все старики радуясь, что перехитрили молокососа из области, подтвердили, что примут его вину на себя.

Они расстались довольные друг другом, и Решид, отослав с нарочным заполненную сводку, поехал дальше.

Решид, действительно, судили, но не в народном суде. Прежде всего его судил Сергей Иванович:

— Обман — это не метод. И уж слишком ты, друг, рискуешь: а вдруг бы они захотели перейти на эти лучшие земли, которые ты им посулил?

— Ну да!.. Я уж знаю свой народ. Он не любит менять то, что имеет.

Потом Решид получил головомойку в райкоме. Но секретарь и бригадир и хохотал, слушая чистосердечный рассказ Решиды. В душе он был доволен: его район досрочно закончил весенний сев.

В обкоме на дело посмотрели серьёзнее. Так, что он даже почувствовал потребность излить кому-нибудь своё огорчение и побежал к Айшест.

— Понимаешь: строгий выговор с предупреждением. «Ты, говорят, не комсомолец, а актёр!» Как будто актёр не может быть комсомольцем!.. «Надо, говорят, действовать убеждением»...

А сами сроков требуют!.. Хотел бы я посмотреть, как они этого статуса смогли бы убедить!..

— Прежде всего сядь, — сказала Айшет, — мне трудно смотреть на тебя, задирая голову. А теперь Расскажи толком всё, как было. Выслушав рассказ, она вздохнула:

— Мне кажется, Решид, что ты не проявил к горцам должного уважения...

— Что значит уважение? — вскипел Решид. — Я действовал как педагог. Что может сделать педагог, когда ребята не слушают никаких доводов? Применить или насилие, или дипломатию. Насилие, как метод, осуждено нами. Значит, осталась дипломатия. А дипломатия — это хитрость. И я уверен, что когда в этом году соберут больше, чем всегда, зерна, это и будет самое что ни на есть лучшее убеждение.

Айшет задумчиво покусывала кончик косынки.

— Я недавно прочла несколько рассказов одного буржуазного писателя!.. Забыла фамилию. Забавные... Как «педагогические приёмы»... английские капиталисты применяют. У тебя похоже получается...

Слова Айшет резанули Решиду и запомнились. Даже когда огорчение от выговора утратило свою остроту, воспоминание о сравнении Айшет ныло, как зубная боль. «Скверно, — думал Решид. — С тех пор как я приехал домой, всё что-то не так у меня выходит. Неужели я становлюсь чужим своему народу? Что же будет ещё через несколько лет, когда я окончу лётную школу? Стану совсем вроде иностранца?..»

И Решид медлил с отъездом, хотя Маржан поправлялась и должна была на днях выписаться из больницы.

Глава двадцатая

РЕШЕНИЕ

Прямо из больницы Решид перевёз мать к Айшет в Грозный. Теперь он делил время между квартирой Айшет и разъездами по району. Маржан расспрашивала и сына и Айшет, для чего он ездит в аулы. Из их рассказов сделала заключение — Решид самый старший агроном — и успокоилась.

Решид об отъезде в колонию не заговаривал. Многие удерживало его в Чечне, и прежде всего желание закончить начатую работу и доказать всем, что он действовал правильно.

Когда зазеленели первые всходы, Решид так обрадовался, точно это было не естественное следствие сева, а чудо.

— Вот видишь — сказал он председателю аульного Совета — твои мудрецы сели в калошу. Надо всё делать, как велит наука. Всегда хорошо получится.

— Вон Саид говорит, — один из сельчан кивнул на комсомольца, — что наука может дождик сделать. Врёт?

— Я в газете читал, — защищался комсомолец. Все ожидали, что скажет Решид.

— Это правда, — важно кивнул он головой, — есть такие учёные. Только их ещё мало. В Грозном ни одного нет.

— Как же дождь делается? — заинтересовался председатель.

Решид смутно помнил, что год или два назад читал статью не то в «Правде», не то в «Известиях»... И теперь досадовал на себя, что не запомнил её. Он ведь представитель обкома, на нём ответственность не только за своевременное выполнение сева и поставок государству. Сегодня никто уж не довольствуется сказками. Аульчанин хочет точно знать о мире, в котором живёт. Решид должен уметь ответить на его вопросы.

Он виновато разводит руками:

— Не знаю. Но если вас интересует, постараюсь узнать.

— И спроси в обкоме: нельзя ли к нам одного такого учёного выпустить? Большая польза Чечне была бы!

В Грозном ждало письмо от Мишки. Приятель упрекал Решиду в лени и звал поскорее вернуться в колонию.

«И мать тщи с собой, — писал Мишка. — Владимир Александрович велел передать тебе, что она может служить у нас кастеляншей. Ей не будет трудно, девочки помогут».

Решида вдруг охватила тоска по колонии. Там всё ясно и просто...

Он придвинул лист бумаги и написал Мишке ответ:

«Поблагодари Владимира Александровича, но мать не захочет ехать в колонию. Я с ней об этом даже и говорить не буду. Заранее знаю: она побойтся, что умрёт там и её похоронят в чужой земле. Ведь по чеченским понятиям это большая беда».

И я, Миша, не приеду. По крайней мере сейчас. Не оттого, чтобы меня в чеченской земле зарыли (по правде сказать, мне не верится, что я когда-нибудь умру), но потому, что меня связывает начатая работа. Не думай, что я не хочу учиться. Сейчас я даже больше, чем в колонии, понимаю, как важно знать и уметь другим объяснить массу вещей. Мы все здесь, в Чечне, это чувствуем. И я не отстану в росте от своего народа. Но сейчас я взял на себя обязательство. Уехать — это всё равно, что убежать с войны.

Я не оставляю мысли об авиации и, знаешь, завтра, во время

первомайского парада, буду прыгать с парашютом. Кланяйся Владимиру Александровичу и всем ребятам.

А осенью посмотрим, как будет. Пиши, что прошли в классе. Постараюсь вас за лето догнать...»

«Трудно всё-таки, когда у человека две родины», — подумал Решид, запечатывая письмо.

Первое мая. Потоки знамен, людей, песен и смеха заливают грозненский аэродром.

Маржан у старта среди почётных гостей. От шума, солнца и пёстрых красок кружится голова. Впервые после болезни она очутилась в толпе. Решид куда-то исчез. Потом вернулся, одетый так смешно, что она не удержалась, фыркнула... И сейчас же закрыла рот концом платка, чтобы люди не осудили.

— Нана, ты только не пугайся, — говорит Решид. — Сейчас начнутся прыжки. Я — первый. Поднимусь туда на самолёте и прыгну...

Маржан не нравится такой опасный фокус. Она жалобно смотрит на сына:

— Не надо туда... Прыгай лучше на земле.

— На земле нельзя.

— Тогда лучше откажись, мальчик. Скажи начальнику: моя мать больная старуха, ей вредно, чтоб я вверх прыгал.

— Да ничего страшного нет!.. Я вот эту штуку раскрою и полечу...

— Решид!..

— Брось, нана. Что ж ты хочешь, чтоб подумали, что твой сын трус?

Маржан покорно умолкает: каких только глупостей не делают мужчины, чтобы показать свою храбрость... В таких случаях спорить с ними бессмысленно. Разве благоразумие женщин имеет в их глазах какую-нибудь цену?

Какие-то люди выходят к самолёту. Песни и шум смолкают. Маржан с тревогой прислушивается к непонятному разговору, который ведёт один из неизвестных людей с Решидом.

— Пора, — говорит он. — Помнишь правила прыжка?

— Помню, — отвечает Решид.

— Как ты будешь отделяться от самолёта?

— Отпускаю левую руку, поворачиваю корпус влево...

Они разговаривают и разговаривают, а у Маржан всё больше бьётся сердце. Почему он так долго и так много спрашивает? На какое же опасное дело идёт Решид?... О каком это кольце они говорят?... Может, на счастье надо кольцо! А у Решиды нет... Дать ему своё?..

— Решид! — зовёт она, снимая с пальца единственную свою

драгоценность — тоненькое серебряное колечко. Но сын только прощально машет ей рукой, садясь в крылатую машину... Машина бежит по полю... Стрекочет. Отделяется от земли...

Ну, чего же Решид не прыгает?... А машина поднимается всё выше, выше... Неужели Решид на этой страшной высоте будет что-то делать?... Да его и видно не будет!.. А вдруг упадёт?

Побледневшее лицо матери поднято вверх. Она раскрыла рот, прижала руку к сердцу и в ужасе застыла, следя за самолётом. Вдруг...

— А-ай!.. — дико закричала Маржан, инстинктивно протягивая руки к сорвавшейся с самолёта фигуре. Но сейчас же, поняв свою безнадёжность, закрыла рукой глаза, чтобы не видеть, как он разобьётся... И зарыдала.

По сигналу инструктора Решид выпустил борт кабины, повернулся, протянул руку и, как в мягкую постель, лёг в воздух. Краем глаза уловил удаляющийся хвост самолёта, взглянул на руку, сжимающую кольцо, дёрнул... Как и в первый раз, промелькнула жуткая мысль: не раскрылся!.. Но в ту же минуту его рвануло в воздухе и движение как бы остановилось. Всё в порядке! Решид поднял глаза: как надёжный оплот простёрся над ним белый шёлковый купол. Его охватила радостная уверенность. Захотелось петь, кричать... Если бы можно было мчаться так час, два, три!.. Но не к земле, а от земли. Если б можно ещё хоть минуту продлить это наслаждение!.. Хоть секунду ещё задержаться в воздухе!..

Решид коснулся ногами земли.

Когда Маржан закричала и зашаталась, к ней бросились со всех сторон:

— Матушка!.. Матушка!.. Что ты?... Смотри: всё благополучно. Он раскрыл парашют. Он спокойно спускается.

Маржан подняла глаза: Решид летит под зонтом. Точно какой святой — прямо с неба! С каждой секундой он увеличивается... Но ведь он ударится!.. Сдёрнув с головы платок, она швырнула его под ноги инструктору¹:

— Люди!.. Люди!.. Спасите его!.. Разве зонтик поможет? Он сейчас разобьётся!..

И, расталкивая окружающих, бросилась вперёд, чтобы подхватить падающего сына.

Она подбежала, когда Решид уже складывал парашют. Сдерживая рыдание, Маржан схватила сына за руку:

— Ты ударился?... Где болит?..

¹ Жест, означающий мольбу.

— Нигде, нана, — засмеялся Решид, — нигде не болит. Всё в порядке.

Маржан не хотела верить. Ощупывала его со всех сторон.

— Нана, нана... — шепнул Решид, — как тебе не стыдно? Ты точно не чеченка.

Маржан вдруг сообразила, что вела себя совершенно неприлично. От стыда закрыла лицо рукавом халата.

Решид, подавая кольцо парашюта инструктору, доложил о благополучном выполнении прыжка.

Инструктор пожал ему руку:

— Поздравляю. Прекрасно держался. Можно подумать, что это десятый твой прыжок, а не второй. Завтра получишь свидетельство.

Он повернулся к Маржан, подавая платок:

— Что ж ты закрылась, матушка? Гордиться таким сыном должна!.. А ты, кажется, даже и не видела, как он джигитует в воздухе. Жаль. Мы все им любовались!

Маржан расцвела. Конечно, мужчины делают много непонятного, но, очевидно, так нужно, иначе их не будут уважать. Жизнь меняется, и способы хвастать храбростью меняются... А Решид уже настоящий мужчина, хоть и трудно этому поверить. Маржан вздохнула... Ей стало жаль, что Решид так быстро вырос.

Новый парашютист готовился к прыжку. Но Маржан не хотела смотреть. Она чувствовала слабость и головокружение.

Вокруг Решиды толпились Айшет, Али и ещё какие-то незнакомые Маржан юноши и девушки. Они дёргали Решиды, засыпали вопросами:

— Что ты чувствовал?

— Неужели тебе не было страшно?

— А сердце?.. Всё-таки замирало?..

— А вдруг бы парашют не раскрылся?

— Нет, всё-таки сознаться: пока парашют не раскрылся — страшно!

Маржан гордо посмотрела на них и ответила за сына:

— Решиду ничего не страшно. Он джигитует на зонтике, как другие на коне. Вот и всё.

Решид засмеялся и взял мать под руку:

— А вы попробуйте сами, товарищи. Я вам только скажу, что, если б позволили, я бы десять раз подряд прыгнул, так это замечательно.

Тогда один из чеченцев-комсомольцев сказал:

— Беру на себя обязательство освоить парашют ко дню авиации.

— И я!

— И я!.. — закричали вокруг.

Под эти крики Решид увёл мать с аэродрома. Они шли по улицам прекрасного города, возникшего на месте грязной дыры, оба полные радости: Решид от того, что преодолел искушение уехать в колонию, а Маржан от гордости, что родила такого храбреца и красавца... И ей казалось, что все прохожие с завистью смотрят ей вслед.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Ю. Верольский. О книге и её авторе	5
Часть первая. В ЧЕЧНЕ	
Глава первая. Горная сакля	8
Глава вторая. Тайна пещерки	13
Глава третья. Новые печали и радости	18
Глава четвёртая. Несчастье	27
Глава пятая. Встреча с Мишкой	33
Глава шестая. Бегство	42
Глава седьмая. План меняется	45
Глава восьмая. Спасают агронома	48
Глава девятая. Утро	53
Глава десятая. Ахмат снова появляется	58
Глава одиннадцатая. Отъезд	66
Часть вторая. НА УКРАИНЕ	
Глава двенадцатая. В новую жизнь	70
Глава тринадцатая. Мишка проштрафился	74
Глава четырнадцатая. Конец первого дня	78
Глава пятнадцатая. Воинствующие безбожники	84
Глава шестнадцатая. Заколдованный сад	95
Глава семнадцатая. Быстрые дни	101
Часть третья. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ГЛАВЫ	
Глава восемнадцатая. Встреча с родиной	114
Глава девятнадцатая. Обманутый аул	120
Глава двадцатая. Решение	126

Для среднего и старшего школьного возраста
Остроменцкая Надежда Феликсовна

Повесть о Решиде и Мишке

Редактор Г. И. Яблокова
Худож. редактор Ю. А. Шевченко
Техн. редактор А. Н. Поздняков
Корректоры Н. Ф. Палихова., В. П. Бабкова

Сдано в набор 2.II 1979 г.
Подписано к печати 11.IV. 1979 г.
Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага типографская.
Объём 8,5(7,9) п. л. Уч.-изд. л. 7,76
Тираж 50000 экз. (1-й завод: 1—40000)

Чечено-Ингушское книжное издательство
Управления по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли Совета Министров
Чечено-Ингушской АССР,
Грозный, 21, улица Ленина, 14

Заказ № 273
Типография имени И. Н. Заболотного
Управления по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли Совета Министров
Чечено-Ингушской АССР,
Грозный, улица Интернациональная, 12/33
Цена 25 коп.